

РОССИЙСКИЙ ТЕАТР: ИНФОРМАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ

СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 10

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 9-229/2020

СОЮЗ ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВСЕРОССИЙСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Этот номер мы посвятили самому главному празднику — Дню Победы. Он всегда был важен для тех, кто прошел войну, отдавая все свои силы фронту и тылу, и перешел к нам, детям и внукам этих людей, не только как генетическая память, но как фантомная боль — вряд ли сыщется в России семья, история которой не связана с испытаниями и обретениями тех горьких лет. И потери каждой семьи сохраняют в своей памяти потомки — на фотографиях в альбомах, в рассказах и воспоминаниях родителей, бабушек и дедушек...

Люди театра ни на миг не оставались в стороне от жизни страны и мира — едва ли не с первых дней были сформированы фронтовые бригады, артисты выезжали на фронт, в госпитали, в партизанские отряды, выступали под бомбежкой и обстрелами, оказывались в окружении, но все же пели, танцевали, показывали отрывки из спектаклей, порой и целиком спектакли, эстрадные обозрения на непривычных площадках, которыми нередко служили кузова грузовиков. И на всю жизнь, даже дожив до старости, сохранили живую, яркую память о годах войны. Не просто с глубоким волнением, но с полученным горьким опытом играли они в спектаклях, посвященных великой и трагической эпохе своей юности, молодости, зрелости.

Часть их воспоминаний была опубликована, но было это давным-давно, книги, сборники и журнальные статьи выходили небольшим тиражом. Поэтому мы решили вновь вернуться к некоторым из них — напомнить старшим поколениям и рассказать молодым, «как это было! Как совпало — война, беда, мечта и юность! И это все в меня запало, и лишь потом во мне очнулось...» Строки Давида Самойлова вспоминаются над этими страницами почти невольно, вызывая мысль о том, что «очнулось» и в следующих поколениях. Особенно в год 75-летия Великой Победы...

Случилось так, что в последние месяцы всему миру довелось переживать испытание пандемией — театры не смогли выпустить премьеры, провести вечера памяти; отложились на неопределенное время фестивали, часть из которых планировалось посвятить этому юбилею. Но артисты продолжали делать свое дело, приходя к нам через телевизионные экраны, радио, интернет. Конечно, это — совсем другое, но чувство единения жило и живет в каждом из нас.

Мы собрали в этом номере рассказы о тех премьерях, что успели выпустить театры до ухода в самоизоляцию, воспоминания о людях, прошедших войну. И счастливы, что сумели сделать это!

Дорогие наши друзья! Мы рядом — и это главное. Мы вместе в дни радости и в дни испытаний. Так и будет!

*Искренне ваша,
Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ*

На обложке: Актеры Комсомольско-молодежного театра ВТО

СОДЕРЖАНИЕ

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Была война... А. Бояринцева 2

Артисты в шинелях.

С. Ардашникова 6

Мобилизованные

и призванные. Судьбы
актрис Белгородского
драматического театра.

Р. Фирсова 9

Фронтовые дороги

артистов: М. Погоржельский,
И. Карташева, Б. Иванов.

М. Романова 14

О людях высокого мужества.

Воспоминания Е.Н. Гоголевой.

М. Фолкинштейн 20

О тех, кто верил...

Смоленский театр драмы

в годы войны. С. Романенко 28

Военная судьба

Вахтанговского театра.

В. Фёдорова 36

Воспоминания Марка

Перцовского о фронтовых

бригадах Центрального

театра Советской Армии.

В. Бондарева 48

Елизавета Мамонтова.

Неукротимый характер.

М. Матюшина 58

Нам дороги эти позабыть

нельзя: И. Раевский,

А. Тарасова, В. Кандалаки,

О. Лепешинская,

А. Васильев 63

Комсомольско-молодежный

театр ВТО: И. Воронов,

Ю. Медведев 81

Встреча с Дмитрием

Хворостовским.

О. Шкарпеткина 91

Юрий Смирнов. Гвардеец

товстоноговского призыва.

И. Шимбаревич 94

Николай Лебедев:

вся правда о Великой

Отечественной.

Е. Омеличкина 100

Адиль Велимеев, «сын БДТ».

И. Шимбаревич 111

«Апрельский романс»

(Тамбовский драматический

театр). М. Матюшина 115

«Завтра была война»

(Белгородский драматический
театр им. М.С. Щепкина).

Н. Почернина 120

«Небесный тихоход»

(Нижегородский Камерный
музыкальный театр

им. В. Степанова). В. Шлыков 127

«Василий Тёркин»

(Московский драматический
театр п/р Армена

Джигарханяна).

Евг. Раздирова 131

«Фальшивая нота»

(Московский областной театр
драмы и комедии, Ногинск).

Н. Старосельская 136

«Звездопад» (Мастерская

С. Яшина в ГИТИСе)

и «Фронтовичка»

(Новомосковский драмтеатр).

К. Щербаков 140

«Рядовые» (Арзамасский

театр драмы). Е. Валеева 146

БЫЛА ВОЙНА...

Вот старая — без ретуши и глянца — фотография: люди стоят в очереди за билетами на спектакль. Мороз, Ленинград, блокада...

Возле кассы **Театра музыкальной комедии**, сыгравшей в блокадные дни около **1000 спектаклей**, очередь выстраивалась с ночи. Каждый в очереди знал: возможно, завтра он уже не сможет прийти сюда. И артисты тоже знали: смерть — единственная уважительная причина неявки на спектакль — ежесекундно рядом. Публика была готова отдать спекулянту за билет дневную норму хлеба. Артисты играли в ледяном зале во фраках и бальных платьях, в гриме, который предварительно отогревался на теле. Так, в костюмах и гриме, некоторые и уходили со сцены, не доиграв спектакля. По единственной уважительной причине.

«Сильва», «Баядера», «Принцесса цирка» в те блокадные дни открыли но-

вые социальные функции легкого жанра. Почему так рвались ленинградцы на оперетту? Чтобы знать, что жизнь продолжается, пусть и с трудом выдерживала психика испытания голодом, холодом, смертью. Чтобы доказать себе: мы живы.

О жизненно важном назначении оперетты — фильм **Леонида Трауберга «Актриса»** (1942). Столичной примадонне Зое Стрельниковой одна пожилая женщина говорит: стыдно, мол, это все — песни, танцы, декольте — когда люди гибнут. Примадонна уходит няней в госпиталь и там слышит от раненых совсем другое: нужна оперетта. Искусство тоже воюет, только по-своему. При некоторой сумбурности драматургии, неизбежных идеологических штампах фильм отразил социокультурные реалии военных лет.

... В 1944 году в труппу **Ленинградского областного театра оперетты** была при-

Очередь за билетами в Музкомедию у здания Театра драмы им. А.С. Пушкина

Артисты Музкомедии в госпитале после концерта

нята **Галя Иванова**. Ей всего 17 лет, она пока просто хорошенькая девушка с чистым голосом, которую добрые люди спасли от голода. Через несколько лет Галя станет **Галиной Вишневской**, солисткой Большого театра. Спустя десятилетия о военной жизни, о разъездах по воинским частям она напишет так: «По едва остывшим пожарищам двигается вслед за армией наш театр. <...> Мы — с голыми плечами пляшем, поем, играя то «Сильву», то «Веселую вдову», — по 20–25 спектаклей в месяц. <...> В какой бы прокопченной землянке или убогом, разбитом клубе мы ни выступали — всегда за полтора часа до начала спектакля артисты начинали гримироваться и одеваться столь же тщательным образом, как если бы им предстояло выходить на самую блистательную из сцен».

Оперетта, здесь и сейчас играемая (на сцене или в землянке), помогала выжи-

вать не только зрителям, но и артистам. Возможность забыть на два часа о голоде, о войне была тогда особой ценностью.

... Вспоминая о блокадных днях, Вишневская как о чуде пишет о «**Пиковой даме**» **Чайковского**, показанной в **Михайловском театре**. Призрачно бесплотные певцы, публика в шубах и шапках... «То волнение, потрясение, которое я пережила там, было не просто наслаждением от спектакля: это было чувство гордости за свой воскресший народ, за великое искусство, которое заставляет всех этих полумертвецов — оркестрантов, певцов, публику — объединиться в этом зале, за стенами которого воеет сирена воздушной тревоги и рвутся снаряды. Воистину — не хлебом единым жив человек».

Жаль, что мало сегодня мы знаем об участниках того спектакля. **Клавдия**

Занятия по военной подготовке в Театре музкомедии. 1941–1942

Кузнецова (Лиза), Софья Преображенская (Графиня), Василий Сорочинский (Герман) — певцы, которые не эвакуировались вместе со своими театральными коллективами. По собственной инициативе они организовали маленькую оперную труппу, чтобы в жизни ленинградцев появился новый смысл, новый центр притяжения.

... В 1943 году город стал понемногуживать. Вернулся из эвакуации **Большой драматический театр имени Горького**. Два сезона труппа работала в Кирове. В Ленинграде, на родной сцене худрук БДТ **Лев Рудник** готовит премьеры: «**Волки и овцы**» **Островского**, «**На дне**» **Горького**. Возобновляется довоенный репертуар. Довольно часто труппа театра играет на сцене Выборгского дома культуры. Среди тех, кто видел первые после эвакуации спектакли, была и совсем молоденькая помощница осветителя **Гаяля**: в своей будке на авансцене бу-

дущая примадонна **Вишневская** внимала каждому слову великих артистов (а иногда и подсказывала им текст).

Еще до окончательного возвращения из Кирова артисты БДТ в составе фронтовых бригад выступали в ленинградских госпиталях, на кораблях военноморского флота. Вместе с ними в начале 1943 года выступал и великий скрипач **Давид Ойстрах**. Об атмосфере того времени он писал своему сыну Игорю: «Я лечу в Ленинград, город, который почти полтора года находится под осадой немцев. <...> И все же, несмотря на все, город продолжает жить, работать, бороться с врагом и даже развлекаться. Искусство, музыка настолько необходимы, любимы человеком, что даже в таких нечеловечески трудных условиях люди посещают театры, концерты. Слушают музыку».

Конечно, 12-летнему сыну Ойстрах не написал о том, как страшно было лететь

Галина Вишневская — солистка Ленинградского областного театра оперетты. 1945

в Ленинград ночью, низко надо льдом, про то, что в самолете с ними был пулеметчик. Не написал, что перед одним из концертов он вместе с пианистом **Яковом Заком** под обстрелом переносил малышей из полуразрушенных яслей в безопасное место.

В это же время с чтецкими программами в Ленинграде выступал **Владимир Яхонтов** — ученик Мейерхольда, Вахтангова, один из создателей жанра литературного концерта. Он читал **Пушкина, Маяковского**, литературные композиции «**За Родину**», «**Россия грозная**». Его потряс блокадный город: «Это был совершенно особый остров, особая земля, и жители этого острова знали то, чего мы не знали. Они прошли какое-то очистительное пространство таких бед и таких потрясений, которое ставило их далеко впереди нас. Мы были позади. Нам следовало еще приблизиться к ним, еще понять их, учиться у них мужеству, чистоте и величию духа».

Академик **Дмитрий Лихачев**, анализируя публицистические и научные материалы о тех трагических годах, сокрушался: «Правда о ленинградской блока-

де никогда не будет напечатана». Сберегая в памяти каждый день жизни в Ленинграде, он запечатлел на страницах «Воспоминаний» образы художника, умершего с кистью в руках, ученого, умирающего от дистрофии, но продолжающего работать над докторской диссертацией.

... Как мы не правы, когда в предложении «Была война» слышим прошедшее время. Надо постараться оживить все то, чем жили тогда люди: Великая Отечественная — не архив, не изолированный в истории эпизод. Нужно расслышать, как звучали те дни и ночи, рассмотреть в деталях, прочувствовать, понять то время по-настоящему. Вот тогда, может быть, мы будем хотя бы немного достойны памяти людей, умиравших и выживавших на поле боя, на сцене, в госпитале, в цехе, на съемочной площадке.

Текст любезно предоставлен журналом Нижегородского драматического театра «Комедия».

Алевтина БОЯРИНЦЕВА

Фото с официального сайта Театра музкомедии

АРТИСТЫ В ШИНЕЛЯХ

В старых номерах журналов, в книгах, изданных небольшим тиражом и основательно забытых или вовсе незнакомых, можно неожиданно натолкнуться на интереснейшие сведения о воинском прошлом артистов, которых до сей поры помнят и любят старшее (а иногда и среднее) поколение театралов и кинозрителей.

Вот и решили мы напомнить вам, наши читатели, о некоторых из тех, кого нельзя забывать. Особенно — в годовщину Великой Победы, свершившуюся благодаря и этим людям, репортаж о которых подготовила для журнала «Театр» **С. Ардаш-никова** к 40-летию Советской Армии.

Партизан Максим Греков Театр им. Евг. Вахтангова

Говорят, на войне человек забывает о своей мирной профессии. Пусть так. Но лишь до той поры, пока она, как рана к непогоде, напомнит о себе.

1942 год. Сталинград. Короткие часы затишья. У походной кухни толпятся красноармейцы. Двое подходят к сержанту Грекову. Смущенно улыбаясь, один спрашивает:

— Скажите, не вы ли играли Зяблика?

И память, как огромная волна, всколыхнула, заслонила собой действительность. Да, это было в феврале сорок первого... Группа молодежи, руководимая драматургом Арбузовым и режиссером Плучеком, создавала свой театр. У каждого впереди — жизнь. И вот сделан первый шаг. Премье-

ра спектакля «Город на заре» состоялась. Было так хорошо, что, казалось, такое никогда не должно кончиться... А потом взрыв — заявление в комитет комсомола с просьбой направить добровольцем. Развороченная землянка, закопченные скелеты домов, Сталинградский фронт.

1943 год. Самолет делает круг. И так, как когда-то он ждал выхода на сцену, он ждет теперь сигнала к прыжку. Внизу Украина, занятая врагом.

В районе города Ровно, в отряде Медведова, и началась новая, партизанская жизнь. Максим командует ротой подрывников. Диверсии на железных дорогах — занятие, далекое от театра! Но слишком он дорог, чтобы забыть о нем...

— Иногда на несколько минут вдвоем с партизанским врачом Цессерским забывали о войне, уходили в лес, — вспоминает Греков. — Там мы читали по памяти сцены из Шекспира. Врач превращался в Гамлета, а я был Полонием.

Был в отряде партизан Лева Мачерет. Он никогда не расставался с маленькой потрепанной за время походов книжкой, вытаскивал ее из-за голенища и просил читать.

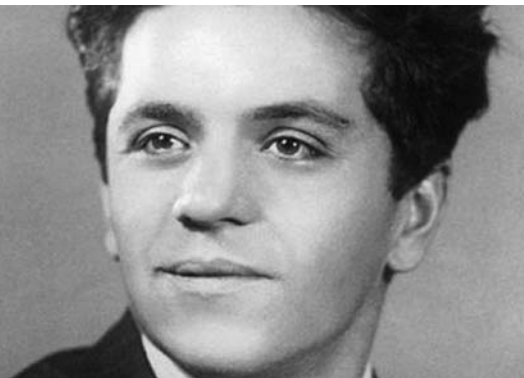
Нас водила молодость

В сабельный поход,

Нас бросала молодость

На фронштадтский лед...

Максим Греков

Эдуард Багрицкий. А я вспоминал его сына Всеволода, моего друга, воевавшего где-то.

Потом Мачерет уходил в разведку. Одинажды он не вернулся...

Так проходили дни и ночи войны. Фронт катился к западу. И когда в июле 1944 года отряд дошел до границы, на боевом счету партизана Грекова было шесть уничтоженных эшелонов.

Зам. политрука Евгения Козырева Театр им. Вл. Маяковского

— **В** моей фронтовой биографии не было той особенной романтики, о которой все мы мечтали в юности, — рассказывает Евгений Козырева.

Осенью 1941 года, в самые тяжелые дни войны, я, как и многие другие, решила уйти на фронт. Но, должно быть, мой вид (мне было тогда семнадцать лет) был такой не героический, что вместо передовой меня направили в батальон аэродромного обслуживания.

Можно представить мою растерянность, когда меня назначили заведующей столовой!

Дома я манной каши сварить не умела, а тут взглянула на огромные котлы, на ведерной величины половники и пришла в ужас от всей этой техники. И, разумеется, не справилась! С грехом пополам полгода держала я эту позицию, а потом пришлось отступить.

Ночью, в мороз, по разбитой дороге бежала к батальонному комиссару. Пришла к нему вся в слезах. Вид у меня был, надо думать, жалкий. Комиссар, как говорится, был строг, но справедлив и не счит мой слезные жалобы дезертирством.

Я получила новое назначение, которое и в этот раз было для меня неожиданным. Но отказаться — значило окончательно признать себя побежденной.

С того дня я стала заместителем политрука автотроты. Мою аудиторию составляли шоферы — народ, как известно, острый на язык и не слишком корректный.

Евгения Козырева

Но полгода, проведенные возле этих людей, не прошли для меня даром. Я решила не сдаваться. И если при первых наших беседах мое появление и каждое слово вызывали смех и шутки, то с течением времени мне удалось (используя то же оружие) от них избавиться. Потом мы жили с ними, что называется, душа в душу, пока не расстались.

А расстаться пришлось. Меня перевели в политотдел Первой воздушной армии, где я проработала до нашей победы.

К началу войны я была в том возрасте, когда люди решают едва ли не самый важный вопрос: «Куда пойти? Чем заниматься в жизни?» После демобилизации вопрос, оставшийся нерешенным, занял меня вновь.

Каждый день приходили новые мысли и планы. А потом (по счастливой случайности или оттого, что меня и в самом деле толкало призвание) я, как говорится у Островского, «подумала, подумала — и пошла в актрисы».

Виктор Губанков не сдается Малый театр

Война разорвала жизнь надвое. Взяв винтовку, он стал солдатом. Война становилась для него работой, такой же необходимой и ежедневной, как та, что осталась по ту сторону. Чтобы вернуться к прежней своей жизни, он должен был перейти пропасть, называемую войной.

... О ствол автомата глухо стучат камыши, перспелой пылью осыпаются на гимнастерку. В холодной трясине тяжело вязнут ноги. Виктор слышит свист пуль, и кажется, что все они пролетают рядом. Еще несколько метров — и болото должно кончиться. Вдруг острая боль обжигает ногу. Чистое синее небо плывет куда-то назад и опрокидывается.

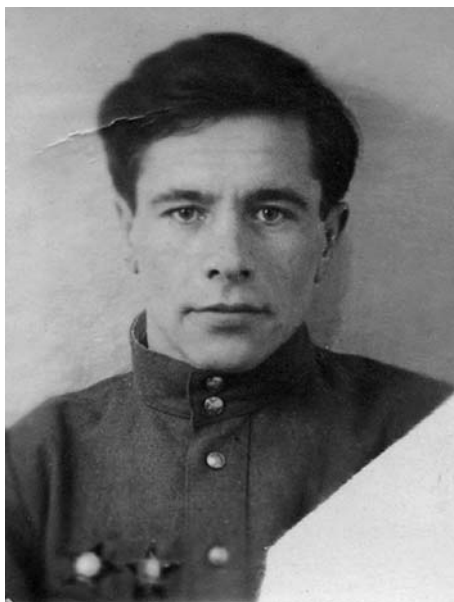
Виктор очнулся только на третий день, когда яркий утренний свет ударил в глаза. Нога болела тупо, где-то выше прежней боли. Виктор приподнялся, провел рукой, нащупал пустоту.

Светлые блики солнца закружились радужными кольцами; тошнота подступила к горлу. Он понял...

А потом пришли бессонные ночи и страшные мысли: артисту Малого театра Виктору Губанкову никогда не выйти на сцену! Для него это было неожиданно, как сама смерть...

В госпиталь на имя Виктора Губанкова пришло письмо. Он перечитывал его несколько раз. Товарищи по театру ждали его возвращения.

В невеселом раздумье проходили дни: «Ты потерял ногу. Ты думаешь, что точ-

Виктор Губанков

ка уже поставлена? Но ведь глухой Остужев играл! А ты? Сможешь ли побороть страх и выйти на сцену?»

Прошел год.

В день открытия 121-го сезона в театр вошел человек. Он опирался на палку и чуть прихрамывал.

А весной 1946 года произошло событие, решившее дальнейшую жизнь актера. Им была сыграна первая роль (**Фабiana** в «**Двенадцатой ночи**» Шекспира).

МОБИЛИЗОВАННЫЕ И ПРИЗВАННЫЕ

Страшную весть о начале войны коллектив **Белгородского драматического театра** узнал, будучи на больших гастролях по Украине, в городе Геническе. По воспоминаниям директора **Софьи Моисеевны Козловой**, через два дня театр уже был в Мелитополе: «...несмотря на мобилизацию, светомаскировку, напряжение тех дней, спектакли проходили при переполненном зале. Это убеждало нас в том, что наше дело нужно людям...»

В сентябре театр вернулся в Белгород. По вечерам играли спектакли, а днем давали шефские концерты. Фронт подходил все ближе, и весь коллектив решено было отправить в отпуск. Но 14 сентября на общем собрании работников театра постановили: «Отдать отпускное время на обслуживание частей Красной Армии. Когда все напряженно работают, мы не имеем права отдыхать».

«Учитывая патриотический настрой коллектива», Курский областной отдел по делам искусств направил Белгородский театр на гастроль в **Курск** до 20 октября 1941 года. Не раз фронтовые концерты прерывались сигналами тревоги, налетами вражеской авиации, но артисты делали свое дело, считая себя «мобилизованными и призванными». «За время войны, — писала 10 октября 1941 года «Курская правда», — артисты театра дали 72 концерта для бойцов и трудящихся».

Враг подходил к Курску. Было принято решение об эвакуации, и через несколько дней белгородцы уезжали на восток с письмом облисполкома в адрес Управления по делам искусств **Казахской и Узбекской ССР**. В нем говорилось: «Директор театра тов. Козлова С.М. в период военных действий сохранила коллектив, перестроив его работу на воен-

ный лад, культурно обслуживая как население, так и части РККА... Просьба оказать всемерную помощь коллективу Белгородского театра, сохранившегося как наиболее ценный, организованный и работоспособный». В годы эвакуации Белгородский театр получил название «Курский драматический театр».

В трудных условиях двухлетней эвакуации театр продолжал работать — играли спектакли, давали концерты... На его передвижной сцене шли постановки «**Парень из нашего города**», «**Русские люди**», «**Жди меня**» **К. Симонова**, «**Нашествие**» **Л. Леонова**, «**Платон Кречет**» **А. Корнейчука**, «**Хозяйка гостиницы**» **К. Гольдони**, «**Бесприданница**», «**Последняя жертва**», «**Без вины виноватые**» **А.Н. Островского**. В марте 1943 года театр был отмечен благодарностью по Приказу Управления по делам искусств при Совете народных комиссаров РСФСР.

После освобождения Белгорода в августе 1943 года артисты вернулись в родной город, который встретил их безлюдьем и разрухой. Начали восстанавливать здание театра и уже в апреле 44-го открыли театральный сезон. С той поры возмужавшая, много повидавшая, выжившая театральная семья стала именоваться Белгородским драматическим театром.

Одной из первых послевоенных постановок театра стала «**Молодая гвардия**» по роману **А. Фадеева**. Премьера состоялась в декабре 1947 года в отремонтированном здании театра и прошла на «ура». Зрители по несколько раз приходили на этот спектакль — его тема, события были близки и понятны белгородцам, которые сами пережили все ужасы немецкой оккупации, помнили своих героев-подпольщиков, массовые аресты и казни.

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в истории Белгородской драмы (неслучайно военная тема не уходит из репертуара театра) и в судьбах многих служителей сцены поколения «сороковых-роковых». Но сегодня хотелось бы вспомнить о трех трудных, ярких и достойных женских судьбах.

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЯРЦЕВА (1925–2005),

заслуженная артистка РСФСР

Евгения Ярцева родилась 16 сентября 1925 года в Рязани в семье служащих. Мать воспитывала троих детей, отец работал бухгалтером. В 1942 году по окончании средней школы Евгения поступила в театральную студию при **Рязанском областном драматическом театре**. В последующие два военных года (1943–1944) в составе фронтовой эстрадно-концертной бригады она побывала во многих городах

прифронтовой полосы: Харьков, Запорожье, Феодосия, Керчь. Выступала в воинских подразделениях, госпиталях, на аэродромах. Евгения Александровна не участвовала в боевых действиях, но своим искусством служила Родине в страшные годы Великой Отечественной войны.

В 1945 году Е.А. Ярцева окончила театральную студию в Рязани и поступила в **Школу-студию МХАТ**. Прошла все три тура отбора, но учиться не пришлось из-за материальных трудностей в это сложное послевоенное время. Девушка вернулась в родной рязанский театр.

За **60 лет** творческой деятельности Евгения Александровна служила в театрах России, Украины, Молдавии: в **Гродно, Луганске, Бельцах, Рязани, Кемерово, Уфе**. Именно в Уфе она познакомилась со своим будущим мужем — режиссером Рэмом Байером. В 1965 году вместе с семьей Е.А. Ярцева переехала в Белгород на постоянное место жительства и начала работать в **Белгородском дра-**

Евгения Ярцева

Евгения Александровна Ярцева

матическом театре имени М.С. Щепкина. Белгородской сцене она отдала 40 лет. В памяти белгородцев навсегда останутся созданные актрисой образы волевых, решительных, смелых и страстных женщин в спектаклях по произведениям Ф. Шиллера, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, А. Калинина, Э. де Филиппо, В. Дельмар, А. Касоны. В творческой биографии Евгении Александровны насчитывается около 400 ролей. 14 августа 1978 года ей присвоили звание «Заслуженная артистка РСФСР».

До последнего времени Евгения Александровна активно занималась общественной деятельностью — была депутатом областного и городского Советов народных депутатов, участвовала в жу-

ри различных военно-патриотических конкурсов и фестивалей. Награждена орденом Трудового Красного знамени, ей присвоено звание «Почетный гражданин города Белгорода».

Евгения Александровна Ярцева ушла из жизни 8 сентября 2005 года. Похоронена в Белгороде.

ИРАИДА ПЕТРОВНА БАНИНА (1926–2017)

Ираида Банина родилась в 1926 году в Туле. Во время Великой Отечественной войны семья Баниных осталась в Туле. К октябрю 1941 года город оказался в полуокружении и ежедневно подвергался артиллерийскому и минометному обстрелу, воздушным налетам и танковым атакам. Мирное население активно участвовало в обороне города.

Тульский дворец пионеров организовал концертную бригаду для обслуживания частей Красной армии, оборонявших город от фашистов, и раненых в госпиталях. Пятнадцатилетняя Ираида Банина записалась в концертную бригаду одной из первых. Днем юные артисты дежурили в госпиталях у постелей тяжелораненых бойцов, а вечером давали концерты в самой большой палате. Выступали дети и по Тульской радио, и в воинских частях. Концертная бригада выступила и перед французскими летчиками авиаполка «Нормандия-Неман». Артистам нужно было обладать большим мужеством и хладнокровием, ведь не раз фронтовые концерты прерывались сигналами тревоги, налетами вражеской авиации. Импровизированной сценой них служил открытый кузов грузовика.

Тульская оборонительная операция с 24 октября по 5 декабря 1941 года была частью битвы за Москву. В ходе героической обороны Тулы советские войска сковали две танковые армии противника, преградив путь на столицу. Когда 3

Ираида Банина

мая 1944 года вышел указ о награждении участников концертной бригады Тульского дворца пионеров, медаль «**За оборону Москвы**» получила и Ираида Петровна Банина.

После окончания Тульской театральной студии в 1947 году И.П. Банина приехала в Белгород и поступила на сцену Белгородского драматического театра. Дебютом стала роль **Ульяны Громовой** в спектакле «**Молодая гвардия**».

«Мы ставим перед собой задачу — создать спектакли, достойные наших зрителей, замечательных советских людей, возрождающих свой родной город, вселить в них бодрость и еще более крепкую уверенность в радостном завтрашнем дне», — писали в «Белгородской

правде» выпускники Тульской театральной студии.

За время работы в Белгородском драматическом театре имени М.С. Щепкина И.П. Банина сыграла около **150** ролей.

Ираида Банина ушла из жизни в июне 2017 года. Похоронена в Санкт-Петербурге.

МАРИЯ ИЛЬНИЧНА БАСКОВА-МАЛКИНА (1924–2019)

Мария Баскова родилась 21 июля 1924 года в деревне Ташлияр (Татарская АССР). Когда началась война, ей было 17 лет. В военкомате города Горького ей отказали в мобилизации из-за роста и возраста и посоветовали идти в райком комсомола. Там девушку направили в госпиталь, чтобы она организовала библиотеку и помогала раненым. Мария Ильинична ходила по палатам, читала стихи и писала письма от раненых солдат домой, пела песни «Синенький скромный платочек», «Уезжал солдат из дома...» А еще помогала киномеханику. Но вскоре тот ушел на фронт, и она встала на его место. «Ты заменила бойца, ушедшего на фронт...», — говорил Марии замполит эвакогоспиталя № 2813. «Помни, — настаивал он, — труд киномеханика — это ответственное дело! Работай так, чтобы у тебя не было срывов, и чтобы тебе не кричали: «Сапожник!»

В Горьковском главкинопрокате М.И. Басковой выдали удостоверение киномеханика, а также разрешение на получение картин. Это был конец 1942 года. И в это время госпиталь отправился на фронт, разместившись в прифронтовой Туле. Вокруг Тулы, вдоль линии фронта, полевые госпитали располагались в больших брезентовых палатках. Марии с первых дней поручили показывать фильмы и там, для чего выделили повозку с лошадью и возчиком. «Случалось, — вспоминала Мария Ильинична, — попадали под обстрел. Во время про-

Мария Баскова-Малкина

Мария Баскова-Малкина

смотра фильмов часто объявляли тревогу, отключали свет и прерывали показ». И тогда по просьбе раненых бойцов киномеханик рассказывала сюжет фильма, с увлечением изображая героев мимикой и голосами, даже танцевала и пела за них.

В 1944 году Мария Ильинична Баскова поступила в театральную студию при **Тульском областном драматическом театре имени Горького** и до конца войны уже в составе концертной группы учащихся Тульского драмтеатра обслуживала воинские части. В 1947 году белгородская труппа была сформирована из выпускников именно этой студии. Прежде чем стать актерами нового театра, тульские студийцы работали на строительстве разрушенного Белгорода. Дебютировала Мария Ильинична на белгородской сцене в роли

Радика Юркина в спектакле «**Молодая гвардия**».

В театре М.И. Баскова проработала **36 лет**, сыграв более **200** ролей, среди которых множество в спектаклях детского репертуара. Выйдя на пенсию, продолжала заниматься творчеством: в образе нянюшки Арины выступала в Парке культуры и отдыха, вела развлекательные программы для детей. Всегда была активным членом Белгородского отделения Союза театральных деятелей России.

Мария Ильинична Баскова прожила долгую яркую жизнь. Она ушла из жизни 31 июля 2019 года в возрасте 95 лет. Похоронена в Белгороде.

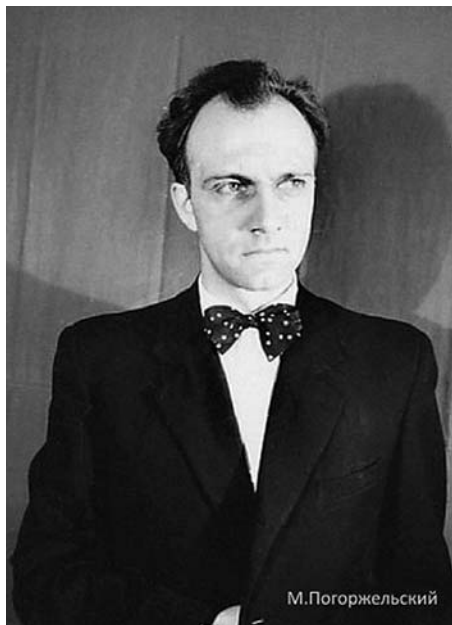
Раиса ФИРСОВА

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ АРТИСТОВ

6 мая 1992 года в эфире Радио России прозвучала программа «Фронтовые дороги артистов», героями которой были супружеская пара **Михаил Бонифациевич Погоржельский** и **Ирина Павловна Карташева**, а также **Борис Владимирович Иванов** из **Театра им. Моссовета**. Прошло много времени с тех пор, этих замечательных людей нет с нами. Но остались их голоса на пленке, их воспоминания о войне, рядовыми участниками которой они стали.

История этой программы такова: вместе с режиссером **Верой Малышевой** мы пришли в гости к Карташевой и Погоржельскому. Нам повезло, мы были хорошо знакомы, поэтому и наш разговор был доверительный.

Михаил Погоржельский

М. Погоржельский

Михаил Бонифациевич встретил войну в Ленинграде, где жил с родителями и был студентом Ленинградского театрального института. Но начал он с воспоминания о том, что происходило с ним годом раньше, весной 40-го, когда он окончил среднюю школу: «Наше поколение заканчивавших среднюю школу брали тогда в армию. Я проходил подготовку, был зачислен в пулеметную команду. После медкомиссии сидели во дворе, курили. Вдруг меня вызывают к военкому. Он мне задал короткие вопросы: «Ваш отец поляк по национальности?» — «Да». — «А вы?» — «Я русский. Я родился в России и считаю себя русским». — «Вот что, товарищ Погоржельский, мы не можем вам доверить защиту рубежей нашей Родины. Вы свободны». Я повернулся и вышел. Дома вечером устроил скандал, почему я не могу как все мои сверстники идти в армию, защищать Родину?! На следующий день встал вопрос: что мне делать дальше? (А дальше был Ленинградский театральный институт, куда не могли не принять высокого, красивого, талантливого юношу с удивительным тембром голоса. — *М.Р.*) Я проучился первый курс, закончил его. Наступило 22 июня 1941 года. (Накануне, 21 июня ему исполнилось 19 лет. — *М.Р.*) Мужчины нашего курса пошли в так называемые добровольческие батальоны. Я же воевал в матушке-пехоте в пулеметном взводе, был помощником командира взвода. Осенью 1942 года на Западном фронте наша дивизия шла от Торопца к Великим Лукам. 26 ноября нас посадили на танки, сверху на броню, и кинули штурмовать Великие Луки. Нас встретили сильным огнем. Танкисты постучали нам: давайте, прыгивайте. Мы прыгнули с танка. Я помню, что я прыгнул на какую-то кирпичную разрушенную

Ирина Карташева. Фото с сайта ЦДА

Михаил Погоржельский

кладку, стал осматриваться. В этот момент услышал, как один раз чиркнули, второй... Понял, что попал под снайпера. Ну, думаю, надо отсюда убираться, добром это не кончится. Опять огляделся, увидел, что позади гряда кирпичей, решил перепрыгнуть через них. Когда перепрыгивал, меня что-то ударило по ноге. Я даже не почувствовал боли, не понял. Но нога осталась лежать на кирпичач. Второй удар. Дернул ногой, что-то плохо получается, увидел, что ногу начинает заливать кровью. Боли почему-то не почувствовал. В это время появились наши артиллеристы. Я крикнул: ребята, помогите! Один из них подбежал ко мне, бросил плащ-палатку: залезай! И стал меня волочить. Потом остановился. Я на локтях подполз, и увидел, что пуля вошла ему прямо в затылок. Подбежали артиллеристы, подъехали сани санитарные, которые подбирали раненых. Начался мой путь по госпиталям. Ровно год я пролежал в госпитале...

А в это время Ленинградский Театральный институт находился в эвакуации в

Новосибирске. Меня комиссовали. Куда ехать? Конечно, в Новосибирск...»

Шел 1943 год. Михаил Погоржельский был, наверное, первым студентом, кто вернулся с фронта раненым, но живым. Как же его встретили в Новосибирске! Объятия, слезы. Среди друзей — его однокурсница Ирина Карташева. На ее долю выпало немало испытаний прежде, чем она оказалась в Новосибирске. И вот они встретились. Им было по 20 лет.

Ирина Карташева: «Мы познакомились с Мишей на первом курсе, влюбились друг в дружку. Когда Миша уходил на фронт, вышло так, что я его не провожала, мне пришлось уехать раньше. Весь этот период его отсутствия и моих скитаний мы были абсолютно верны друг другу. И это чувство нас согревало очень. Я была сначала в Саранске, где в ссылке была моя мама. С Мордовским театром ездила на фронт, причем была в первом эшелоне, в том числе и на Орловско-Курской дуге. Вряд ли надо рассказывать, что это было: деревья были выкорчеваны с корнем, грохот канонады... Мы по-

*Ирина
Карташева
и Михаил
Погоржельский
с сыном*

пали тогда в первый эшелон, на передовую. Потом туда не пускали бригады артистов. Одна бригада погибла. Мы попали под обстрелы, бомбежки. В Орле мы оказались через полтора часа после взятия города. Трупы еще не были убраны, не всех раненых подобрали...

Потом я попала в Новосибирск. Работала в Ленинградском Театре имени

А.С. Пушкина, он был там в эвакуации. Вдруг мне говорят, что через несколько дней приезжает Миша.

Не надо вам говорить, как мы волновались, и как это было трудно. Ранение его было настолько серьезным, что его комиссовали, все было засекречено. Он лежал в госпитале. Послал телеграмму маме, которая была начальником гос-

Ирина Карташева. Фото с сайта ЦДА

питала в Ленинграде. Она его нашла. Когда нашла, не узнала. И только когда он ее окликнул, поняла, что это ее сын. Я это знала, и конечно, очень волновалась. Это было в так называемой квартирно-эксплуатационной части, в два ряда кровати... Все мы, студенты, знали друг друга еще до войны. Конечно, веселье, хохмы, шутки. Жизнь-то брала свое. Я пришла. Все замерли. Миша вышел, он был в гимнастерке, нога в обмотке, худой, с палочкой. Встреча была и прекрасной, и трудной, потому что он был еще в войне, а я, горемычная, уже была в миру — театр, успех. Мы были как бы в разных ипостасях существования. При всем том я ждала его очень трепетно. Вот так мы встретились.

Потом с первым эшелонам вернулись в Ленинград 4 мая 1944 года. Миша пошел в институт. А я осталась в Пушкинском театре. На какое-то время наши пути разошлись. Хорошо это или плохо, не знаю. Но, к счастью, жизнь нас све-

ла опять. Мы всю жизнь вместе. Так что при всех ужасах войны, все равно жизнь шла. Я позволю себе прочитать стихотворение Ольги Берггольц, вернее, несколько строк из ее стихотворения, которое говорит именно об этом:

*Я никогда героем не была,
не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не героизмовала, а жила.*

*И не хвалюсь я тем, что в дни блокады
не изменяла радости земной,
что как роса сияла эта радость,
угрюмо озаренная войной.*

*И если чем-нибудь могу гордиться,
то, как и все друзья мои вокруг,
горжусь, что до сих пор могу трудиться,
не складывая ослабевших рук.*

Да, энергией и мужеством Ирины Карташевой всегда можно было только

Ирина Карташева и Михаил Погоржельский на сцене

восхищаться и удивляться. Она умерла 14 мая 2017 года, не дожив полгода до 95-летия. До последних дней актриса была на сцене...

В тот памятный вечер к Погоржельским зашел на огонек их сосед, тоже артист Театра им. Моссовета, фронтовик, народный артист РФ Борис Владимирович Иванов, которого мы попросили вспомнить военные годы, что он с удовольствием и сделал: «В день начала войны, 22 июня 41 года, это было воскресенье, мы должны были играть свой дипломный спектакль «Жорж Данден». Я — одессит. После спектакля мы должны были идти в Лондонскую гостиницу на банкет. Короче говоря, утром сделали прогон, потом пошли в Городской садик гулять, покурить, поесть мороженого. И в 12 часов объявили, что началась война. Вся наша жизнь изменилась

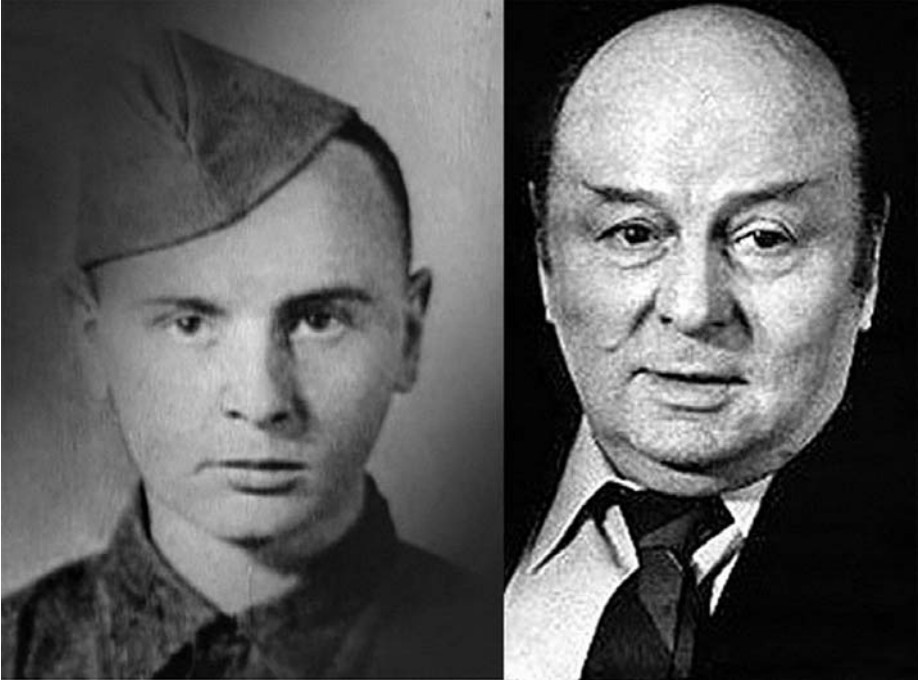
«Лиззи Мак-Кей».

Михаил Погоржельский и Любовь Орлова

именно в 12 часов. 24-го числа мы все написали, до сих пор помню, на синеньких таких бумажках, заявления, чтобы нас взяли на фронт. И 6 июля я уже в поезде ехал на войну, сказав маме: ну месяца на три. И дальше началось...

Я воевал до 8 апреля 1942 года, когда был ранен. Служил в пехоте, в 7-й Гвардейской дивизии 14-го Гвардейского стрелкового полка, 10-й Гвардейской армии. Воевал, как и мой друг Миша, просто честно воевал. А потом госпиталь. Мишка полстолетия мучается со своими ранеными ногами, я отдал этому девять лет — боли, страдания, окровавленные рубахи... Я не могу сказать, что сейчас страдаю, болит иногда, как без этого жить».

Борис Иванов закончил воевать после тяжелого ранения в 1942 году в звании

Борис Иванов

старшего лейтенанта. Он долго лежал в госпитале с угрозой ампутации руки. Руку спасли. Но она о себе напоминала всю жизнь. Борис Иванов был на фронте не только солдатом, но и актером: «Так случилось, что после госпиталя я работал один сезон в Рыбинске. И с Рыбинским театром ездил на Северный фронт уже в качестве актера. Бывали бомбежки, конечно. Все было. Отважные люди — актеры, особенно женщины. Все стремились быть в вечерних платьях, быть нарядными. И военные темы поднимали, и классику. Стихи и классическая музыка были так же интересны, как фронтовые частушки или какая-то сцена из оперетты, «Теркина» обожали. Все помогало бойцам, особенно в госпиталях. Люди были благодарны. Актеры работали в клубе или на открытой площадке, а к лежащим раненым приходили в пала-

ту. Это было время, когда у них не болели раны, они думали о прекрасном, о доме, о мирной жизни...»

Эту тему продолжил Михаил Погоржельский: «Когда я лежал в госпитале в Москве, пришла к нам в палату поэтесса Юлия Друнина. Я тогда ее впервые увидел и услышал. Она прочитала нам стихотворение, которое мне запомнилось на всю жизнь:

*Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И сотни раз — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Этими стихами Юлии Друниной Михаил Погоржельский поставил точку в нашем разговоре-воспоминании о войне.

Мая РОМАНОВА

О ЛЮДЯХ ВЫСОКОГО МУЖЕСТВА

Елена Николаевна Гоголева называла мастеров **Малого театра** «стаей славных». Обладательница изысканной внешности, богатого низкими, красивыми обертонами голоса, разностороннего дарования к этой когорте она тоже принадлежала по праву. Ведь появившаяся на свет в Москве 25 марта (7 апреля) 1900 года в семье провинциальной актрисы и армейского офицера, окончившая сначала Институт благородных девиц, а затем драматическое отделение столичной Филармонии Гоголева служила легендарным подмосткам **три четверти века** — с 1918-го вплоть до кончины 15 ноября 1993-го. Елену Николаевну приглашали и в МХТ, и в Камерный театр, но она с юности была очарована Малым, стремящимся «не копировать», а «укрупнять» действительность, «доводить ее до яркого, выразительного звучания, отбрасывая незначительное и второстепенное, передавая существенное и главное». Об этом Гоголева старалась не забывать на протяжении собственного, чрезвычайно плодотворного творческого пути.

О его различных периодах, о работе над ролями и поэтическими композициями, о психологических трудностях перехода от образов молодых героинь к образам возрастным, о коллегах не только по Малому театру, а по актерскому «цеху» в целом, о повлиявших на формирование и развитие ее индивидуальности режиссерах, обо всех, кто был ей дорог, Елена Николаевна рассказала в книге «На сцене и в жизни».

Из этих откровенных, лишенных самолюбования воспоминаний театралы узнали и о выпавших на долю Гоголевой испытаниях. В том числе: о личных драмах, о спровоцированном сильными нервными потрясениями, в критических обстоятельствах дававшем о себе знать туберкулезе легких, конечно, о войнах, Гражданской и особенно Великой Отечественной, которая оказалась связанной и с общими для всей страны бедами, и с трагическими перипетиями в судьбе ее сына, летчика Игоря Георгиевича Дудкевича. И не удивительно, что наиболее пронзительные страницы мемуаров Гоголевой посвящены как раз той грозной поре.

Поэтому именно их фрагменты показалось закономерным представить читателям «Страстного бульвара, 10» сейчас, когда мы отмечаем семьдесят пятую годовщину Победы. К тому же она почти совпала со 120-летием со дня рождения Елены Николаевны Гоголевой.

ПРЕДВОЕННЫЙ ГОД. НАЧАЛО ВОЙНЫ

[...] Игорь полюбил свою профессию. Писал мне восторженные письма о полетах, прыжках с парашютом, о своих успехах. Он был выпущен лейтенантом и уехал на границу в 1940 году.

Естественно, я гордилась им. И когда он в отпуск приехал ко мне в новенькой лейтенантской форме, я не могла на него налюбоваться. Часто во время его отпуска мы бывали в театрах. Я была счастлива, когда мы прогуливались по фойе Вахтанговского театра и вызывали общее внимание. Если бы знать, что ждало нас обо-

их через год! Если бы знать, что пришлось пережить Игорю из-за посещения Вахтанговского театра! Это все было в страшном «впереди». А тогда, провожая Горика с Киевского вокзала к месту его назначения на границу, я не задумывалась ни о чем. Единственная моя просьба была — писать. Через некоторое время стали приходиться письма, которые казались мне странными. В них были какие-то неясные намеки на оживление «соседей». Но я не придавала этому значения. Жизнь текла своим чередом. Шли премьеры «Уриэля Агосты» и «Варваров», шел мой любимый «Ста-

Народная артистка СССР
Елена Николаевна Гоголева

кан воды», происходили мои концертные вечера. Я была здорова, готовила новую программу. Меня привлекала восточная поэзия, Омар Хайям, Шота Руставели.

Летом 1941 года Малый театр выехал на гастроли в Днепропетровск и Сталино (теперь Донецк). Я любила Днепропетровск. Мы бывали там на гастролях довольно часто и всегда выступали очень успешно. У меня был хороший репертуар — «Варвары» и «Стакан воды». Затем труппа разделилась на две группы. Я переехала в Сталино, где мне предстояло играть «Стакан воды». В этом горо-

де я никогда раньше не была. Приехали мы совсем к ночи 21 июня. Утром 22-го я проснулась в чудесном настроении. Стоял яркий, солнечный день. Захотелось и мне к завтраку выйти нарядной. За столом все много шутили, весело смеялись; кто бывал здесь раньше, рассказывало великодушном приеме зрителей. И вдруг — радио. Внезапное нападение Германии. Война. Тишина за столом. Первая мысль моя — Игорь! Граница! Он там. И хоть последние письма были уже без намеков, они прямо предупреждали о чем-то важном — не хотелось верить.

Вечером мы играли «Стакан воды». Обстановка была напряженная, но спектакль шел. Я держалась. В театре аншлаг. Мы играли в летнем театре городского цирка. Однако слухи о бомбежке Киева настораживали. Кто был свободен — не отрывался от черного репродуктора, а мы, играющие, все же невольно прислушивались и исподтишка посматривали на небо. Не помню точно, сколько мы сыграли спектаклей — кажется, с утренником три. На утреннем спектакле кому-то послышался бомбовый удар. Наташе Белевцевой стало плохо. Вечером спектакль отменили. Из Днепропетровска должно было прийти указание, что делать. Наконец, местные власти посоветовали складывать вещи и ждать транспорта на вокзал. А вокзал тогда в Сталино находился далеко от города, и надо было ехать трамваем минут сорок. Мы сидели на чемоданах около трамвайных путей. Некоторые старались шутить: вот, мол, последний акт из «Любови Яровой». Да, похоже. Но не было паники. Сидели молча, сосредоточенно глядя в ту сторону, откуда появится трамвай. Как мы в него садились, как ехали — не помню, не помню и погрузку в поезд, и дорогу до Москвы. Мысли мои занимал только Игорь. А вот приезд в Москву помню. Радостные крики встречающих родных, слезы, объятия и Семен Исаакович (Семен Исаакович Каминка, режиссер, муж Е.Н. Гоголевой — М.Ф.), размахивающий каким-то листком и кричащий: «Жив! Жив! Игорь жив!» Очевидно, мне стало плохо. Потом я почувствовала крепкие объятия Семена Борисовича Межинского и его почти суровый голос: «Спокойно! Спокойно!» Как-то взяла себя в руки, вышла из вагона. Телеграмма от Игоря: «Жив, здоров, не волнуйся».

Спектакли в театре продолжались. Малый стоял на ремонте, играли в нынешнем Детском. И вечное ожидание вестей с фронта, от Игоря. Странно, но я за него почему-то была спокойна. Даже,

«Варвары». Е. Гоголева в роли Надежды Монаховой

когда долго не приходили письма, даже, когда получила извещение: «Пропал без вести». Я верила, знала, что увижу его, что он не погибнет. В театре, как я потом узнала, меня стали считать чуть-чуть тронутой, избегали при мне говорить о фронтах. Но это было уже потом. Предстояла еще эвакуация. А пока все лето и осень в Детском театре шли спек-

такли. Дежурили на крыше, тушили зажигалки, а в ожидании очереди на крышу собирались в администраторской. Кто-нибудь рассказывал маленькие новеллы или загадывал загадки. Первые бомбежки Москвы. Мы с Семеном Исааковичем сидели на балкончике. Вечер был чудесный, говорили об Игоре, о наступлении фашистов, и вдруг: «Граждане, воздушная тревога». Мы как-то не сразу поверили, что это не учебное предупреждение. Голос Левитана был суров и настойчив. И мы пошли в укрытие. Сильнейший взрыв потряс стены убежища, потух свет. Пятидесятикилограммовая бомба упала в соседнем дворе. Когда дали отбой, мы возвращались по двору, сплошь покрытому осколками — в домах все стекла были выбиты. После нескольких таких бомбежек мы переехали в театр. Иногда уходили в метро, но чаще оставались в театре. Несмотря на выбитые стекла, не было никаких грабёжей. Москва деловито и сурово продолжала свои повседневные дела.

Пришел приказ эвакуировать некоторых актеров старшего поколения в Нальчик. Уехали Немирович-Данченко, Качалов, Рыжова, Массалитинова, Климов с Рейзен и кто-то из Большого. Яблочкина, Турчанинова и Яковлев ехать отказались. Спектакли не шли. Начались концерты для воинских частей на призывных пунктах, в госпиталях. Не только выступления у раненых, но и душевные беседы с ними. Под диктовку мы писали письма их родным, на бомбежки почти уже не обращали внимания. А фашисты подходили к Москве.

Было приказано эвакуировать коллектив Малого театра в Челябинск и там продолжать работу. Я колебалась: уеду из Москвы — потеряю связь с Игорем, а от него уже давно нет писем. У меня и мысли не возникало, что Москву могут взять немцы. Этого просто не могло быть. Однако когда нас сажали в поезд, немцы были уже в Можайске. Ехали в вагоне, тесно набитом людьми и веща-

ми. По дороге часто и подолгу стояли, пережидая бомбежки. Проезжая разбомбленные деревушки, слушали возможные вести о передвижении фашистов. И все-таки я не верила, что они будут в Москве.

В Челябинске в первое время расселились прямо в театре. Кто по уборным, кто просто в фойе. Сначала разместили старших товарищей. Наконец мы с Семеном Исааковичем получили хорошую комнату в семье председателя райисполкома Фоменко. Чудесные были люди. Сам он всегда приветливый и заботливый, симпатичная жена, двое ребят и бабушка. Как родного сына, провожала я нашего хозяина на фронт. В первых же боях он был убит. А от моего Игоря по-прежнему никаких вестей.

В театре шли спектакли, готовились премьеры, и везде и всюду мы устраивали концерты — и в воинских частях, и на заводах. Зима наступила суровая. Но мы часами простаивали у черной тарелочки громкоговорителя на площади, слушая голос Левитана. Москва жила, Москва не сдавалась, хотя враг был уже близко. Невозможно передать, что испытывали мы 6 ноября, слушая торжественное заседание, а потом и парад на Красной площади. Наш парад! Советских войск! И вот первые победные вести. Фашисты отброшены от Москвы. В театре ко Дню Советской Армии 23 февраля 1943 года собирается бригада на фронт. У меня одно желание, одна мысль — ехать! Может быть, я что-то узнаю об Игоре.

В состав вошли художественный руководитель Пров Садовский, Игорь Ильинский, я, Всеволод Аксенов, молодые артисты Спивак и Гапонцев, вокалистка Порица, пара из челябинской оперетты — Юрьева с партнером, их баянист и бригадир С.И. Каминка. Садовский и Ильинский были с женами.

До Москвы добрались благополучно. Москва, хоть и поврежденная бомбежками, стояла непоколебимо. На месте

были и театры. Вот только горе стряслось с Вахтанговским — в него попала бомба. Мы получили направление на Западный фронт. Нам дали белый автобус, маскировку под снег, и мы отправились по Минскому шоссе. Дома от Игоря не было ни строчки.

Первые наши выступления состоялись под Борисовым, недалеко от места гибели Зои Космодемьянской. Командир авиаполка Николай Осипович Малышев создал нам поистине царские условия. Настоящие койки, чистое белье, одеяла, избу натопили. Устроив нас, Малышев пошел в полк, а мы готовились к выступлению. Концерт должен был состояться сейчас же, здесь, в походной конюшне. Хорошо, она все же была с крышей. Поставили за сценой «печурку» для переодевания и... какая там сцена. Народ валил. Сзади напирали все новые и новые зрители. Сцены не было. Мы с Аксеновым, боясь наступить на лежащих, сидящих прямо у наших ног зрителей, играли «Укращение строитивой». А на стенах конюшни, уцепившись за крюки, также висели зрители. Волновалась я ужасно. Читала «Полтавский бой», а потом «Старуху Изергиль» — о горящем сердце Данко. Хотелось отдать этим родным, замечательным людям все свое вдохновение, чтобы отблагодарить их, наполнить новыми силами и мужеством.

Трудно описать успех и восторженный прием, которые сопровождали наше выступление. Потом ужин в небольшой избе. И, конечно же, опять концерт, а, когда нашей опереточной паре нужно было место для танцев, мы сдвинули столы и создали нечто вроде эстрады. С полковником Малышевым дружеские и теплые отношения мы поддерживали до самой его смерти. Его дети, а потом и внуки были частыми гостями в Малом театре.

Следующий концерт мы давали для обслуживающего персонала санатория «Сосны», так хорошо знакомого мне по мирному времени.

«Стакан воды». Е. Гоголева в роли герцогини Мальборго

В этой поездке я впервые увидела совсем иного Прова Садовского. Всегда немного насмешливый и равнодушный, он стал совершенно другим. Пров Михайлович услышал, что у одного из летчиков фашисты повесили всю семью. Узнал этот летчик о своем несчастье в день нашего приезда в часть. Конечно, на концерт он не пошел. И вот после концерта Пров Михайлович попросил к нему зайти. Тот пришел. Всю ночь Пров Михайлович не отпускал его от себя. Всю ночь старый актер говорил с молодым летчиком. Утром спокойный,

уверенный в себе летчик вылетел на задание. Прощаясь, он обнял Прова Михайловича, сказал ему: «Спасибо, отец, я не забуду».

На этой базе мы пробыли несколько дней. Выезжали с концертами на близлежащие аэродромы. Сдружились с летчиками. Узнали и общую любимицу — летчицу Аннушку Чиженкову. Она не пришла на наш прощальный концерт. Мы боялись, что произошло неладное. Много лет спустя я выступала на концерте в той самой академии, где когда-то была спецшкола Игоря. Меня окликнула какая-то женщина: «Елена Николаевна. Я — Аннушка. Вы много обо мне писали и по телевизору рассказывали, спасибо вам, я жива». Теперь уже мы с Аннушкой не теряем друг друга. А недавно она с Михаилом Михайловичем Громовым вручила мне почетный знак ветеранов войны.

Да, фронтовые встречи! Помню, в одной части политрук попросил нас отметить лучших героев-летчиков. И мы решили посвящать каждое выступление тому или иному герою. Так в некоторых частях мы отмечали лучших.

Мы приближались к Москве. Навестили раненых в Барвихе. И опять вспомнились предвоенные годы. В Барвихе я присутствовала при перевязке бойца, раненого разрывной пулей. То количество метров тампона, которое врач извлек из раны, до сих пор у меня перед глазами. Видела я в Барвихе и братскую могилу. А от Игоря — ничего. Летчики, узнав, что мой сын на фронте, стали звать меня ласково «мамаша».

Через Москву нас перебросили на Юго-Западный фронт. Фашистов гнали из Калуги, и мы буквально наступали им на пятки. Под Сухиничами мы заблудились. Снежное поле, где-то что-то полыхает. Едем тихо. Если наши бригады кричали: «Воздух!», мы все высypали из автобуса и старались зарыться в снег. Так и заехали чуть ли не на передовую к танкистам, замерзшие и, что

греха таить, напуганные. Как радостно встретили нас танкисты! Обогрели, самовар достали, усадили пить чай. А вот концерт им слушать не пришлось. Они были уже на марше, торопясь вперед, бить фашистов.

Там, на фронте, увидела я людей высокого мужества, людей героических и необыкновенно скромных. Там я дала себе слово всю свою жизнь посвятить этим замечательным людям в военных шинелях. Потому, очевидно, и дорога мне так моя военно-шефская работа.

На обратном пути в Москве я узнала, что от Игоря по-прежнему нет писем. Уверенная, что он в партизанах, я по радио обратилась к нему с письмом. Я прочла о горящем сердце Данко. И он услышал меня, в госпитале, лежа, вернее, повиснув на ремнях, после страшной катастрофы. Он весь был поломан, обожжен и решил, что останется калеккой и будет мне в тягаче. Поэтому он не писал, молчал. А тут, услышав мой голос, не выдержал. Откликнулся, но ни словом не обмолвился о своих ранах. И лишь когда шесть раз обманув медкомиссию, он опять встал в строй, написал вскользь, что был в госпитале [...]

СОРОКОВЫЕ ГОДЫ

[...] Война и впечатления от фронтовой поездки многое заставили меня пересмотреть и в себе самой, и в моих товарищах. Как мне хотелось тогда сыграть положительную советскую героиню, как глубоко чувствовала я современность! Но если мне и выпадали роли в советском репертуаре, все это были шпионки или «роковые женщины». Я опять сидела без работы, играла старые роли, непрерывно думая о них и находя все новые и новые черточки [...] Как-то случилось, что заболела исполнительница роли Ольги в «Нашествии» — Ксюша Тарасова. «Вспомнили», что эта роль была дана мне. Опять пришлось выручать и без репетиций войти в постановку. Когда после спек-

Е. Гоголева с летчиками эскадрильи «Малый театр – фронту»

такля товарищи окружили меня и стали поздравлять, Коля Соловьев обнял меня и закричал: «Говорили – нет у нас социальной героини, да вот же она! Вот!» Да, кажется, я сыграла правильно, во всяком случае мне было почему-то легко. А тут еще пришла открытка от летчика, с которым на пикировке летал Горик. Летчик сообщил, что их самолет горел, и он приказал Игорю прыгать и что Игорь, прыгая, был жив. Произошло это в районе Харькова. Сам летчик дотянул до своих, но долго добирался до части. Значит, жив! Это главное! Жив мой Игорь! Шел 1943 год.

И опять молчание. [...] Все свободное от театра время я стала отдавать общественной работе. Меня опять избрали председателем месткома (в 1934–1936 гг. актриса уже занимала эту должность – М.Ф.) и, если мне нельзя было ехать на фронт (по причине обострения болезни – М.Ф.), то уж работать в месткоме и по военно-шефской линии в Мос-

кве – мой прямой долг. Почти все дни я проводила в административном крыле, встречалась со всеми бригадами, отправлявшимися на фронт, и всех просила дать знать, если услышат что-нибудь об Игоре. В 1944 году мне позвонил незнакомый голос и пригласил зайти по такому-то адресу в один из переулков на Якиманке. Мне сообщает кое-что об Игоре. Не помня себя, я бросилась по указанному адресу. Оказалось, что мальчик из этой семьи был в плену вместе с Игорем в 1943 году. Игоря сначала держали в «цивильном» отделении, но потом один подлец его опознал, сказал немцам, что это военный летчик, сын артистки Гоголевой, что его видели со мной в Вахтанговском театре. Игоря сейчас же перевели в военный концлагерь и, кажется, отправили из Краматорска в Лодзь.

Это была все же весточка. Значит, в 1943 году Игорь был жив. Жив... Шел уже 1944 год. Что же произошло за этот

год? Жив ли сейчас? С мыслью об этом я и жила. Ждала и верила, что будет жив, что увижу его. Верила!

В конце 1944 года опять неожиданная весточка. Звонок. Открываю дверь. Стоит молодой парень. «Вы Елена Николаевна Гоголева?» — «Я». — «Я хочу кое-что сообщить о Вашем сыне». Затаскиваю его в квартиру. Симпатичное, грустное лицо и весь такой застенчивый, смущенный. Говорит, что видел Игоря в начале 1944 года, январе–феврале. Концлагерь где-то около Магдебурга, точно не знает. В лагере прошел слух, что привезли какого-то летчика, сразу в карцер. Потом летчика отправили в другой лагерь — куда, конечно, неизвестно. Говорили, что этот летчик несколько раз бежал, его ловили. Смелый, и потому с ним обращаются особо строго. Но не расстрел. Видел его мельком, когда выводили из карцера. Вот и все. Значит, в начале 1944 года был жив. А теперь война шла к концу. И во мне крепла вера, что Игорь вот-вот вернется.

Незабываемы дни Победы. Помню в Большом зале консерватории был концерт в помощь пострадавшим от войны семьям. После концерта за скромным чаем сидели в аванложе дирекции. И вдруг приносят известие: «Берлин взят!» Ждали этого, были готовы, а все-таки не верилось в такое счастье. Концерт был днем, а вечером в антракте вышел перед занавесом к публике кто-то из актеров и объявил: «Товарищи, Берлин взят нашими войсками!!!»

Что было в Москве 9 мая — описать невозможно. В театре шел спектакль «Иван Грозный». Машина не могла протиснуться сквозь толпы ликующих, плачущих, обнимающихся людей. Кого-то качали, в воздух взлетали военные. Непрерывный салют на Красной площади. Я все это видела, чувствовала, а в горле комок — от Игоря ни звука.

В театре, как и повсюду, было ликование. Шли бурные митинги, потом импровизированный не то пляс, не то бе-

шенная кадрили. Я не смогла прийти в театр. Боялась, что расплачусь, внесу горькую ноту в общий праздник.

И вот в июле 1945 — письмо. Наша Тося, чудесная домоправительница, действительно верный друг, вдруг кричит: «Елена Николаевна, письмо от Игоря!» Надо сказать, что все письма просматривала Тося, она даже скрыла от меня похоронку на Игоря, я не знала о ней, пока не получила второе извещение: «Пропал без вести». Так вот и сейчас — письмо от Игоря, ее радостный крик, а я, которая все время верила и ждала хотя бы весточки от него или о нем, я не поверила. Держала письмо, видела почерк Игоря, обратный адрес с его фамилией, а не верила. «Да распечатайте же, прочитайте», — кричала Тося. А я окаменела, в буквальном смысле этого слова. Как, через кого ему удалось дать о себе знать — не понимаю. Но это было его письмо, он писал уже после Победы.

Значит, живой! Дальнейшее происходило как во сне. Через два месяца Игорь был со мной, дома. Вся его жизнь за годы плена — это отдельная, почти фантастическая книга. И как он уцелел, при его характере, при его побегах, при его дерзости, — это чудо! Без всяких с моей стороны просьб и нажимов ему сразу выдали московский паспорт, все проверки он прошел еще до возвращения. Но вернуться в армию он уже не смог и мучительно переживал отрыв от военной авиации. Служить в гражданской авиации Игорь не хотел, а поскольку у него был абсолютный слух, отец (Г.Н. Дудкевич, композитор — М.Ф.) устроил его тонмейстером-режиссером в Дом звукозаписи, где он сам тогда работал.

Так прошел знаменательный 1945 год. [...]

*Материал подготовила Майя ФОЛКИНШТЕЙН
Фотографии с официального сайта
Малого театра*

О ТЕХ, КТО ВЕРИЛ...

Утром 22 июня 1941 года, когда по радио начали передавать знаменитую речь Молотова, в **Смоленском областном театре** шла репетиция сцены из **горьковских «Врагов»**, которую готовили к предстоящему концерту, посвященному памяти великого писателя. Репетировали ведущая актриса труппы **Ната Александровна Зиновьева** и артист **Андрей Львович Экслер**. «Вдруг, — вспоминает в своих мемуарах о военных годах, опубликованных в первом номере «Смоленского альманаха»

Ната Зиновьева. Муром, 1943

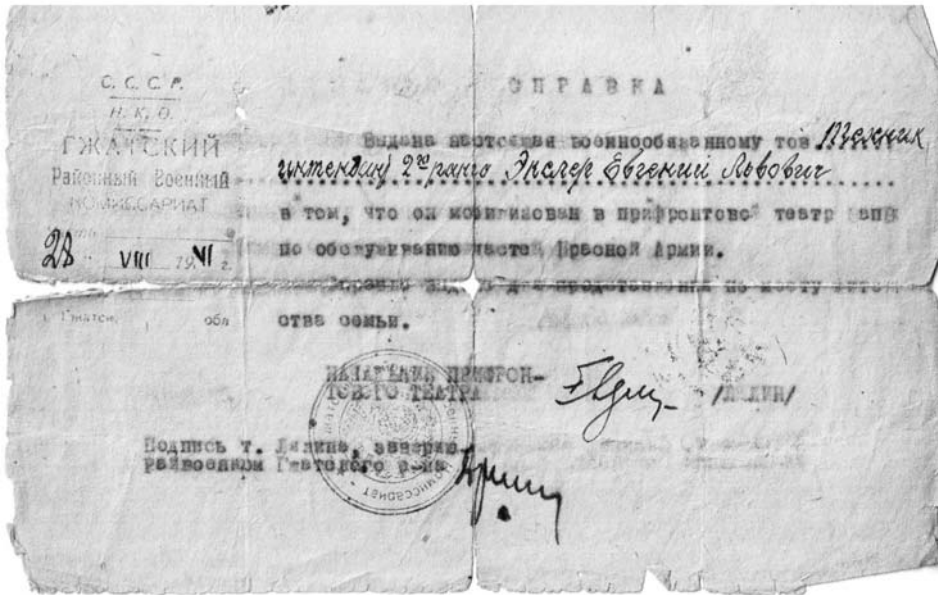

за 1945 год, Ната Зиновьева, — в репетиционный зал вбегает взволнованная актриса и, боясь прервать репетицию, мечется от одного окна к другому. Видя ее бледное лицо и явно необычное поведение, мы прервали работу и спросили: «В чем дело?» В ответ она бормочет что-то невнятное, но слово «война» сразу объясняет ее поведение и вид. Мы все трое бросаемся к репродуктору. Там уже много народу. Все стоят глубоко взволнованные трагичностью момента».

Буквально за три недели до начала Великой Отечественной, 30 мая 1941 года, на сцене Смоленского театра с успехом прошла премьера спектакля по только что тогда написанной пьесе **Константина Симонова «Парень из нашего города»** в постановке очередного режиссера **Евгения Асеева**. Герой пьесы — простой русский парень Сергей Луконин — едет воевать в Испанию, потому что не может спокойно жить, когда по земле разгуливает хотя бы один фашист. «Парень из нашего города» шел в театре и 22 июня, причем и утром, и вечером.

Этот спектакль одним из первых вошел в репертуар **Театра Западного фронта**, в который уже в конце июня 1941 был реорганизован Смоленский областной драмтеатр. Начальником Прифронтового театра был назначен директор облдрамы **Григорий Лялин**. Художественное руководство взял на себя режиссер Евгений Асеев.

Асеев пришел в Смоленский театр в 1935 году. Творческим лидером театра в ту пору была **Зинаида Михайловна Славянова**, которая старалась собрать в Смоленске лучших актеров российской провинции. Он играл **Керубино** в «Женитьбе Фигаро», **Шприха** в «Маскараде», **Лепорелло** в «Каменном госте», поставил как режиссер «**Любовь Яровую**», «**Двенадцатую ночь**»,

Справка о мобилизации в Прифронтовой театр актера Смоленского драматического театра Е.Л. Эклера. Предоставлена внучкой Эклера С. Тимофеевой, которая занимается историей своей семьи

«Бабы сплетни», «Полководец Суворов», «Салют, Испания!», «Собака на сене», «Нашествие» и многие другие спектакли.

Возглавив театр во время войны, Асеев приложил колоссальные усилия в деле создания фронтового репертуара. «Перед нами встала сложная задача репертуара, — пишет он в своих дневниковых записях, опубликованных в 1945 году в упомянутом «Смоленском альманахе». — Опыта использования малых форм в театре нашего типа, понятно, не было, причем огромные масштабы здания, сцены, акустические условия тянули нас в мирной обстановке к показу больших полотен, массовых сцен («Суворов», «В степях Украины», «Царь Федор», «Фельдмаршал Кутузов» и т.д.). Нужно было найти боевой, актуальный материал и форму подачи этого репертуара. Я на материале пьесы «Полководец Суворов» сделал монтаж, в котором отражена была личность Суворова как

полководца и человека. Монтаж, вернее, эпизоды монтажа связывал ведущих под аккомпанемент квартета. Актеры были в гриме и костюмах. Сцену соорудили из двух полуторатонных грузовых автомобилей. Декорацией служил черный бархат, натянутый на шести. Кроме того, была создана концертная программа, в которую вошли: декламация, скетчи, частушки с плясом, песни, музыкальное трио. С этой программой 7 июля 1941 года Смоленский областной драматический театр вступил в ряды действующей Красной Армии».

В труппу Театра Западного фронта вошли артисты **Валерий Нельский, Василий Лихачев, Николай Ястребов, Яков Простаков, Петр Пухляков, Ната Зиновьева, Тамара Калачевская, Глеб Юченков, Анатолий Никифоров, Евгений и Андрей Экслеры** и другие.

«Захватив с собой только самое необходимое для жизни и работы в услови-

Валерий Нельский в роли Андрея Белугина
в спектакле «Женитьба Белугина». Смоленск, 1944–1945

ях фронта, — пишет в своих воспоминаниях «Дорогами войны» Ната Александровна Зиновьева, — мы, 36 человек, отправились на трех грузовиках по направлению к Гжатску. Это было 7 июля 1941 года. Не успели мы отъехать от Смоленска, как получили первое боевое крещение. Фашистский самолет, снизившись до предела, обстреливает наши машины из пулемета. Но, к счастью, никто из нас не пострадал. Не успели мы доехать до Дорогобужа, нас застала ночь. Пришлось остановиться и переночевать вот так, сидя в грузовике, на чемодане. Никто из нас не представлял себе, как будет протекать наша работа,

что мы будем показывать нашему зрителю. Все получалось как-то само собой».

Первое выступление состоялось 11 июля 1941 года. Вот как вспоминает этот день в своих мемуарах «Дневник театра» Евгений Тихонович Асеев: «Трудно передать то огромное волнение, которое мы испытали в дни первых выступлений. Новый зритель, необычность обстановки, вопрос: какой театр нужен фронту, наконец, просто опасность — прямая, физическая, делали наше восприятие очень обостренным и настроение настроенным. Но тот пылкий, душевный прием, который был оказан нам бойцами и политработниками частей Красной Армии, митинги, в которые переходили наши спектакли, окрыляли нас. Мы воочию убедились в необходимости и полезности нашего дела. Это удесятряло силы и помогло с легким сердцем переносить фронтовые лишения и трудности, приспосабливаясь к любым условиям, изыскивая пути к улучшению, к совершенствованию наших спектаклей и концертов, вырабатывало, так называемый нами, метод «театрально-полевых представлений». Лес, поляна, овраг, окоп, сарай, школа, голая степь — вот наши театральные залы. Яркое солнце, фары эмки, лучи передвижки, свет луны — наше освещение. Кустики зелени, натянутый брезент, овраг или просто яма — наши гримбурные. Мы работали, и не без успеха, над проблемой дневного грима, мы научились в 8–12 минут строить сцену на грузовиках и в 4–7 минут сворачиваться. Мы довольно ловко в короткий срок превращали голую поляну в мелкий лесок, который хорошо маскировал части, присутствующие на спектакле, и нашу сцену, и наших зрителей. Вели наблюдения за воздухом. В дождливую погоду по 4–5, а иногда и больше километров тащили наши передвижные сцены-машины и т.д. и т.п.».

3 августа впервые в полевых условиях состоялся показ целого спектакля

«Парень из нашего города». Сергея Луконина играл **Глеб Юченков**, Варю — Ната Зиновьева. Примечательно, что для Юченкова эта роль была вводом. В спектакле на основной сцене театра Луконина играл артист **Федор Михайлов**. Мне не удалось найти сведений, был ли Ф.Г. Михайлов в составе фронтового театра, скорее всего, не был. Известно, что после войны, в 1950-е годы он служил в Тульском драматическом театре. Глеб Иванович Юченков до войны не был артистом областного театра. Он служил в 1-м колхозном театре, возглавляемом замечательной **Тамарой Александровной Калачевской** и расформированном в первые дни войны. Юченков влился в труппу Театра Западного фронта в Гжатске. Так что для него сыгранный в полевых услови-

ях «Парень из нашего города» фактически был премьерой. Однако сам Глеб Иванович Юченков воспринял свой успех как нечто само собой разумеющееся. Он гордился другой своей ролью. Об этом написал в своих воспоминаниях «Незабываемое». Автор книги **«С любовью о театральном Смоленске» Владимир Павлович Чеплевский**, который до войны мальчиком-подростком жил в Смоленске и был большим театралом, пишет, что Юченков в 1940 году исполнил роль Ленина едва ли не впервые в практике передвижных колхозных театров. Е.Т. Асеев доверил ему сыграть вождя мировой революции в литературно-драматической композиции «В.И. Ленин». Создать образ Ленина на сцене — это по тем временам была высокая честь. Композиция была со-

Смоленский государственный драматический театр им. А.С. Грибоедова

Труппа Театра Западного фронта. Гжатск, 1941

ставлена из отрывков из пьес «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты», двух речей Ленина, стихов Маяковского и музыки Бетховена.

В «Военных записях» Е.Т. Асеева приводится отзыв фронтовиков о спектакле «Парень из нашего города»: «16 сентября 41 г. личный состав СД 194 посмотрел спектакль «Парень». Сама пьеса и исполнение ролей актерами произвели большое впечатление. Какой героизм, какая отвага наших командиров показана в пьесе! Образ Луконина, блестяще исполненный т. Юченковым, показывает высокограмотного командира. Хорошая игра тт. Пухлякова и Экслера (Петр Пухляков играл молодого командира Гулиашвили, Андрей Экслер — Савостьянова. — С.Р.) показала дружбу нашего народа и его армии. Увлеченная игра т. Зиновьевой в роли Вари напоминала нам о наших боевых подругах, которые вместе

с нами громят ненавистного врага. Спасибо за теплоту и искренность на спектаклях и концертах в нашей дивизии». Даже со скидкой на присущую времени идеологическую выдержанность, так сказать, «застегнутость» на все пуговицы (отзыв писал, конечно, дивизионный комиссар), читать такое приятно.

«А однажды, — вспоминает Ната Александровна Зиновьева, — мы встретили часть, в которой были по преимуществу смоляне. Не успели наши машины подъехать к месту, назначенному для сцены, как мы были встречены громом аплодисментов. Оказывается — это наши земляки, увидели своих артистов и устроили овацию».

«По заданию Политуправления Западного фронта, — продолжает в «Военных записках» Асеев, — мы выехали на обслуживание одной из дивизий и должны были пробыть у них, примерно,

дней пять. В первый же день третьим местом нашего выступления был санбат. В условленный час мы прибыли на место. Нас радостно встретили, а когда мы попросили определить место нашей сцены и «зрительного зала», комиссар санбата, смущенно улыбаясь, пригласил осмотреть сцену, приготовленную бойцами для нашего выступления, и повел нас мелким кустарником в сторону от нашей стоянки. Каково же было наше удивление, когда мы увидели помост из аккуратно обструганных сосен. Крышей служил переплет веток ели, а вся порталная рамка свита из живых полевых цветов. — «Ну как?» — спросил комиссар. Мы молчали, потому что трудно было найти слова, определяющие наши чувства. Мы с увлечением играли в тот вечер. Зрители просили еще и еще, и нам хотелось выступать перед ними без конца».

Несмотря на то, что в октябре 1941 года положение на фронте было чрезвычайно тяжелым, труппа Театра Западного фронта, отступая вместе с армией к Москве, продолжала свою работу. За неполные четыре месяца был проделан путь в семь с лишним тысяч километров по фронтовым дорогам, дано **266** концертов, сыграно **170** спектаклей, состоялись сотни незабываемых встреч, как отмечал в своем дневнике худрук Евгений Асеев.

В последних числах октября решением Военного Совета фронта театру было приказано закопать имущество и откомандироваться в распоряжение Уральского военного округа. Ната Александровна Зиновьева так описывает этот период истории родного театра: «Голодные, измученные приехали мы в Свердловск. Там было не до нас. Таких, как мы, странников, ищущих пристанище, были сотни и тысячи. Помню, как собрал нас на улице, около вокзала, т. Еглин и сказал: кто не верит в театр, в его существование, пусть едет, куда хочет. У нас ничего нет: ни имущества, ни париков, ни кос-

Федор Волгин

тюмов, есть только желание сохранить хоть что-то от коллектива Смоленского театра; кто верит — пусть остается».

«Существование театра оказалось на волоске, — продолжает свои воспоминания Е.Т. Асеев. — Но сплоченность коллектива, упорное желание сохранить театр сделали свое дело, и мы получили площадку в Свердловской области в горах Красноуральске».

Узнав о прибытии Смоленского театра в Красноуральск, к труппе присоединились некоторые из смоленских актеров, которые эвакуировались в начале войны, в частности, старейший смоленский актер **Федор Матвеевич Волгин** и актриса **Ирина Браун**.

Н. Зиновьева в роли Анны в спектакле «Анна Каренина». Муром, 1944

«Собрав немного личных денег среди коллектива, — пишет Асеев, — мы пригласили плотников и из клубных богатств смастерили декорацию для первого спектакля «Парень из нашего города» К. Симонова. Костюмы нам одолжил госпиталь, реквизит, бутафорию сделали сами, репетировали по 9–10 часов, и 20 ноября 1941 года открыли сезон.

Когда мы получили первый сбор, наше волнение можно было сравнить с волнением юноши, получившим впервые свой заработок...»

Несмотря на то, что проблема костюмов и всей материальной части остава-

лась более чем острой, вырученные деньги помогли подготовить два последующих спектакля: «**Любовь Яровая**» и «**Хищница**». Чтобы спасти положение, двое отважных посланцев — актер **А. Потехин** и завхоз **Н. Михалькевич** — рискнули вернуться на место последней стоянки театра под Рузой. С помощью фронтовых друзей им удалось откопать 11 ящиков с театральным имуществом и, несмотря на то, что это был район военных действий, благополучно доставить драгоценный груз на машинах в Москву, оттуда по железной дороге — на Урал. Пока они проделывали эту фантастическую операцию, в Красноуральске готовили к показу сразу два спектакля «**Дым Отечества**» и «**Собака на сене**».

Как вспоминает Е.Т. Асеев, в результате поистине самоотверженного труда всего коллектива театра, нетопленный и мало приспособленный для показа спектаклей Дом культуры в Красноуральске преобразился: «засветились дополнительные электроточки из зрительного зала, прожектор, прилаженный на колосниках, осветил задник».

Спектакли смоляни пользовались большим успехом не только в самом Красноуральске, но и в других городах региона, где театр бывал на гастролях. «Авторитет театра вырос, наша большая напряженная работа была оценена партийными и советскими организациями города, нам крепко помогали и нас называли уже «наш Смоленский театр», — вспоминает Е. Асеев.

Как рассказывала мне во время наших встреч **Вера Яковлевна Простакова**, которая в юности вместе со своими родителями-актерами находилась в эвакуации в Красноуральске, в самый разгар войны смоленским артистам неожиданно предложили составить ядро труппы открывающегося в Нижнем Тагиле стационарного драмтеатра. Обещано было жилье и хорошее довольствие — предложение по военному времени соблаз-

Евгений Эксер (в центре) на первомайской демонстрации. Смоленск, предположительно 1940

нительное. После бурного обсуждения на сборе труппы (проспорили, по словам Веры Яковлевны, всю ночь) смоляне приняли решение от предложения отказаться: вместе дождаться окончания войны и возвратиться домой, в Смоленск.

Весть об освобождении Смоленска 25 сентября 1943 застала театр в Муроме. В Год театра в Муроме вышла книга «**Театральная история Мурома**», подготовленная коллективом авторов на основе архивных и музейных материалов, анализа периодической печати и мемуаров различного характера. Несколько страниц этой книги посвящены пребыванию в годы войны в Муроме Смоленского драматического театра.

Смоленский театр прибыл в Муром в самом начале сентября 1943 года. И уже 11 сентября был показан первый спектакль — «Нашествие» Леонида Леоно-

ва. Затем муромцы увидели «Собаку на сене» Лопе де Веги и «Жди меня» Константина Симонова. Газета «Муромский рабочий», которая в военные годы из-за нехватки бумаги выходила лишь на одной странице, печатала восторженные отзывы о смоленских спектаклях.

А ровно через год, в сентябре 1944 года, спектаклем «**Давным-давно**» с Натой Александровной Зиновьевой в роли Шурочки Азаровой и **Валерием Сергеевичем Нельским** в роли Ржевского труппа открывала сезон в только-только возрождавшемся после освобождения от оккупации Смоленске.

Светлана РОМАНЕНКО

Фото из личного архива автора и из книги В.П. Чеплевского «С любовью о театральном Смоленске» (Смоленск, 2005)

РАДОСТЬ СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ

Вахтанговский театр во время войны

*Есть имена и есть такие даты, –
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты, –
Не замолишь по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.*

Александр Твардовский

75 лет. Срок долгой человеческой жизни. Выросло несколько поколений тех, кто никогда не знал ужасов войны – взрывов, смертей, страха, голода, отчаянья, боли от потери близких. Но мы помним. Отцов, дедов, прадедов. Тех, кто защитил нас от коричневой чумы. Мы в вечном, неоплатном долгу перед ними. Нет, это не фразы, не привычное клише. Мир, о котором так мечталось 75 лет назад майскими весенними днями, мир, который представлялся царством добра и справедливости, оказался жестоким и несправедливым. И сегодня, когда давно закончилась самая страшная война в истории человечества, агрессия и злоба душат все лучшее в человеке, а потомки тех, кого освобождали ценой собственной жизни советские воины, со странным злорадством свергают памятники своим освободителям. Это больно. Но это временное помутнение разума. Мы верим, что правда, здравый смысл и благодарность восторжествуют. И сегодняшняя страшная пандемия, охватившая мир, еще раз показала, как мал и незащищен наш земной не ШАР, – шарик, как зависим он от внешних сил, с которыми человек, венец творения, справиться не сможет.

9 мая 2020 года мы вспоминаем трагические и героические четыре года войны.

Театр им. Евг. Вахтангова в полной мере испытал все горести военного времени.

Мемориальная доска на здании Вахтанговского театра

Здание Вахтанговского театра после бомбежки

Не вернулись с полей сражений **44 вахтанговца**. Их имена навечно запечатлены на памятной мраморной доске. Перед ней всегда — живые цветы.

В 1941 году ушли на фронт добровольцами защищать столицу и пали в боях актеры-вахтанговцы.

Константин Яковлевич Миронов (1901–1941) оказался в ополчении Киевского района. Был назначен командиром батареи. Погиб в бою под деревней Ухобичи Калужской области осенью 1941 г. Посмертно награжден орденом Красного Знамени. Погиб актер **Борис Евгеньевич Лебедев** (1905–1941). О его фронтовой судьбе ничего не известно.

Федор Иванович Москвин (1906–1941), сын знаменитого МХАТовца, выпускник летной школы ОСОАВИАХИМА, был призван в авиацию, служил штурманом на бомбардировщике, погиб в декабре 1941 г. Его самолет не вернулся с задания.

После войны в Театр возвращались фронтовики. Им аплодировали зрители, не подозревая о героическом прошлом любимых артистов.

Константин Яковлевич Миронов

Замечательный актер-вахтанговец **Максим Иванович Греков** (Селескириди, 1922–1965) был бесстрашным бойцом партизанского отряда, подрывником, на его счету шесть уничтоженных эшелонов, участие в 90 боях. Командир партизанской роты Максим Греков был награжден орденом Красной Звезды, медалями «Партизану Отечественной войны» II степени, «За оборону Москвы».

Актер **Михаил Сергеевич Дадыко** (1926–1995) попал на фронт совсем мальчишкой, служил на Черноморском фло-

Фронтовой филиал Вахтанговского театра

Обложка книги «Вахтанговский фронтовой театр»

те, вместе с боевыми товарищами матрос Дадыко обезвредил немало вражеских мин.

Храбро воевал артиллерист **Надир Михайлович Малишевский** (1918–1977), артист-вахтанговец. В 1943 году он был ранен, после госпиталя демобилизован, позже служил артистом Белорусского фронтowego театра, а в 1944 вернулся в Вахтанговский.

Чуть больше года не дожидаясь до великого юбилея, 75-летия Победы фронтовик-орденоносец, любимый несколькими поколениями зрителей, **Владимир Абрамович Этуш** (1922–2019). Он ушел добровольцем на фронт, потом была школа военных переводчиков, служба в разведке. На фронте попал в стрелковый полк и сражался в горах Кабарды и Осетии, принимал участие в освобождении Ростова-на-Дону, Украины. В 1943 году был тяжело ранен и после госпиталя демобилизовался. Награжден орденами

Красной Звезды, Отечественной войны I степени, полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством».

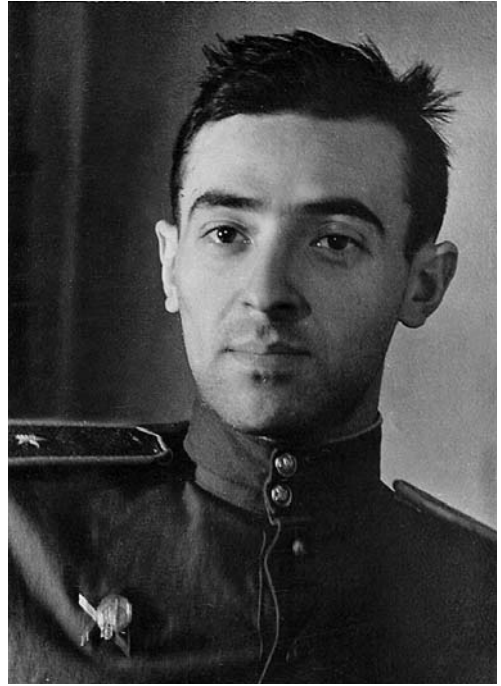
Единственный сегодня живой участник войны в нашем Театре — **Анастасия Степановна Чевельча** (1928), 21 год проработавшая гардеробщицей. Совсем девчонкой она попала связисткой в минометный полк Северо-Западного фронта, после ранения работала санитаркой полевого эвакуогоспиталя. Награждена орденом Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Белоруссии», «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Берлина».

Народный артист СССР **Василий Семенович Лановой** семилетним мальчишкой оказался на Украине в оккупации, сегодня он председатель попечительского совета патриотической акции «Бессмертный полк», уже несколько лет идет по Красной площади впереди нескончаемой колонны тех, кто несет фотографии своих близких-участников Великой Отечественной войны. Василий Семенович Лановой ведет большую работу по патриотическому воспитанию.

Бойцами трудового фронта были недавно ушедшие **Юрий Александрович Газиев**, **Файна Захаровна Кричевская**, **Евгений Евгеньевич Федоров**, а также ныне здравствующие **Нина Аполлоновна Нехлопоченко**, **Валентина Александровна Янкина**, **Антонина Степановна Ракова**.

Е.Е. Федоров и Н.А. Нехлопоченко в июле 1941 года как участники трудового фронта были отправлены под Смоленск рыть противотанковые траншеи. Награждены медалью «За оборону Москвы».

В годы войны Вахтанговский театр лишился своего дома. Это произошло 24 июля 1941 года. В книге «**Пути и перепутья**» артист **Михаил Сидоркин** вспоминает о той страшной ночи. Поздно вечером он приехал в театр на дежурство (актеры и сотрудники по очереди поднимались на крышу, чтобы сбрасывать на

Владимир Абрамович Этуш

землю «зажигалки», которые вызвали пожары в зданиях во время участвовавших ночных артолетов вражеской авиации на столицу). Уставший Сидоркин явился в театр со съёмкой, попросил разрешить ему поспать на диванчике в фойе и получил отказ от старшего по распределению дежурств артиста **Владимира Осенева**. Сидоркин обиделся, еще не зная, что своим категорическим распоряжением Осенев спас ему жизнь.

Вместе с актерами **М. Державиным**, **Н. Пажитновым** и пожарным М. Сидоркин отправился дежурить на крышу. Актер **Василий Васильевич Куза**, парторг, возглавлявший группу самозащиты театра, дежурившую во время ночных налетов фашистской авиации на Москву, внезапно крикнул им снизу: «Самолет над театром!» и велел всем уйти на чердак. Приказание выполнили. Это всех и спасло. Через несколько секунд фугасная бомба, сброшенная

Василий Васильевич Куза

мессершмиттом, разрушила Театр. Не осталось ни зрительного зала, ни знаменитого желтого фойе с золотыми шторами и блестящим паркетом. Обвалился и угол здания, где стоял злополучный диван, на котором мечтал поспать артист Сидоркин.

От взрывной волны погибли те, кто дежурил на улице около театра, — актеры Василий Васильевич Куза (1902–1941), **Николай Чистяков** (1904–1941), курьер **П.П. Ланцов**. Н. Чистяков в тот вечер случайно оказался в театре и поменялся дежурством с актером **И. Липским**, который не мог добраться до театра из-за объявленной тревоги.

Невосполнимой потерей для театра стала гибель заслуженного артиста РФ Василия Васильевича Кузы. Он появился в Третьей Студии МХАТ в 1921-м, был учеником Евгения Вахтангова, стал одним из ведущих актеров Вахтанговского театра, в паре с **Ю.А. Завадским** играл **Калафа** в легендарной «**Принцессе Турандот**». Среди его заметных классических ролей князь **Звездич** («**Маскарад**» **М.Ю. Лермонтова**), **Растиньяк** («**Человеческая комедия**» **Оноре де Бальзака**), **Фердинанд** («**Коварство и лю-**

бовь» **Ф. Шиллера**). Большею частью Кузе доставались роли героических современников в новых советских пьесах. Он пробовал себя и в режиссуре. Всей душой В. Куза был предан Театру, был не просто актером — строителем Вахтанговского. Многие годы был заместителем директора театра по художественной части. Именно он вместе с режиссером **А.Д. Поповым** пришел к **М.А. Булгакову** и предложил написать комедию для театра. Булгаков признавался: «Знаете, это не я написал «**Зойкину квартиру**». Это Куза обмакнул меня в чернильницу и мною написал «**Зойкину квартиру**».

Василий Васильевич погиб, защищая дело своей жизни, Театр и товарищей.

Тогда, летом–осенью 1941 года, руины на месте Театра напоминали о невосполнимой потере, играть было негде (это был единственное московское театральное здание, пострадавшее от бомбежки). Немцы рвались к Москве, началась массовая эвакуация. Театр в срочном порядке собрался в течение суток и 14 октября 1941 года уехал в эвакуацию. Этому помог брат актрисы **Н. Русиновой**, который работал в наркомате путей сообщения.

Театр отправился в **Омск**. Никто не предполагал, что работа в Сибири продлится более двух лет. Неприспособленные москвичи оказались в тяжелом положении — трудности быта, холод, скудное питание. У многих на руках были дети, пожилые родители. Однако Театр продолжал работать. В Омске актеров разместили в здании школы, пока не нашлось подходящее жилье, играть начали в помещении Омского драматического театра, построенного в 1905 году и ставшего украшением города, в зале более чем на 800 мест в очередь с труппой, возглавляемой **Л. Самборской**, — четыре дня в неделю москвичи, три дня — омичи. Вахтанговцы выпускали премьеры и покорили Омск героическим спектаклем «**Олеко Дундич**», поставленным

А. Диким в феврале 1942 года. Герой Гражданской войны легендарный **Олеко Дундич** был великолепен в исполнении **Р. Симонова**. К годовщине начала войны **А. Дикий** выпустил спектакль по пьесе **К. Симонова** «**Русские люди**» о будничном героизме тех, кто жил и умирал во имя победы.

За два года эвакуации было поставлено несколько этапных спектаклей, вошедших не только в историю Вахтанговского, но и советского театра. Работа шла интенсивная, каждый понимал, что хорошо сыгранная роль — его вклад в Победу. Актриса Театра **Галина Львовна Коновалова** (1916–2014) оставила замечательные воспоминания о жизни Театра в эвакуации в книге «**Вахтанговские легенды**». Вспоминая те суровые годы,

«Добро пожаловать». Сцена из спектакля

Редкие минуты отдыха. В центре – Исай Спектор

Отдых после выступлений

Выступление артистов Фронтового филиала Вахтанговского театра

она писала: «Нами владело два чувства: очень хотелось есть и очень хотелось играть на сцене».

Пьеса «Фронт» А. Корнейчука была напечатана в 1942 году в газете «Правда», обошла многие театры страны, но лучшей была признана интерпретация вахтанговцев (1942, режиссер Р. Симонов, художник В. Рындин). Генерала Горлова играл А. Дикий, беспощадно разоблачавший своего героя, чьи ошибки на фронте слишком дорого стоили. Роль его оппонента Огнева исполнил Б. Бабочкин. Н. Охлопков выпустил «Сирано де Бержерак» Э. Ростана с великопешной парой — Р. Симоновым и Ц. Мансуровой.

То, что вахтанговцы в 1943 году вернулись в столицу, тоже можно считать чудом. С начала войны на Урал были вывезены многие промышленные предприятия. Поэтому на Политбюро был поставлен вопрос о том, что нужно понимать культуру Сибири и Зауралья. Сталин предложил, поскольку здание

Вл. Массе, Мих. Червинский
Коваленко А. П.

„ГДЕ-ТО В МОСКВЕ“
исполнение Э. И. П. в театре Вахтанговского фил.

Комедия в 3 действиях, 9 картинах

Мельничук, лейтенант	А. К. Граве
Коваленко Степан Афанасьевич, но- сильщик	И. А. Соловьев
Нюра	Т. И. Блажина
Смирнов, пожилой рабочий	В. А. Покровский
Пеллагов Иваногна, его жена	В. И. Данчева
Анна Петровна Смирнова, архитектор	М. Н. Оболенская
Смирнов, ее муж	В. И. Москвин
Анна Петровна Смирнова, зенитчица	В. И. Васильева
Анна Петровна Смирнова, актриса	В. И. Данчева
Анна Петровна Смирнова, старушка	А. М. Данилович
Клео, атра Ивановна, сотрудница адресного стола	А. М. Данилович
Зав. адресным столом	В. М. Королев
Режиссер театра оперетты	И. К. Липский
Пакалин, актер	И. А. Мочалов
Надя, зенитчица	А. М. Бархударова
Зенитчик	Д. И. Ситнов
Пассажир на вокзале	Н. Н. Мозявкин
Его жена	А. М. Бархударова
Миллиционер	А. Н. Котрелев

Постановка А. И. Ремизовой и А. М. Габовича
Художник А. К. Граве
Песни о Москве — музыка композитора
Никиты Богословского
Танцы — Е. М. Берсенева
Концертмейстер — А. В. Кирихин

Программка спектакля «Где-то в Москве»

Баянист А.М. Голубев

разрушено, перевезти театр Вахтангова в Новосибирск. Вмешался Анастас Микоян. Возразить Сталину напрямую Микоян не мог. Он сказал: «Да, это очень хорошая идея. Давайте и Третьяковскую галерею туда же». Сталин улыбнулся, погрозил пальцем, и театр Вахтангова вернулся в Москву. Играли в помещении нынешнего ТЮЗа в Мамоновском переулке.

Строительство нового здания по старому адресу Арбат, 26 было начато сразу после завершения войны, в 1946 году, и завершено в 1948-м. Первые спектакли вахтангов-

цы показали на родной сцене в 1949 году.

Привычные нам помещения Вахтанговского театра, в которые ежевечерне приходят зрители, своим устройством и внешним видом обязаны академику архитектуры **Павлу Васильевичу Абримову** (1900–1961). В результате восстановления и реконструкции значительно увеличились и стали удобнее вестибюль и фойе, обновился зрительный зал на 100 мест с амфитеатром, ложами бенуара, бельэтажем и балконом. Была полностью перестроена передняя, фасадная часть здания, выходящая на Арбат.

Была и еще одна героическая страница истории вахтанговцев в годы Великой Отечественной войны. 10 февраля 1942 года по Театру был объявлен приказ о создании военно-шефской бригады для обслуживания фронта. Позже из этой бригады был организован **Фронтовой филиал Театра имени Евг. Вахтангова**, который возглавили актриса **А. Орочко** и режиссер **А. Ремизова**. Директором стал **И. Спектор**, художественным руководителем **А. Габович**. В труппу филиала входили актеры **А. Граве**, **В. Данчева**, **И. Липский**, **А. Котрелев**, **И. Соловьев**, **А. Лебедев**, **Н. Мозяйкин**, **А. Данилович**, **В. Васильева**, баянист **А. Голубев** и другие (всего 26 человек). В репертуаре Фронтowego филиала было два концерта и пять (!) полноценных спектаклей.

Фронтовой филиал Театра имени Евг. Вахтангова с 18 февраля 1942 года по 13 июня 1945 года совершил 10 длительных выездов на фронт, проведя на передовой **850 дней** (более 2-х лет в общей сложности), и дав за это время **1650 спектаклей и концертов**.

В репертуар Фронтowego филиала входили комедия **В. Дыховичного** «Свадебное путешествие», героическая пьеса **А. Арбузова** «Бессмертный», «Наш корреспондент» **Л. Левина** и **И. Меттер**, водевиль **А. Штейна** и **З. Аграненко** «Добро пожаловать», комедия

Целительная сила искусства

А.Н. Островского «Не в свои сани не садись», комедия-обозрение известных сатириков **Вл. Масса** и **М. Червинского «Где-то в Москве»**. Участники Фронтвого филиала возили на фронт не только костюмы, но декорации и осветительные приборы. Для бойцов Первого Украинского фронта встреча с московскими артистами была желанным праздником. Актеры и участники Фронтвого филиала были награждены орденами и медалями.

В июне 1945 года, пройдя с действующей армией до самого Берлина и Праги, присоединились к основной труппе и актеры Фронтвого филиала. По инициативе актера Н. Мозяйкина по очере-

ди, каждый день, актеры вели дневники своей нелегкой кочевой жизни, записывали химическим карандашом в толстую тетрадь отчет о выступлениях, памятные встречи, драматические эпизоды, курьезы, тяжелую походную жизнь, встречи, бомбежки...

К 70-летию Победы сотрудники музея Театра **Ирина Сергеева** и **Маргарита Литвин** подготовили к печати эти бесценные материалы и фотографии.

Победу Театр встретил в Москве. Вечером, во время спектакля «Мадмуазель Нитуш», который играли в здании в переулке Садовских, со сцены объявили, что война окончена, включили радио, по которому зачитывался текст ак-

Перекур перед Сталинградом

та о безоговорочной капитуляции Германии. Спектакль остановили, все — и актеры и зрители — выбежали на улицу в едином порыве восторга и ликования.

На протяжении послевоенных 75-лет Театр не раз обращался к теме войны. Событием стала постановка **Борисом Захавой** в 1948 году спектакля по роману **Александра Фадеева** «Молодая гвардия», инсценированного **Глебом Граковым**. Роль руководителя организации **Олега Кошевого** сыграл **Юрий Любимов**. В 1958 году **Евгений Симонов** поставил пьесу **Бориса Рымаря** «Вечная слава» в декорациях **Сергея Ахвледяни**. Это был рассказ о простых парнях, героях войны, свои жизни отдавших в борьбе с фашизмом. Юного мечтателя политрука **Бакланова** сыграл

только что поступивший в Театр **Василий Лановой**, а старшину **Грицаенко** — **Юрий Любимов**. В 1975 году к 30-летию Победы спектакль «Фронт» снова появился в репертуаре вахтанговцев в постановке **Евгения Симонова**. Художником стал **Иосиф Сумбаташвили**. Роль **Ивана Горлова** сыграл **Михаил Ульянов** — резко, мощно, гротескно. Молодого, энергичного, умного генерала **Огнева** **Василий Лановой** показал настоящим героем.

В 1985 году, к сорокалетию Победы, **Евгений Симонов** поставил спектакль «Полстраницы оперативной сводки» — сценическую композицию по мотивам романа **К.М. Симонова** «Живые и мертвые» и воспоминаниям маршала **Г.К. Жукова**. Художником был **Иосиф**

«Вот и Берлин !»

Артисты дошли до Берлина

Сумбаташвили. Роль Жукова исполнил **Михаил Ульянов**, Серпилина — **Вячеслав Шалевич**, Синцова — **Евгений Карельских**.

Всего на сцене Вахтанговского театра было поставлено почти два десятка пьес, где действие происходило во время Великой Отечественной войны, рассказывалось о людях, принимавших участие в сражениях, о судьбах тех, чью жизнь сломала война: эпические постановки — «**Русский лес**» **Леонида Леонова** (1961, режиссер **Федор Бондаренко**), в котором запоминались работы **Галины Пашковой**, **Николая Плотникова**, **Юрия Яковлева**; «**Алексей Берной**», поставленный **Евгением Симоновым** по своей пьесе (1962) с участием **Юрия Любимова**, **Гарри Дунца**,

Василия Ланового. «**Железный ангел**» по повести **Павла Нилина** (1963, режиссер **Александра Ремизова**). Появлялись и камерные, лирические пьесы о судьбах людей, попавших в военный водоворот, такие как «**Старые друзья**» **Леонида Малюгина** (1962, режиссер **Светлана Джимбинова**), «**Память сердца**» **А. Корнейчука** (1970, режиссер **Евгений Симонов**).

Все дальше страшные, трагические и героические военные дни, уходят ветераны и свидетели тех лет. Остается память, книги, фильмы, спектакли, рассказы и бесконечная благодарность тем, кто отстоял мир на Земле.

Валентина ФЁДОРОВА
Фото из архива театра

«ДА БУДЕТ ВСЕГДА СВЕТЛЫЙ И ДОБРЫЙ МИР!»

В 1989 году в издательстве «Искусство» небольшим по тем временам тиражом, но щедрым на книгоиздания, вышла необычная книга. Ее написала помощник режиссера **Валентина Ивановна Бондарева**, проработавшая в **Центральном академическом Театре Советской Армии** еще с довоенного времени. В этом труде, названном **«Жизнь за кулисами»**, отразились разные десятилетия жизни коллектива – не только режиссеров, артистов, но и многих работников цехов и различных служб театра.

Леонид Хейфец написал предисловие к этому изданию, отдав должное личности и работе человека, посвятившего всю жизнь скромной, но невероятно сложной закулисной деятельности помощника режиссера. Перечитывая эти страницы спустя три с лишним десятилетия, захотелось вернуть читателям нашего журнала эксклюзивные воспоминания о военных годах одного из больших мастеров труппы этого уникального театра, записанные Валентиной Ивановной Бондаревой. Марк Перцовский рассказывал не только о событиях в жизни фронтовых бригад – он называл имена тех артистов, которых мы не в праве забыть, даже если никогда не видели на сцене и экране. Вместе со многими другими они творили историю советского театра.

Марк Наумович Перцовский: «Летом 1941 года группа нашего театра была послана в Бессарабию со спектаклем «Год 19-й» И. Прута, поставленным А.Д. Поповым. Теплым вечером 21 июня, сыграв спектакль в одной из воинских частей, мы возвращались в Кишинев. Настроение было приподнятое, как всегда после хорошо сыгранного спектакля и горячего приема. Когда подъезжали к городу, все обратили внимание на затмение. Жили мы тогда все вместе в солдатских казармах. Среди ночи нас подняли по тревоге. В звездном небе в лучах прожекторов увидели самолеты. Даже военные подумали, что это учения ПВО. Когда же начали бомбить Тираспольский мост – поняли, что-то случилось... Утром в Доме офицеров мы услышали официальное сообщение о внезапном нападении на нашу Родину. Из Политуправления Москвы был получен приказ о срочном формировании концертной фронтовой бригады, которая и была немедленно создана. В нее вошли: режиссер А.Л. Шапс – начальник бригады, актер М.Н. Перцовский – за-

Марк Наумович Перцовский. 1978

мначальника, актер П.А. Константинов – художественный руководитель, С.А. Каллер – администратор и актеры А.П. Богданова, А.П. Троицкая, Т.П. Бочарников, Л.П. Иудов, В.Я. Кручинин, А.П. Молокиенко, П.В. Никандров, Н.Н. Никитич,

Ф.Ф. Савостьянов, К.П. Шиловцев, А.М. Корзыков и М.В. Федоров — баянист, бессменный участник фронтовых бригад, награжденный боевым орденом «Красной Звезды». Это была первая фронтовая бригада ЦТКА в начавшейся Великой Отечественной войне.

В это же время в Москве, в зале ожидания Белорусского вокзала, артисты Нина Сазонова, Тося Романова и Сеня Великов уже давали концерт для воинов, отправлявшихся на фронт. Эти две наши бригады и были первыми фронтовыми бригадами. Теперь, когда прошло много лет, поражаешься огромному организаторскому таланту А.Л. Шапса. В те тревожные часы в Кишиневе в кратчайший срок была создана программа концерта с музыкальными номерами, скетчем «Делец» и другими номерами. И с этого же момента мы были уже артистами-солдатами, неся все тяготы войны наравне с нашими воинами. На станции Вопнярка, которую мы прозвали Бобнярка, поступили в распоряжение госпитального поезда, где в горькие дни отступления, под непрерывной бомбежкой были и артистами, и санитарями. Теперь можно сказать: эта группа людей полностью оправдала звание артистов Театра Красной Армии, хотя из скромности театр никогда не говорил и не писал об этом. Вернувшись в Москву, мы застали город на военном положении. Вскоре театр был отправлен в Свердловск. Там продолжалась интенсивная работа над новыми спектаклями и параллельно формировались концертные бригады, которые работали на всех фронтах с начала войны до Дня Победы...

Далее следует краткий, но необходимый, как представляется, комментарий Валентины Бондаревой: «В газете «Красная звезда» 22 марта 1942 года в статье А.Д. Попова были такие слова: «Мы понимали, что наши концерты воспринимаются как символ внимания Родины к своим воинам и в этом львиная доля их успеха... Здесь, на фронте, мы увидели истинную любовь к родной земле и великую ненависть к врагу».

Марк Перцовский. 1934

Прочитав эти строки, я вспомнила эпизод, произошедший во время спектакля «Сталинградцы» на Большой сцене нашего театра в 1944 году.

Декорация – угол разрушенного дома. Группа бойцов поклялась не отступать и стоять насмерть. Когда из восемнадцати человек в живых остаются тяжело раненый комиссар Шелест и боец Егор, на сцену вбегают обер-лейтенант немецкой армии Хеннес и фельдфебель Таубе... «И кто есть комиссар?» – спрашивает Хеннес. Фельдфебель угрожающе направляет на Егора автомат. Егор показывает на застывшего Шелеста. И тут из зрительного зала в Егора летит бинокль, по счастливой случайности не задевший актера. В антракте за кулисы пришел мужчина в гражданском костюме, оказавшийся майором, и извинился за свое, как он сказал, несдержанность: «Увлеченный правдивой игрой актеров, я не мог пережить измену даже в спектакле...»

«Учитель танцев».
Г. Островская
и М. Перцовский

Марк Перцовский продолжил: «В одной из поездок фронтовой бригады мы с Борисовым исполняли скетч «Раз — поход, два — поход», написанный Ю. Чепуриным: два фашиста идут победно завоевывать Россию. Играл на открытом воз-

духе. Сотни бойцов. В первом ряду сидел командир части с адъютантом и собакой овчаркой. До настоящего номера собака вела себя спокойно. Как только мы надели немецкие пилотки — собака зарычала... Недели шинели — начала рваться на сце-

«Год 19-й». В. Пестовский и М. Перцовский

ну... Когда же в финале мы, обмороженные, забинтованные, плелись «из-под Сталинграда» и я нес на спине своего партнера, собака вырвалась и бросилась мне на грудь... При громе оваций с трудом оттащили рассвирепевшую овчарку. А мы, чуть придя в себя, сняли немецкую форму и сказали: «Так будет со всеми, кто посягнет на нашу землю!»

О любви к нам, актерам, говорит один случай. Находясь в энской части около Баштаны, я случайно услышал фамилию моего друга, инженера И.С. Цалкина. От человека, назвавшего это имя, я узнал, что он из Тбилиси, города нашего детства, что сейчас он улетел на задание... Я очень расстроился, но что делать — война.

После концерта, который прошел с большим успехом, нас пригласили к столу и угощали со всем русским хлебосольством. Тут

я еще раз спросил у командира части об И.С. Цалкине. Командир проверил сказанное и подтвердил: «Да, есть такой». И как бы между прочим спросил, куда мы направляемся дальше. Отобедав, мы сели в машину и поехали в следующую часть.

Каково же было удивление всех участников нашей группы, когда во время концерта неподалеку от нас в поле сел самолет и из него вышел друг моего детства и юности. Потом он рассказывал, что летел, не зная, зачем летит. Встреча наша была специально устроена. После концерта к ужину пригласили и моего друга, а на ночь нам отвели избушку с глинобитным полом и двумя койками без подушек. Но нам ничего и не нужно было, мы так радовались встрече, что проговорили всю ночь, вспоминая детство, родных и близких. А в пять часов утра он улетел...

М. Перцовский в спектакле «Закон Ликурга»

Воспоминания о военных годах связывают меня с народной артисткой Советского Союза Ниной Сазоновой, участницей многих фронтовых бригад.

Для меня Нина Сазонова — не только прекрасный партнер в спектаклях театра, но и многолетний товарищ, друг. Я счастлив, что знал ее еще девочкой-студенткой

театрального училища при ЦТКА, воспитанницей А.Д. Попова.

Судьба, пропустив ее через жестокие испытания войны, подарила ей жизнь. Но нити, тянущиеся от тех лет к сегодняшнему дню, живут и пульсируют при встрече с героинями пьес, которые знают, что такое война.

В спектакле «Снеги пали» Р. Феденева в постановке А. Бурдонского Раиса Шитова — Сазонова заканчивает спектакль песней на слова Б. Окуджавы с такой силой чувств, что вряд ли у кого из зрителей не дрогнет сердце при словах:

*Населяют землю вечные невесты,
Надоело разлучаться и терять,
Будьте прокляты, дороги наших бедствий,
Вы не смеете вернуться к нам опять!*

«Теперь выходя на сцену, видя молодые глаза наших воинов, — говорит Нина Афанасьевна Сазонова, — всегда вспоминаю их отцов, дедов, перед которыми выступала всю войну и позже. И чувство теплоты, благодарности наполняет меня. И хочется в песне отдать им душу и сердце без остатка»...

Тысяча девятьсот сорок пятый год. Наша бригада — одна из последних. В ее составе

Н.Г. Володко, С.П. Великов, И.М. Терешин, А.К. Борисов, И.Я. Виленская, Н.Ф. Старостин, М.Д. Гарлицкий, Т.П. Алексеева, В.Н. Пестовский и я. Приближался День Победы! Мы продвигались вместе с армией — Варшава, Познань, Шверин, Кюстрин... Эта бригада была послана на один месяц, но по приказу Главного политического управления армии нас оставили на второй, затем на третий. Так мы оказались участниками великих событий.

В предместьях Берлина, в Бакфраунвальде, в наше распоряжение был отдан замок Хелла, где в один из вечеров под бомбежку наших самолетов и залпы нашей артиллерии мы сыграли сцену из «Укрощения строптивой» В. Шекспира на огромном бильярдном столе.

С армией генерала Катукова мы вошли в Берлин и сразу же начали свои выступ-

«Моя профессия — сеньор из общества». В. Зельдин, Л. Коньгина и М. Перцовский

*М. Перцовский в спектакле
«Флаг Адмирала». 1950*

«Человек на все времена». М. Перцовский и Н. Абрашин

ления. Давали по восемь концертов в день. Незабываемое зрелище представлял переполненный кинозал, когда в первых рядах сидели наши солдаты с немецкими детьми на коленях и кормили их хлебом, печеньем, конфетами. Глядя на сцену, дети, конечно, не понимали слов, но их широко открытые глаза смотрели внимательно и доверчиво.

День Победы 9 мая 1945 года мы праздновали в Берлине у генерала Катюкова, в старинном особняке. От счастья мы забыли об усталости. Катюков читал стихи, наша актриса Нина Володка пела фронтовые песни, аккомпанировал на баяне С. Великов. Нина была украшением нашей бригады. Эта красивая, обаятельная женщина не знала страха, выступала на самых трудных участках фронта и была награждена медалью «За отвагу». Она была и верным това-

рищем, готовым помочь в трудную минуту.

Мы возвращались в Москву в «студебеккере» маршрутом Берлин — Варшава — Москва. Ехали мимо сожженных сел, где вместо домов черными памятниками стояли лишь закопченные трубы... Подбитые танки, самоходки, груды железа... Пахло гарью и запекшейся кровью.

Мы обгоняли группы измученных, освобожденных из концлагеря нашими войсками. В Москве, где уже работал наш театр, с пронзающей болью вспоминали мы погибших на войне артистов: Госю Романову, Веню Пильдона, Сашу Корзыкова, Бориса Рудого...»

Прошли еще годы после того, как Марк Наумович Перцовский рассказал все это. И позже, во время гастролей театра в Волгограде, завер-

«Лес». Н. Сазонова и. М. Перцовский

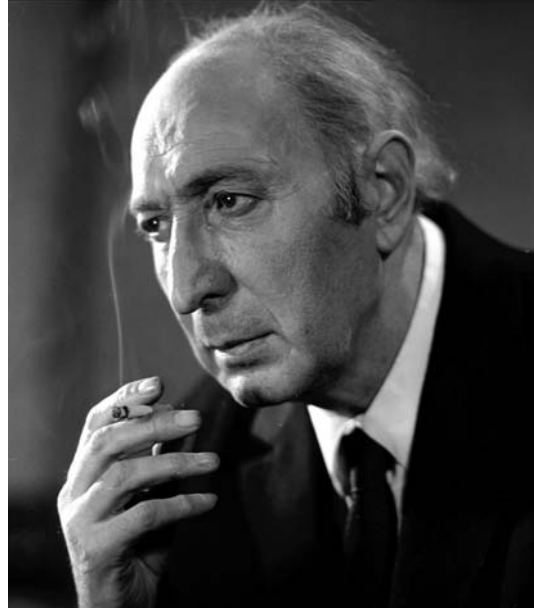
М. Перцовский в спектакле «Макбет»

«Смерть Иоанна Грозного». М. Перцовский в роли Врача

«Человек со стороны». М. Перцовский в роли Полуэктова

шил свои воспоминания так, как мог сделать это только тот, кто на собственном опыте пережил войну: «И снова я вспоминаю наших солдат с немецкими детьми на коленях и думаю: будьте счастливы, дети Германии! Будьте счастливы, дети всей Земли! Да будет всегда над вами светлый и добрый мир!»

И еще один фрагмент из книги Валентины Ивановны Бондаревой необходимо припомнить.

«В «Вечерней Москве» от 12 февраля 1974 года заслуженный работник культуры РСФСР С. Китаев написал: «Это произошло на спектакле «Ринальдо идет в бой» в ЦТСА.

Появление одного из героев, роль которого исполнял народный артист РСФСР Даниил Сагал, неожиданно вызвало у сидевшего рядом со мной седого человека слезы, которых он не таил... В антракте мы познакомились. Это был ветеран войны, сражавшийся на Брянском фронте...

— Незабываемый сорок третий. К нам на Брянский фронт прибыла бригада артистов под руководством Д. Сагала, — расска-

зывал мой новый знакомый. — Первый концерт они дали перед войсками дивизии, прославленной в боях за Сталинград. Защитники крепости на Волге бурей оваций, криками «ура!» встретили московскую бригаду. Концерт превратился в митинг, на котором солдаты клялись бить врага, не щадя жизни.

И рассказал, как бережно хранит вырезку из дивизионной газеты от 23 мая 1943 года, где говорилось: «Своим концертом артисты еще больше укрепили нашу ненависть к врагу. После просмотра фильма «Как закалялась сталь» в нашей памяти запечатлелся образ матроса Жухрая (Д. Сагал). Мы говорили: «Будем бить гитлеровских захватчиков, как некогда бил врагов матрос Жухрай».

— Хорошо бы каждому солдату так владеть оружием, как московские артисты владеют своим зажигающим, мобилизующим искусством, — говорили мы тогда между собой... Д. Сагал и его товарищи вправду были называться артистами-солдатами».

Фото из архива музея ЦАТРА

НЕУКРОТИМЫЙ ХАРАКТЕР

В последний год жизни она готовила бенефисный спектакль «Дорогая Памела» Дж. Патрика. Пьеса острая, драматургически хорошо выстроенная и до сих пор чрезвычайно актуальная. Думается, что прозвучала бы она очень свежо. А **Елизавета Мамонтова**, непременно, блеснула бы в роли Памелы. Роль, как говорят, была на нее. И по духу, и по характеру. Но не случилось. Начало двухтысячных для театра оказалось непростым, да к тому же шел капитальный ремонт. И замысел оказался несуществующим. А в декабре 2001 года Елизаветы Николаевны Мамонтовой не стало.

Желание написать о заслуженной артистке России Елизавете Николаевне Мамонтовой возникло у меня сразу, с первого нашего с ней знакомства на одном из мероприятий, проводимых Объединением женщин-медиков, ветеранов Великой Отечественной войны. Они очень любили Елизавету Николаевну. И она всегда была желанным гостем всех их собраний. Еще тогда я обратила внимание, что известная тамбовская актриса отнюдь не была «свадебным генералом» на подобных мероприятиях. Она старалась не выступать, держалась очень скромно, можно сказать, «в тени». Но в то же время ей было приятно находиться среди женщин, так же, как и она, прошедших войну и перенесших все нелегкие для женских плеч тяготы. Помню, мы сидели в первую встречу рядом и как-то невольно разговорились. То, что сразу располагало к Елизавете Николаевне, — полное отсутствие актерского позерства, напускного кокетства, каким, порой, грешат творческие натуры. Она говорила просто, а иной раз

даже резковато, давала объективные оценки. Наши взгляды во многом сошлись. Нет, мы не стали близкими друзьями. Но с тех пор на каких бы культурных мероприятиях нашего города не встречались, садились вместе и много беседовали. Я постоянно высказывала мысль о написании очерка, но Елизавета Николаевна всегда отмахивалась: мол, успеем.

Мамонтова не любила рассказывать о себе. По отношению к своей персоне она была очень сдержана. И в то же время Елизавета Николаевна оказывалась чрезвычайно активна, если дело касалось общественной работы. Порой казалось, что она задействована во всех обществах, которые существуют в Тамбове. Ее приглашали на различные мероприятия общество «Знание», общество книголюбов, всевозможные объединения ветеранов войны и труда и так далее.

Но, наверное, наибольшую активность Мамонтова проявляла во всем, что было связано с природой Тамбовщины. Звание общественного инспектора охраны природы она носила не просто так. Помню, как актриса болела душой за парк по улице Пионерской, над которым нависла угроза уничтожения в связи с расширяющимся домостроением. Этот природный уголок, любимый всеми жителями южной части города, необходимо было спасти от вырубки. И Елизавета Николаевна смело шла «в бой» за каждое дерево. Тут она действовала во всю мощь своего бойцовского характера. Возможно, эти события и сказались на ее здоровье? При нашей последней встрече она не могла больше ни о чем говорить, кроме недопустимости уничтожения зеленых уголков и пар-

ков ради постройки домов на престижных землях южного района города. Какой болью и горечью были наполнены слова о непробиваемости чиновников! Неукротимая натура Елизаветы Николаевны не могла смириться с несправедливостью. А стойкости ей было не занимать.

Родилась актриса в 1923 году в Тбилиси, куда ее родителей, Николая Васильевича и Стефаниду Семеновну Самуйленко, занесла судьба. Родом они были из Белоруссии. Дед Лизы имел крепкое хозяйство в одном из белорусских сел. Но начавшаяся коллективизация вынудила его бросить все и с одной Библией в руках бежать к сыну в Тбилиси. Детство Лизы с самого начала было несладким. Отец работал слесарем на железнодорожном заводе, мать подрабатывала прачкой. А в шесть лет Лиза осталась без матери. Отец по-своему любил дочку, но воспитанием особо не занимался.

Воспитывал Лизу двор. В Тбилиси в те годы сплоченность соседей по двору была невероятной. Жили худо, бедно, но всегда выручали друг друга чем могли. Свадьбы играли вместе и провожали в последний путь сообща, беря потом на себя заботу об оставшихся сиротах. Все дети были как бы «общими». Поэтому маленькая Лиза всегда оказывалась как-никак, но накормленной и одетой. Ребенком Лиза была самостоятельным, способным и школу закончила хорошо. Получив аттестат, Елизавета решила поступать на филологический факультет Тбилисского университета. Уже и документы туда сдала, но однажды случайно на улице наткнулась на объявление, что театральная студия при **Тбилисском русском драмтеатре имени А.С. Грибоедова** набирает студентов.

Лиза всегда была активисткой, и, естественно, художественная самостоятельность в школе без нее не обходи-

Елизавета Мамонтова в 1950-х годах

лась. Желание стать артисткой жило где-то в глубине души девушки. И при виде объявления оно пересилило все остальные помыслы. Лиза забрала документы из университета и поступила на курс **Георгия Товстоногова**, будущего гениального главного режиссера ленинградского БДТ. А через год началась Великая Отечественная война. Занятия в студии продолжались, но в прифронтовой полосе жилось крайне трудно, скудно и голодно. Поэтому у Лизы нередко случались даже голодные обмороки.

В связи с тяжелым положением на южном направлении фронта в 1942 году был объявлен набор добровольцев. Лиза кинулась в военкомат. Поглядев

Елизавета Мамонтова (крайняя справа) среди коллег

на щупленькую слабенькую девушку, ее не особенно поспешили взять в армию. Тогда, узнав о курсах военных водителей, Елизавета записалась на них. Правда, и тут все чуть не сорвалось, так как медкомиссию по зрению она не прошла. Только настырные слезные уговоры возымели действие. Врач подписал справку. На курсах же инструктора удивлялись ловкости и быстрому пониманию всех технических тонкостей этой шустрой девчонкой.

А тут еще она активно включилась в армейскую художественную самодеятельность. Но когда дело дошло до распределения, начальник Кавказской дивизии зенитчиков не рискнул посадить эту малявку, хотя и с отличными оценками, за руль своего автомобиля. Тем не менее, отдавать такой ценный кадр по части художественной

самодеятельности (многие подразделения мечтали заполучить из-за этого Лизу) ему тоже не хотелось. Вот и была Елизавета определена связисткой в 345-й полк зенитной артиллерии.

В 1945 году, за месяц до окончания войны, полк перебросили на **Дальний Восток**. К тому времени на груди Лизы уже красовалась медаль «**За оборону Кавказа**». Война с Японией подходила к концу, и командир, видя, как девушка тяжело переносит дальневосточный климат, решил пойти на хитрость. Он с пакетом отправил ее в Тбилиси, где Елизавету сразу же демобилизовали, наградив медалью «**За победу над Германией**» (а затем в **1986** году Мамонтову отыскал и **орден Отечественной войны**).

Война закончилась, и надо было определяться. Девушка решила вернуть-

ся в театральную студию. Она попала на второй курс, который вел народный артист СССР **Дмитрий Алексидзе**. С отличием закончив обучение, Елизавета Мамонтова поступила в **Театр юного зрителя**. Параллельно работала в **Грузинской филармонии** чтицей. Достойных ролей в театре давали мало, и молодая актриса чувствовала себя невостребованной. А тут еще начались конфликты с мужем. Офицер Юрий Мамонтов мечтал, чтобы жена сидела дома, а не выступала на сцене. Елизавета же жаждала ролей и не представляла себя без сцены. Развод в 1950 году с Юрием стал неизбежен.

Мамонтова решает попробовать себя в другом театре. Поэтому едет в Москву на актерскую ежегодную биржу. Здесь ее познакомили с известным режиссером **Владимиром Галицким** из **Тамбовского драмтеатра**. Именно Галицкий поднял этот театр на должную высоту, собрал сильную труппу. Владимир Александрович очень любил молодежь и всегда ездил на биржу присматривать новые кадры. Он и пригласил Елизавету Мамонтову в Тамбов.

Приехав холодной осенью в город, актриса была ошарашена его видом, который не шел в сравнение с солнечным Тбилиси. Сидя в комнате, которую ей предоставили, она думала, где взять денег на обратный билет. Режиссер Галицкий понял настроение молодой женщины. И повел показывать ей свой город, набережную. В театре режиссер тут же ввел ее в массовку «**Анны Карениной**», а затем дал главную роль в китайской легенде «**Пролитая чаша**». Галицкий настолько загрузил Мамонтову работой, что она забыла и думать об отъезде. Тамбовский драмтеатр тогда ставил по 12–13 спектаклей за сезон. Богатый репертуар с хорошей драматургией, дружная труппа, одержимый режиссер. Жилось Елизавете интересно. А тут еще в 1953 году при-

Елизавета Мамонтова

ехал работать в театр из Оренбурга актер **Михаил Жуковский**.

Родители Михаила осели во Владикавказе. Оттуда юноша после школы уехал поступать в Ленинградский медицинский институт. Но отучился он только два года, и его забрали в армию. Оставалось два месяца до демобилизации, когда началась война. И Михаил в тяжелой артиллерии прослужил до 1945 года, закончив войну в Праге. В армии Михаила задействовали в художественной самодеятельности. Во время концертов он был занят чуть ли не во всех номерах. Акробатика, клоунада, вокал, драматическое чтение — во всем он блистал так, что однополь-

чане восхищенно восклицали: «Тебе надо быть артистом!» Поэтому после войны Михаил не вернулся в медицинский, а поступил в театральный институт, по окончании которого сначала работал в Ереване, а потом в Оренбургском драмтеатре.

Тамбов по началу произвел на Михаила такое же удручающее впечатление, как и на Мамонтову. Но и тут помог Галицкий, найдя для актера интересные роли. Да к тому же и Елизавета с первых дней приглянулась Михаилу. Было много общего в их характерах, взглядах на жизнь. Весной 1954 года они поженились. А летом вместе с театром поехали на гастроли в Москву. Все спектакли шли при аншлаге в Театре им. М.Н. Ермоловой. Особенно москвичам понравились постановки «В Лебяжьем» и «Печать доверия», за которые тамбовским творческим коллективом была получена Сталинская премия. Михаил и Елизавета были молоды, мобильны, им хотелось посмотреть Советский Союз. Поэтому после московских гастролей они приняли предложение театра из **Нижнего Тагила**.

Началась кочевая актерская жизнь. В Нижнем Тагиле вместо театра оказался Клуб железнодорожников, а на спектакли со зрителями приходили и местные крысы. Следующий сезон актеры уже работали в **Липецке**. Затем были **Уфа**, **Челябинск**. В **Ашхабад** переманил Жуковского бывший липецкий режиссер, предоставив Михаилу возможность ставить спектакли. А Жуковскому очень хотелось ставить пьесы, в которых главные роли играла бы Елизавета Николаевна. Но после Сибири жаркий климат Ашхабада, а потом и **Кустаная**, актеры переносили тяжело. Во время летнего отдыха в Сочи Елизавета Николаевна встретила Галицкого, и тот снова позвал в Тамбовский театр. Воспоминания о Тамбове были хо-

рошими. Да к тому же начали формироваться уже стабильные театральные труппы, и контрактная система уже заканчивала свое существование. Поэтому Жуковский и Мамонтова откликнулись на предложение Галицкого и вернулись в город.

Из пятидесяти лет на сцене Елизавета Николаевна Мамонтова **38** отдала Тамбовскому театру. Актриса сыграла около 150 ролей, и 100 из них были центральными. Тамбовские театралы всегда ходили «на Мамонтову», потому что знали, какой бы не была постановка — удачной или не удачной — актриса сыграет свою роль мощно, ярко, интересно. Старожилы помнят ее великолепные работы в «**Варшавской мелодии**», «**Коварстве и любви**», «**Иркутской истории**», «**Зое**», «**Двадцать лет спустя**», «**Далях неоглядных**», «**Одной ночи**», «**Пигмалионе**», «**Без вины виноватых**», «**Донне Люции**».

В конце 80-х — начале 90-х актрисе удавалось играть уже нечасто. Но каждая роль заслуженной артистки России Елизаветы Мамонтовой: **Бабушка** из спектакля «**Деревья умирают стоя**», балерина **Песочинская** из «**Ретро**» и другие — были незабываемы. До последних дней Елизавета Николаевна не прекращала и общественной работы. Многие помнят ее как активного члена правления ВТО и председателя профкома. Да и большое количество грамот за четыре десятилетия подтверждает ее постоянное участие в общественной и шефской работе. Но никакие бумаги не передадут того чувства великой благодарности, которая осталась в сердцах тех людей, кто знал или видел артистку на сцене. Для них Елизавета Мамонтова всегда останется замечательной Актрисой и Женщиной.

Маргарита МАТЮШИНА

ПОБЕДА — ОДНА НА ВСЕХ

В советские времена в юбилейные для Дня Победы годы выходило немало сборников статей, посвященных воспоминаниям тех артистов, режиссеров, художников, музыкантов, что прошли войну. Сегодня они стали библиографической редкостью, эти многостраничные или тонкие книжки, в которых каждая строка осталась живой болью, но и радостью встреч с военными, порой становившимися верными друзьями на протяжении мирной жизни. И – главное – счастьем Победы, для которой люди искусства сделали все, что могли.

В издательстве Всероссийского театрального общества в **1970** году вышел сборник **«Подвиг актера»**, а в **1985-м** запечатленная память о фронтовых театрах и фронтовых бригадах была собрана для книги **«Нам дороги эти позабыть нельзя»**.

Мы сочли необходимым рассказать тем, кто не знает, и напомнить тем, кто когда-то держал в руках эти издания, некоторые имена и события, которые должны жить в нашей благодарной памяти... Эти статьи мы публикуем с сокращениями.

Иосиф Раевский,
народный артист СССР

ЧТО ЗАПОМНИЛОСЬ...

Московский художественный театр война застала в Минске, куда он выехал на гастроли в начале июня 1941 года. В сложной обстановке возвращался театр в Москву. Выехали мы из Минска 24 июня и только 1 июля с большим трудом добрались до Москвы. Так что атмосфера войны и события, связанные с ней, уже были нам знакомы.

Буквально через несколько дней после возвращения из Минска мне позвонили из президиума ВТО и сказали, что есть постановление создать при Доме актера ВТО концертные бригады для обслуживания фронта. Меня пригласили руководить одной из бригад и собрать для нее актеров.

Когда я пришел на совещание по организации бригад и встретил там трех наших замечательных мастеров театра – **С.М. Михоэлса, А.Д. Дикого и Ю.А. Завадского**, – мне сразу стало понятно, что организация фронтовых бригад принимает широкий размах. И я не ошибся. Бригады и целевые театры, созданные силами старейшей театральной органи-

Иосиф Раевский

Артисты Московского художественного театра в годы войны

зации страны для обслуживания фронта, внесли свою лепту в дело Победы.

... Но тогда все только начиналось. Мы еще только мечтали о том, что потом стало реальностью.

Помню, С.М. Михоэлс говорил:

— Вот бы создать фронтовой Большой театр!

Многим это казалось тогда несбыточной мечтой. Конечно, во фронтовых условиях не мог существовать громоздкий и сложный организм. Но оперный театр был, и многие тысячи бойцов и командиров с восторгом слушали чуть ли не на передовых позициях оперу П.И. Чайковского «Евгений Онегин».

Итак, мы приступили к созданию первых бригад, может быть, еще не вполне отдавая себе отчет, какое важное дело начинаем.

Желающих работать во **фронтовых** бригадах (я не зря подчеркиваю слово «фронтовых», ибо людьми руководило именно стремление попасть на фронт) было так много, что мы должны были подойти к подбору актерского состава с самой высокой требовательностью. Впоследствии о бригадах поступали отовсюду самые восторженные отзывы. Отмечались высокие профессиональные и гражданские качества тех, кто хотел своим искусством облегчить ратный труд воинов Советской Армии.

Скоро первые бригады были укомплектованы. Начались репетиции. Шумно стало на пятом и шестом этажах здания ВТО. Репетировали в каждом уголке: фойе, в кабинетах. Еще не было опыта, но интуиция подсказывала, какой нужен репертуар. Было отда-

Соломон Михоэлс

Алексей Дикий

но должное героической теме. Однако не был забыт и юмор. Юмор и сатира в условиях фронта играли особую роль, и поиски соответствующего материала составляли одну из главных задач. Музыкальный элемент тоже должен был органически войти в концертные программы, внося необходимую лирическую струю. Короче, мы обращались к обыкновенному зрителю, который силою обстоятельств оказался оторван от семьи, от своего предприятия и вынужден был взяться за оружие. В то же время зритель этот был необыкновенным! Ведь каждая встреча с ним могла оказаться последней... Нужно было показать ему высокое искусство, говорящее о торжестве жизни, правды, справедливости.

Репетиции шли утром, днем и вечером. В перерывах руководители соби-

рались для обсуждения проделанной работы и по-товарищески помогали друг другу.

Огромным удовольствием было наблюдать за тем, как помогали будущим фронтовым актерам Дикий, Михоэлс, Завадский. Это была поистине незабываемая школа!

Вот в уголке присел Соломон Михайлович. Он делает режиссерские замечания после просмотра номера или программы. Михоэлс говорит задумчиво, как бы споря с самим собой, размышляя вслух, — и каждое его слово, замечание учат великому искусству жизни на сцене!

В другом месте Алексей Денисович показывает актеру, как держаться на сцене. Великолепный мастер, он находит такие формы убеждения, что они как молнией, сразу освещают самые темные и не решенные до сих пор задачи.

Юрий Завадский

Юрий Александрович строит великолепные мизансцены буквально на «пяточке» миниатюрной сцены (на фронте к этому надо быть готовым).

Да, приглашая выдающихся мастеров сцены к участию в работе скромных бригад, организаторы решили главную задачу — была создана традиция подготовки подлинного искусства, достойного времени и зрителя!

Может быть, именно тесное общение с такими мастерами произвольно отсекло все антихудожественное и сомнительное, что в спешке можно было признать «актуальным», «подходящим» и т.д. Как радостно было, например, слушать чтецов. По-особому в эти дни звучал Маяковский, и многие включали его в свой репертуар. Великое спасибо надо сказать Д.Н. Журавлеву, В.Н. Яхонтову, В.И. Качалову. Своим глубоким постижением поэзии певца Революции они явили замечатель-

ный пример тем, кто хотел на фронте говорить «во весь голос».

Элегический и мудрый, смешной и веселый Чехов тоже закономерно вошел в программу наших чтецов. А. Твардовский еще не написал своего знаменитого «Василия Теркина», но чтецы взяли на вооружение его «Страну Муравию». Народные песни, задорные танцы в наших концертах — все было отмечено творческим волнением, во всем ощущались сердце и ум артиста, озабоченного страстным желанием стать рядом с бойцом.

Так сложилась высокая дисциплина репетиций и высокое качество программ. Бригады получили путевку на фронт...

С волнением мы ждали первых откликов. Они появились очень скоро в виде многочисленных приглашений наших бригад. По три-четыре выступления в день тогда не казались чем-то необыкновенным. Наоборот, артисты радова-

лись им, видя в этом признание своего труда, его необходимости, потребность в нем.

Вспоминаю эти дни с чувством большой благодарности Театральному обществу за то, что оно помогло мне приблизиться к этой работе. От наших выступлений не осталось ни афиш, ни печатных программ, но они запечатлелись в душе народа прочнее всяких пышных премьер.

Алла Тарасова,
народная артистка СССР

В ДНИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

... Августовским утром 1942 года первая мхатовская фронтовая бригада отправилась в действующую армию, в войска Западного фронта. Это был самый волнующий выезд и потому, что он был первым, и потому, что мы ехали туда, где шли сражения, которые мы так мало представляли себе, и, конечно, потому, что нам было немного страшно, и больше всего потому, что мы не знали, как нас встретят зрители...

Первый концерт мы дали где-то недалеко от Малоярославца. Он был своеобразным экзаменом на звание фронтовой бригады. В зале — политработники частей и соединений войск Западного фронта, собранные сюда на совещание.

Экзамен был выдержан с честью. Оvationi сопровождали каждое выступление. Концерт затянулся допоздна, так как мы решили показать всю программу.

В этой первой поездке мне особенно запомнился концерт у летчиков. Проехав железнодорожный переезд, мы свернули на какую-то пыльную дорогу (потом нам сказали, что это недостроенная автострада на Киев) и через несколько километров остановились на опушке.

Здесь, в укрытиях, замаскированные ветвями, стояли легкие самолеты. Это была эскадрилья связи штаба воздушной армии. Ни аэродрома, ни площад-

Алла Тарасова в роли Анны в спектакле «Анна Каренина»

ки для взлета и посадки не было. Только узенькая полоска между опушкой леса и дорогой, на которую садились самолеты.

Оказывается, во фронтовой обстановке не только нам, актерам, приходилось выступать без сцены и привычного режиссера, но и летчики должны были обхо-

Анастасия Зуева

Владимир Ершов

даться без аэродромов и установленного оборудования.

Лесная дорога привела нас на чудесную поляну, залитую лучами заходящего солнца и окруженную стройными березами... Две машины с откинутыми бортами были вплотную придвинуты друг к другу, на их платформы был положен ковер. За этой импровизированной сценой стояли полумягкие стулья, стол, а в кабине грузовика было даже прикреплено довольно большое зеркало. На «сцену» вела, видимо, наспех сколоченная лестничка с перильцами...

В нашем маленьком автобусе мы быстро переоделись в концертные костюмы и загримировались.

Молодой офицер подошел к нам и спросил, можно ли начинать концерт. Мы с недоумением посмотрели вокруг и на него — поляна перед нашей импровизированной эстрадой была пуста. **Николай Иванович Дорохин** сказал, что мы-то готовы, а вот перед кем выступать — не знаем. «Сейчас все будет в порядке», — последовал ответ офицера. И действительно, по сигналу, кажется, футбольного свистка зрители мгновенно заполнили «партер»-поляну и даже «бельэтаж»-окружающие деревья.

Гроном аплодисментов они встретили и проводили **Владимира Львовича Ершова**, читавшего монолог Сатины из пьесы Горького «На дне». Долго аплодировали нашему скрипачу **Каревичу**, исполнившему «Сентиментальный вальс» Чайковского под аккомпанемент на гитаре концертмейстера нашего театра **Алексея Алексеевича Кузнецова**. Этот замечательный гитарист был совершенно незаменим в наших поездках. С ним всегда была его гитара, а под ее аккомпанемент так хорошо пелись и популярные в те годы «Темная ночь», «Землянка» и старинные русские романсы, и украинские песни, и многое, многое другое.

Сцена из «Каменного гостя» Пушкина шла в полнейшей тишине. Боясь про-

Н. Дорохин и А. Зуева на замаскированном аэродроме

Виктор Станицын

Ольга Андровская

пустить хоть одно слово, наши слушатели напряженно следили за развитием сюжета. А потом долго не отпускали нас с Ершовым со сцены, бесконечно аплодируя и крича «браво». И вот уже я одна читаю отрывок из «Анны Карениной». Отрывок заканчивается смертью Анны, описанной Толстым так, что каждый раз, когда я читаю это место романа, у меня невольно сжимается сердце и от волнения захватывает дыхание.

Прожив с моей Анной трагедию ее жизни, медленно прихожу в себя. По волнению моих фронтовых зрителей чувствую, что мне удалось донести всю страстность Анны, всю безнадежность ее отчаяния.

Это была моя вторая премьера «Анны Карениной».

Небольшой перерыв — и на эстраде сцена из комедии Островского «Же-

нитьба Бальзамина». Ее великолепно исполняют Зуева и Дорохин. Хохот, аплодисменты часто прерывают сцену объяснения в любви Бальзамина. Концерт окончен. Но зрители не расходятся. Окружили нас и расспрашивают о Москве, о Художественном театре.

Вдруг на другой стороне поляны слышалась гармонь. Выхватив из-за пояса платочек, вышла в круг наша Настенька Зуева и поплыла в паре с летчиком, а когда она закончила пляску озорными частушками, овации заглушили гармониста...

Но не всегда нам приходилось выступать в спокойной обстановке. Иногда вражеская авиация доставляла серьезные волнения.

Это было на смоленском аэродроме. Единственное неразрушенное каменное здание, подготовленное для концерта,

Николай Дорохин

Владимир Канделаки

едва вместило тех, кто был свободен от боевой работы.

Концерт был в разгаре. На эстраде шел отрывок из комедии Островского «Волки и овцы» в исполнении **О.Н. Андровской** и **В.Я. Станицына**. Ольга Николаевна только успела произнести: «Я выхожу замуж...», как раздались оглушительные залпы зенитной артиллерии, взрывы бомб, и громкий голос приказал всем покинуть здание.

В темноте, плохо ориентируясь, не зная расположения укрытий, мы разбежались кто куда. По собственной инициативе пытались хоть как-нибудь и где-нибудь спрятаться от падавших сверху дождем осколков снарядов зенитной артиллерии и от бомб, рвавшихся вблизи аэродрома. Уже после я со смехом вспоминала, как актриса Калиновская, выбежав вместе со мной из здания, прикры-

вала свою голову... дамской сумочкой.

Несмотря на пережитые волнения, когда налет кончился – концерт был продолжен, и зрители досмотрели прерванную сцену.

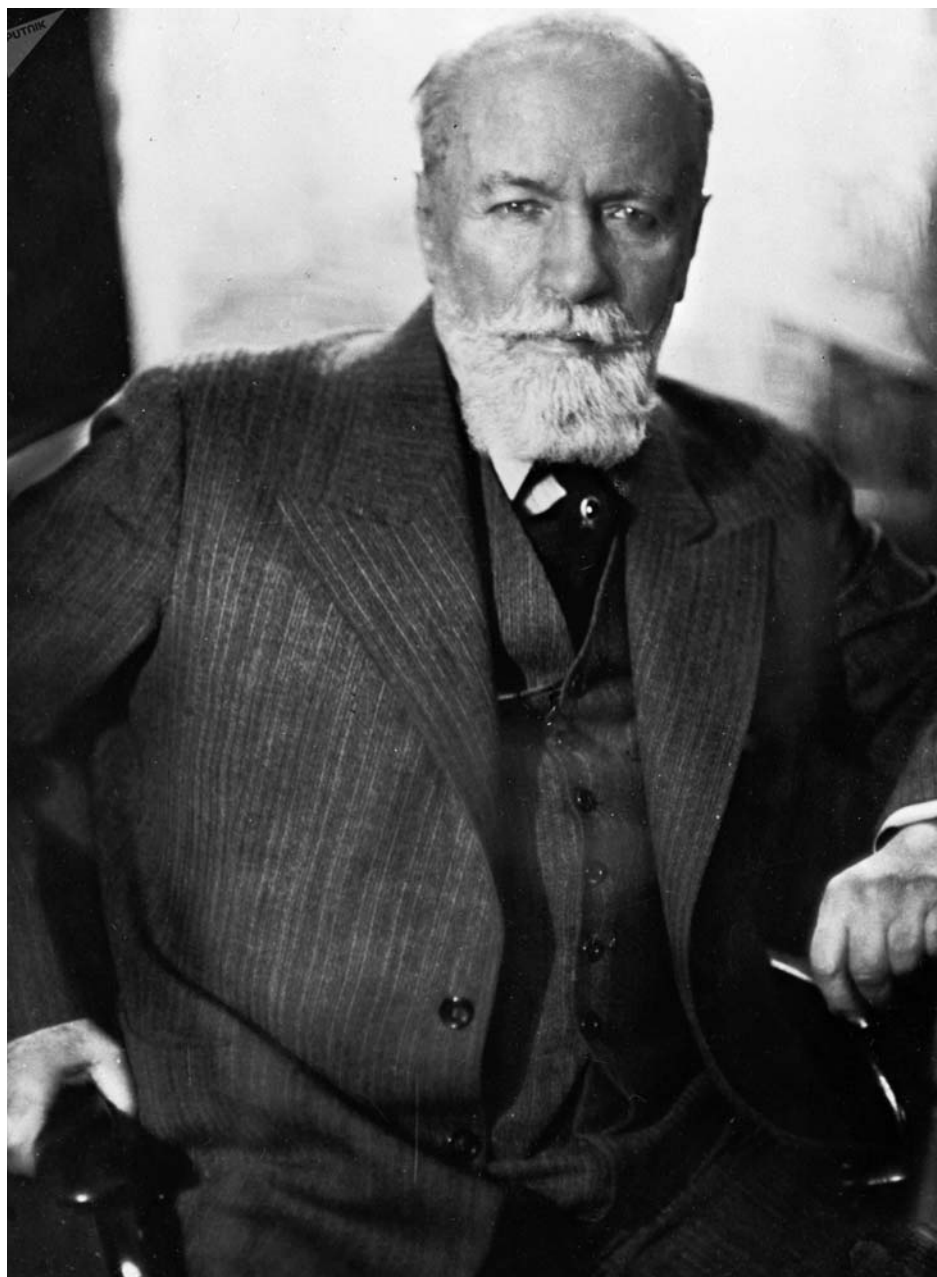
Владимир Канделаки,
народный артист СССР

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Война застала нас на гастролях в Мурманске. Через несколько дней мы возвращались в Москву. На станции Кандалакша в наш вагон внесли трех раненых летчиков, внесли через окно, так как в двери носилки не входили. Это было наше первое столкновение с войной. Оно нас потрясло.

Помню, как нас, участников спектакля «Корневильские колокола», вызвал на

Вл.И. Немирович-Данченко

замечания по спектаклю к себе на дачу в Кунцево **Владимир Иванович Немирович-Данченко**. Мы пробыли у него часа два, но до замечаний дело так и не дошло. О спектакле вообще не было сказано ни слова. Говорили только о войне, о событиях на фронтах. Владимир Иванович был настроен оптимистически. «Что бы не случилось, как бы не было трудно, мы обязательно победим!» — сказал он, прощаясь с нами. В театре мы буквально дневали и ночевали. Шли репетиции, готовились спецпрограммы: герои русского народа из произведений Глинки, Бородина, Прокофьева. Многие из нас жили в доме рядом с театром. Там же жил и Владимир Иванович Немирович-Данченко. В бомбоубежище было отгорожено ширмой место, где стоял его диванчик. Когда начиналась тревога, все мы спускались в бомбоубежище и собирались около его диванчика. Поразительную внутреннюю силу, спокойствие духа излучал этот 83-летний человек!

... В нашем коллективе было создано несколько фронтовых бригад. Ежедневно после спектаклей, когда они шли в дневное время (а зачастую и вечерами), наши артисты на машинах уезжали на передний край обороны, где выступали перед бойцами... Во время одной из таких фронтовых поездок погибли наши товарищи, и среди них певец **Михаил Кутырин** и пианистка нашего театра **Фаина Гуральник**.

В августе 1943 года фронтовая бригада нашего театра, возглавляемая мной (в ее составе артисты: **М. Гольдина**, **Д. Камерницкий**, **И. Курилов**, **С. Ценин**, **Л. Виноградская**, **И. Добролюбов**, **Ал. Тлейн**, **В. Эдельман**), была прикомандирована к дивизии, входившей в состав войск Брянского фронта. Ими командовал генерал армии Попов. В каких только условиях нам не приходилось выступать! На грузовиках, полянах, в землянках, на КП. С нами была наша флютка (маленькая фисгармо-

ния). На ней всем нам аккомпанировал **В. Эдельман**. Вместе с дивизией мы добрались до Брянских лесов. Пятого августа вошли в Орел. Не забыть картину разгрома, которую мы увидели там — трупы советских патриотов на деревьях в парке, сожженные дома. Не забыть слезы радости освобожденных жителей и их горячие объятия. Через два часа после взятия Орла мы выступали на центральной площади города, овации раздавались буквально после каждого номера, а мы не могли петь, горло перехватывало от счастья, от гордости за наших бойцов. В этот день в Москве был первый салют в честь освобождения Орла и Белгорода...

А когда наши войска прогнали фашистов от столицы, мы — москвичи — словно родились заново. Театральная и концертная жизнь Москвы наладилась очень быстро. Летом 1942 года стали возвращаться из эвакуации театры. В саду «Эрмитаж» начались эстрадные концерты. Театральные и концертные залы были всегда переполнены... Вообще, роль искусства в Великой Отечественной войне трудно переоценить. В самое трудное время оно было нужно людям, как хлеб.

На всю жизнь останутся в нашей памяти смеющиеся лица бойцов, которым после концерта предстояло идти в атаку. Со многими мы подружились, долго потом переписывались. Все, что связано с войной, свято для каждого из нас...

Ольга Лепешинская,
народная артистка СССР

ВЕСНА ПОБЕДЫ

... Г.Т. Василенко, ныне генерал в отставке, Герой Советского Союза, в начале войны занимавший формирование народного ополчения, в своих воспоминаниях рассказал, как к нему пришли три девушки, «одна из них маленькая,

Ольга Лепешинская

худенькая, назвала свою фамилию и сказала, что она не только балерина, но и ... «ворошиловский стрелок». И потребовала отправить ее на фронт».

Это была я.

— Каждый должен быть там, где принесет больше пользы, — сказал нам Гавриил Тарасович.

На фронт нас не пустили. Мы дежурили на крышах, в метро, где укрывались москвичи во время налетов вражеской авиации, провожали эшелоны с бойцами на фронт.

Конец июля 1941 года. Белорусский вокзал. Мы провожали комсомольцев нашего района, ребят из Большого театра — артистов, музыкантов, рабочих сцены. Мы все вместе пели, потом начался митинг, на котором выступила и я. И вдруг слышу: «Ты бы лучше станцевала для нас, товарищ Лепешинская!»

Не знаю, приняла бы я «вызов», но тут на импровизированную сцену выскочил один из первых комсомольцев-добровольцев нашего театра, артист балета **Миша Сулханишвили**. «Лезгинку!» — крикнул Миша откуда-то появившемуся баянисту. Тот начал играть, и я «сдалась». За «лезгинкой» последовали «цыганочка», «барыня», «яблочко», а я все танцевала и танцевала...

И тут наступило как бы озарение: в эту тяжкую суровую пору войны наше искусство по-прежнему нужно народу. Люди, уходящие на фронт, хотели видеть то, что шли защищать: искусство, красоту жизни, Родину свою. Пришло решение: сформировать бригаду артистов, готовых выехать в действующую армию для обслуживания бойцов...

... И вот мы — на фронте.

Первая наша поездка к бойцам в дейст-

И.С. Козловский и О.В. Лепешинская на передовой

вующую армию состоялась в сентябре 1941 года. Продолжалась она всего несколько часов. В районе Можайска находилась на формировании Первая мотострелковая — бывшая московская Пролетарская дивизия, над которой шефствовали москвичи. Наша бригада приехала дать концерт по поводу присвоения ей звания гвардейской. Дивизия входила в 33-ю армию, преградившую дорогу фашистам к Москве, задержав их на реке Наре.

Выступали в полуразрушенной церкви. Концерт открыл арией Сусанина **Максим Дормидонтович Михайлов**. А после обрушившихся на него аплодисментов грянул «Вдоль по Питерской». Затем серебряным колокольчиком зазвенел голос **Валерии Владимировны Барсовой**, потом танцевали мы с **Асафом Мессерером**. И снова пение —

русские романсы в исполнении **Елены Кругликовой**. А потом **Дмитрий Николаевич Журавлев** читал Маяковского и Багрицкого.

После концерта выступил совсем юный лейтенант. Он сказал, что наше искусство нужно бойцам как вера в победу, как радость, без которой нельзя жить. Эти его слова я тогда записала в своем дневнике. Д.Н. Журавлев, растроганный его словами, подарил ему на прощание томик стихов Багрицкого...

... Фронтовые бригады шли вслед, а иногда и вместе с действующей армией. Война есть война... Мы-то уцелели, возвращаясь жуткой зимней ночью изпод Можайска. А вот участники выездного спектакля «Травиата» были ранены на пути к месту назначения. И все же исполнительница партии Виолетты вышла на сцену, преодолевая боль, а

Ольга Лепешинская в спектакле «Дон Кихот»

исполнителя роли Альфреда, попавшего в госпиталь, заменил другой солист, певший в том спектакле еще одну партию. За время войны фронтовые бригады Большого театра дали почти две тысячи концертов в действующей армии и более четырех с половиной тысяч — в госпиталях, медсанбатах и воинских частях в тылу...

... Однажды вышли мы после концерта из Дома офицеров. Был чудесный вечер — тишина, звезды... И тут я предложила пойти погулять. Идем, смотрим на звезды, тихо переговариваемся. Вдруг сначала услышали, а потом и увидели самолеты. Начался обстрел. Оказалось, по соседству находилась закамуфлированная зенитная батарея. В нее-то и метил противник. Нас срочно погрузили в машину и повезли. Спрашиваем: «Куда?» Не отвечают. Машина остановилась возле какого-то здания. Нас пригласили спуститься в подвал, который оказался

штабом Г.К. Жукова. Мы встретились с Георгием Константиновичем и засыпали его вопросами... Никогда не забуду, как пел в тот вечер **Козловский**. Он исполнял украинские песни, русские романсы, и как исполнял! Кто обвинит генералов в сентиментальности? Но они плакали...

... Трудно сосчитать, сколько раз мы выступали перед бойцами, прежде чем пришла долгожданная, желанная весна Победы...

Теперь нашими зрителями были не только воины Советской Армии, но и жители освобожденных Будапешта, Праги, Вены, Белграда... Мы входили в эти города вместе с нашими воинами или сразу вслед за ними. Обычно в тот же день бывали один или несколько концертов. Причем наряду с выступлениями перед бойцами нашей армии были и открытые выступления, как правило, в переполненных зрителями за-

лах. Это вселяло чувство повышенной ответственности: мы представляли советское искусство народам, только что освобожденным от фашистского рабства... Энтузиазм зрителей на выступлениях советских артистов был отголоском того восхищения, которое вызывала освободительная миссия нашего народа. В зрительных залах возникала та непередаваемая атмосфера, которая превращала каждое выступление в праздник. И присутствующим хотелось его продлить — нас не отпускали со сцены, забрасывали цветами.

Мы понимали, что это не только наш личный успех, но и выражение чувств и настроений, которыми жили люди в ту победную весну, восхищение искусством народа-победителя...

Александр Васильев,
народный художник РСФСР

ПОМНИТСЯ ВСЕГДА

... В мае 1942 года... меня вызвали в ВТО и назначили художником фронтového театра. В первый момент это кажется нелепостью: 1942 год и театр. Зачем? Почему?

Потом приходит радость — значит, все будет хорошо, если и сейчас нужен театр.

Да не «если», а именно сейчас. Ты должен это понять. И не «самодеятельность», а настоящий театр.

Называют пьесы (уже намечен репертуар): «Парень из нашего города» К. Симонова, «Фрол Скобеев» Д. Аверкиева, «Осада Лейдена» И. Штока.

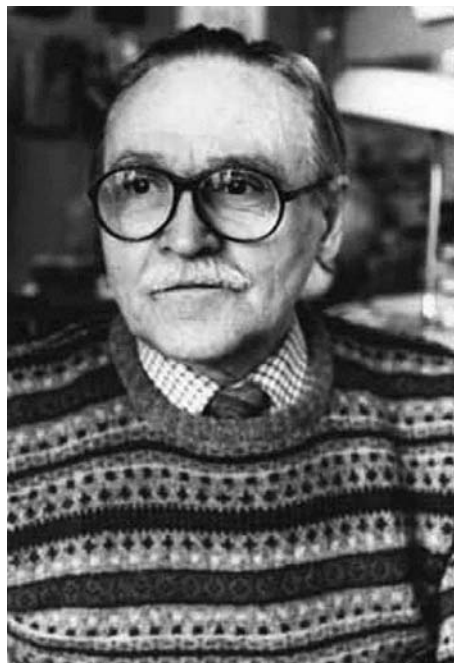
Легко сказать... Ну ладно еще «Парень из нашего города». Современная пьеса. Обстановка зрителю знакомая. По малейшей примете его фантазия сама зарисует место действия. Другое дело «Осада Лейдена» или «Фрол Скобеев». Нужно увидеть средневековый замок, в котором вряд ли жили и отдаленные наши предки, или празднично-яркие русские терема на фоне заснеженного пейзажа.

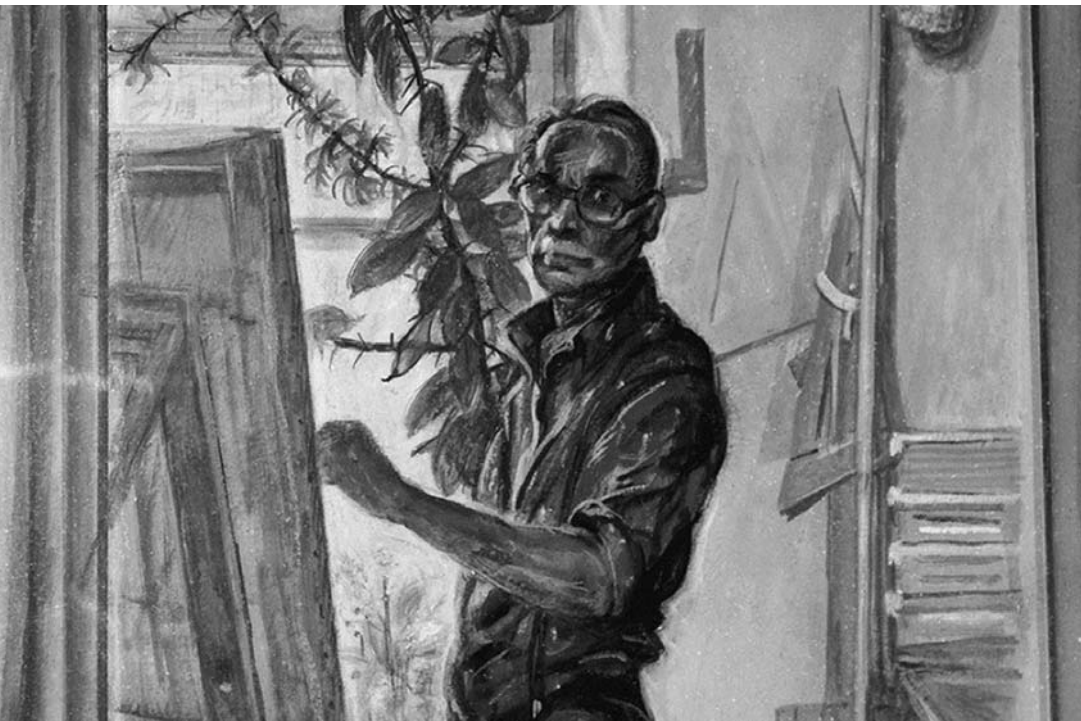
И как это сделать? Ведь это задача уже совсем другого порядка. Даже в Большом театре это не просто. А тут фронтový театр... Сцены нет. Практически, все это надо возвести на пустом месте.

Выручает довоенный опыт. В Центральном Доме Красной Армии в Москве в 1939-1940 годы существовал передвижной Театр музыкальной комедии для обслуживания частей Красной Армии. Руководил театром **И. Донатов**. Для этого театра я разработал тогда систему сборно-разборных декораций с применением бамбука и апплицированных мягких декоративных полотнищ. Для нас это подходило, хотя жизнь, условия фронта вносили постоянно свои поправки.

Бамбук, легкий и прочный в тех, мирных условиях, не выдерживал мороза, растрескивался. Пришлось заменить его дюралюминием. Вертикальные стойки стали делать высотой не

Александр Васильев

Александр Васильев. Автопортрет

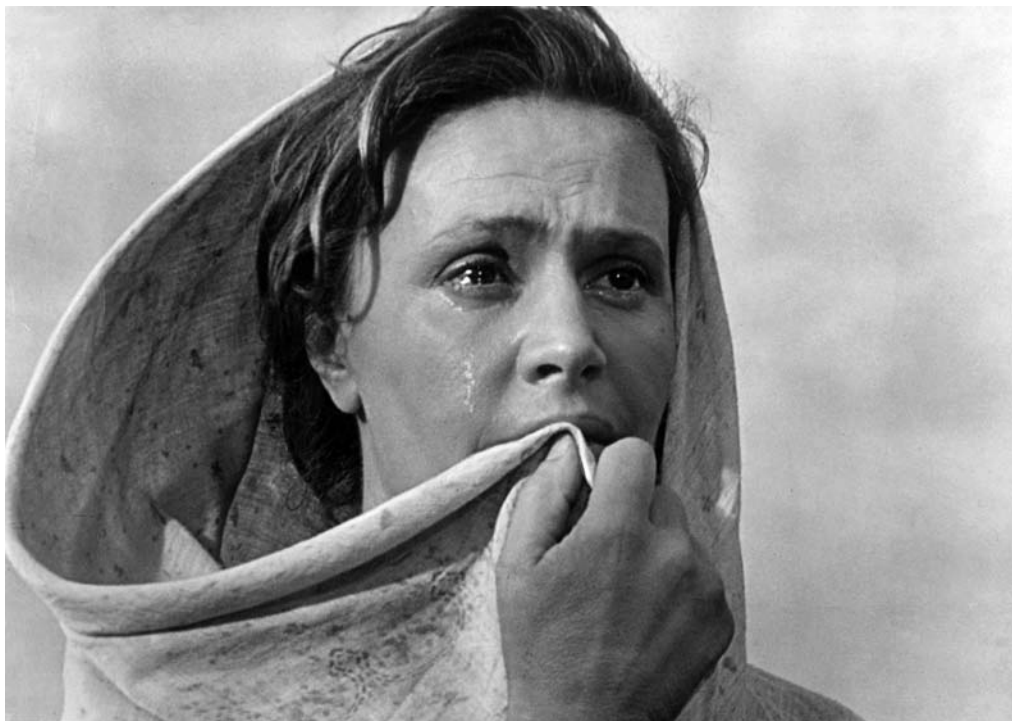
более 2,60 метра, чтобы человек, встав на табурет, мог достать до верха. Эти стойки и поперечные рейки крепили в П-образную систему и затягивали тем или иным полотном. С фоном решилось все как будто бы хорошо. Но ведь не будешь же возить мебель, объемные части декораций. Каждый сантиметр в кузове машины на счету.

Пришло удачное решение — одеть в свои, соответствующие «костюмы» ящики, в которых перевозили конструкции и весь театральный реквизит. Затянутые апплицированными чехлами, они превращались в беседки, башни, столы и прочее. Апликацией мы пользовались очень широко. Ведь если просто расписать холст, то от постоянного скатывания краски отслоятся, обсыплются. А аппликации можно сде-

лать и объемными. В «Осаде Лейдена», когда делали средневековые башни, под ткань подложили вату и выстегали по форме камней. Потом подрисовали. Получилась иллюзия объемности.

Функциональность наших декораций оказалась на самом высоком уровне. Ведь одним из важнейших их качеств была быстрота сборки и разборки. Закончили, упаковались и быстро освободили место...

Быстро-то быстро, но ведь это еще не все. Надо, чтобы было и надежно. В стационарном театре перед спектаклем придет машинист сцены, все проверит, укрепит. А тут после двухсоткилометровой тряски по фронтovým дорогам тотчас начинается спектакль. Проверять некогда... Эти особенности наших декораций предъявляли свои

Антонина Максимова в фильме «Баллада о солдате»

повышенные, особенные требования и к актерам. Надо было понимать ситуацию и считаться с ней... Пишу об актерах, и они встают у меня перед глазами юными, окрыленными своей нужностью, любовью к искусству.

Как сейчас вижу **Антонину Михайловну Максимова**, Тонечку. Она пришла в театр после того, как работала в настоящих фронтовых условиях радисткой. Многие запомнили ее в роли матери в кинофильме «Баллада о солдате». Как ясно и просто сыграла она эту роль. Она много знает о войне. Прелестная актриса **Таня Ветрова**, блистательная **Тамара Беляева**, **Нина Сытина**, **Чернышова**... — вижу ее, высокую, стройную, — а имени сейчас не помню...

Само присутствие этих прелестных девушек творило чудо.

Из актеров запомнился **Юрий Медведев**, ныне работающий в Театре им. Ермоловой. Теперь он народный артист РСФСР. Многие знают его и по фильмам. **Иван Воронов**. Рослый, красивый. Ах, как хорошо он играл Тиля Уленшпигеля! Он тоже народный артист РСФСР, работает в Центральном детском театре.

Сейчас, когда прихожу в ВТО, вижу зал пятого этажа нарядным, торжественно тихим, чистым. С трудом верю, что именно здесь и была наша мастерская: на полу расстелены холсты, кругом обрезки ткани, пахнет краской, клеем...

Сами мы выглядели довольно пестро — кто в телогрейке, кто в шинели. Но мне обязательно хочется сказать, что в то тяжкое, голодное и голое время мы не

Иван Воронов

Юрий Медведев

имели отказа ни в бархате, ни в шелке, ни в красках и холстах для театра.

Вот появляется **Михаил Семенович Никонов**. Его негромкий, хрипловатый голос гасит гомон спора, и вот он уже размышляет вместе с нами, как что-то сделать лучше...

Официально Никонов — заместитель председателя ВТО. Для нас он — настоящий друг, товарищ, сердце нашего коллектива...

Конечно, идея наших декораций заключалась в ее профессиональном смысле, то есть в оформлении места действия и мизансцен. Но вторым, так сказать, прочтением смысла всего нашего театра и декораций был сам факт их существования в тяжелых, иногда катастрофически тяжелых условиях того времени.

Это была оптимистическая акция. Надо верить в жизнь, верить, что это

пройдет. Потому что, вот видите, приехали артисты, приехал театр, с декорациями... Все так красиво. Актрисы в костюмах... Как интересна жизнь! Как хороша! Необходимо ее отстоять для любимых, для себя. Отстоять и оградить светлый мир от разрушения, горя, гибели...

А спектакли в госпиталях для раненых! Ведь для больного, раненого человека очень важно хотеть жить, не сломиться. Хотеть жить — потому что это интересно, хотеть жить, чтобы вернуться в строй.

Наш театр нес веру в жизнь, веру в победу...

Очевидно, само время, державшее в постоянном напряжении наши души, не давало возможности фальшивить, направляло в нужное русло выход художественной энергии.

КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕАТР ВТО

Иван Воронов, Юрий Медведев, народные артисты РСФСР

В мае 1942 года был объявлен прием в труппу Комсомольско-молодежного театра ВТО. В результате конкурсных испытаний были приняты артисты из Московского театра Революции, из Государственного центрального ТЮЗа, из Театрального института и театральных училищ. Все артисты были молоды, полны энергии и рвались как можно скорее уехать на фронт.

Первым через месяц-полтора был выпущен спектакль «**Осада Лейдена**» **И. Штока** (режиссер **В. Колесаев**). Премьера состоялась в ВТО для летчиков авиационного полка, ночных истребителей ПВО, охранявших Москву. Вскоре же выпустили и спектакль «**Парень из нашего города**» **К. Симонова** (режиссер **А. Лобанов**). Была подготовлена

еще и концертная программа.

В конце сентября 1942 года коллектив Комсомольско-молодежного театра ВТО выехал на Карельский фронт.

Поездка наша должна была проходить по маршруту Кандалакша – Мурманск. В мирное время из Москвы в этом направлении обычно ездили через Ленинград, теперь же наш путь лежал через Вологду и далее по новой железной дороге, которая была выстроена в первые месяцы войны.

На другой день после прибытия командование направило нас в поездку по воинским частям. Выступали в землянках с концертными программами и играли спектакли в кузовах сдвинутых автомашин. Играли на батареях, в условиях, когда вдруг неожиданно кричали: «Воздух!», «Ложись!» Все – и артисты, и зрители –

Большой театр во время войны

Т. Щекина и И. Воронов в спектакле «Парень из нашего города»

бежали врассыпную, прыгали в окопы, блиндажи, прижимались к земле.

Как только миновала угроза воздушного нападения, мы продолжали играть с той сцены, где остановились, и это нисколько не смущало ни артистов, ни зрителей.

Все зрители были так поглощены происходящим на сцене, что временное отвлечение не мешало воспринимать сюжет, который задел их за живое.

Там, на северо-западе, мы впервые посетили гвардейскую часть «катюш», о которых только совсем недавно услышали. Она находилась в лесу. Это был корабельный бор — сосны в три обхвата, снегу — в человеческий рост. И первое чудо, которое было нам предложено солдатами, — это солдатская баня «по-черному».

Мы предвкушали ее с нетерпением, конечно, особенно потому, что в тех условиях баня была просто необходима. Подошли к бане: маленькая избушка среди огромных деревьев, занесенная по крышу снегом, и дверка в половину человеческого роста. Солдат говорит:

— Артисты, раздевайтесь!

— А где?

— А вот здесь около дверки!

А мороз-то почти 35 градусов! Мы говорим:

— Как же так?

— А так! — Набросал еловых веток и сказал: — Не стойте босыми на снегу, на ветках раздевайтесь.

Ну, мы, дрожа, разделись, на четвереньках влезли через эту маленькую дверку в баню. Посередине бани лежал огромный раскаленный валун. Солдат крикнул в дверку:

— Плесните на него воды.

Мы плеснули и... чуть не выскочили наружу! Пар обжигал уши, нос, губы, дышать было нечем. На четвереньках, кое-как мы хлестали себя еловыми ветками, а солдат в дверь кричит:

— Выскакивайте! Кувыркайтесь в снег!

Выполняя воинский приказ, мы по очереди выскакивали, прыгали в сугроб и красные как раки, и черные в то же время от сажи, бросались обратно в эту дверку для завершающего омовения...

Когда мы пришли из бани, для нас была оборудована землянка, где было приготовлено солдатское угощение: варенье из карельской морошки, кислая капуста и консервированная колбаса. Нас

С. Голованов, И. Воронов и Ю. Медведев в спектакле «Осада Лейдена»

окужили вниманием, и тульский мужичок дядя Вася стал нас брить.

Потом, конечно, нашелся «НЗ» и был «пир на весь мир» в этой землянке!

А на другой день в 3 часа дня в клубной землянке, где потолок был в девять бревен толщины, мы начали спектакль «Парень из нашего города».

Так как клуб был маленький и всех вместить не мог, то мы играли подряд четыре спектакля. Последний спектакль закончили в 4 часа ночи! Успех был потрясающий!..

Вскоре мы переехали в другую воинскую часть и воочию убедились, что дорога была очень небезопасна... Впереди машины, метрах в двадцати, вдруг раздался взрыв и моментально — взрыв сзади. Мы бросились врассыпную по кустам, чтобы переждать обстрел... поняли, что шутки плохи и что фронт есть фронт и нужно быть весьма и весьма осмотрительными.

Приехали мы в назначенную батарею, но из-за неподходящих условий не могли показать спектакли, пришлось дать концерт. Здесь впервые солдаты услышали песню «Спит деревушка, где-то старуш-

ка ждет не дождется сынка...», а также очень популярную впоследствии песню «Землянка». Эти песни были так понятны бойцам Карельского фронта — ведь землянка, простая солдатская землянка в несколько накатов стала для них родным домом и боевым укрытием, классом и клубом... Сейчас в этой землянке они принимали московских артистов...

Заключительным этапом нашей поездки по Карельскому фронту был Мурманск. Нам предстояло обслужить летчиков. Мы привыкли к тому, что летчики — требовательные зрители, любящие искусство. В подразделении были лучшие ассы, много Героев Советского Союза, известных всей стране.

Мы понимали ответственность, которая лежит на нас. Первый наш спектакль «Осада Лейдена» состоялся вечером в Доме офицеров в Мурманске. В это время приближались полярные ночи, так что день был очень короткий, а, как правило, активно немцы бомбили город только в дневное время и реже вылетали ночью, поэтому спектакль был назначен на позднее время, командование было уверено, что тревоги не

ВСЕРОССИЙСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

**МОСКОВСКИЙ
ВТОРОЙ ФРОНТОВОЙ
ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР**

РЕПЕРТУАР:

А. В. Островский
НЕ ВСЕ КОТУ НАСЛЕНИЦА
Копеева - Губарева
Виноградов - Лисинский К. В.
Давыдов - Виноградов К. Ф.

М. Володина - Н. Давыд
ВЫМУЖДЕНАЯ ПОСАДКА
Михайлов - Нарбут Е. З.
Хуцис - Калтыгина М. Ф.

ЖЕНИТЬБА ХИРУРГИЯ ДИПЛОМАТ

А. В. Гоголь **А. А. Чахов** **А. П. Чехов**

Л Е С **БАЛТИЙСКИЙ МИЧМАН**

ЛИРИЧЕСКИЕ И ЖАНРОВЫЕ ПЕСНИ

Боярский М. В. Смирнова В. С. Сушечев И. Б. Кордунов Б. А.
Являкина А. Т. Солнце М. С. Шауля-Русинова М. С. Метельцев И. Д.
Спорун Э. М. Сперантова Г. И. Подчуфаров И. М. Мишин Н. С.
Серебрянников С. А.

Начало в 4 час

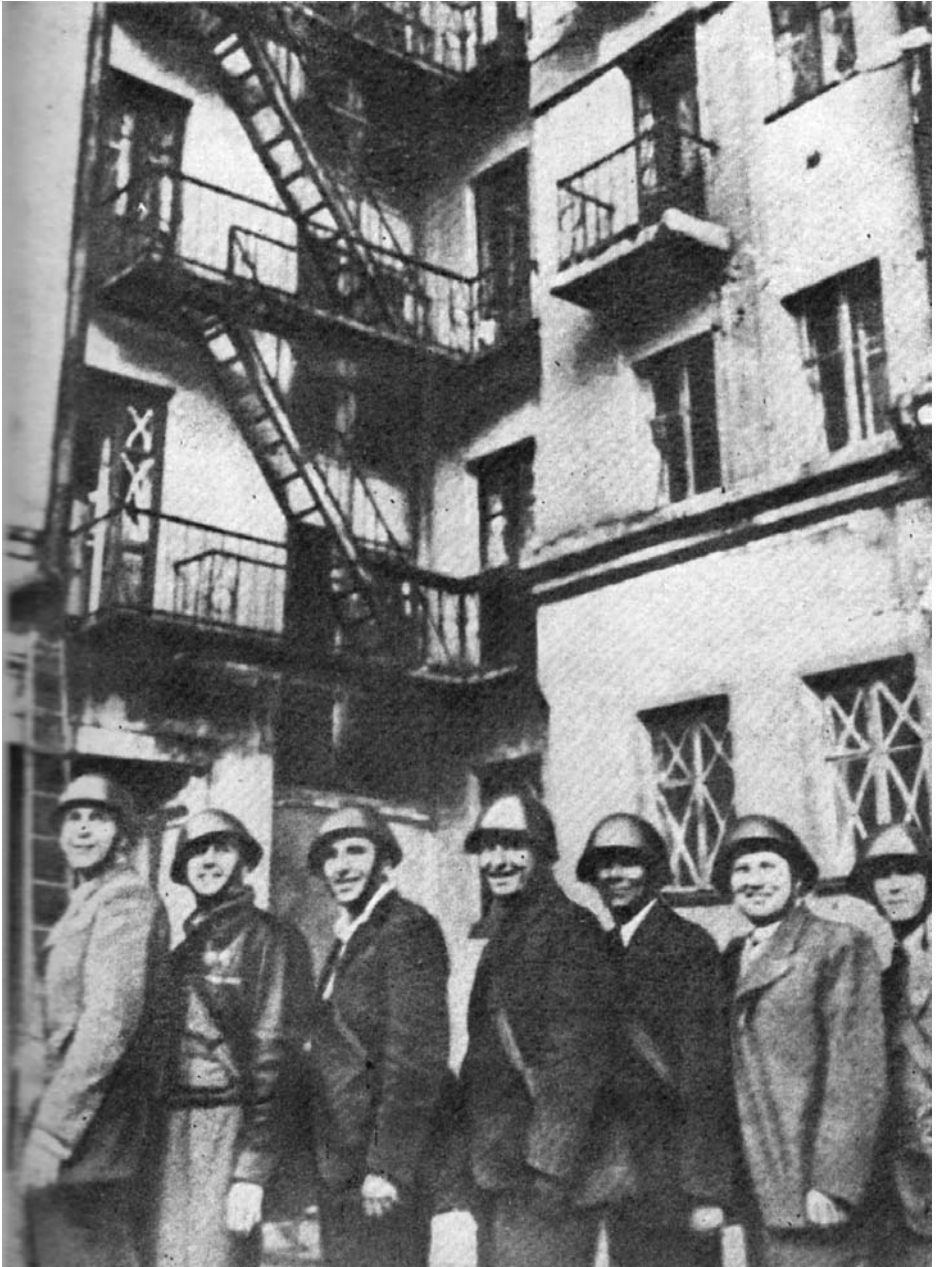
ТОРОСЛИЦ В. А.

будет, и все, действительно, обошлось без приключений.

На другой день командование послало нас на аэродром. Чтобы достичь его, нужно было на катере пересечь залив. Но, к сожалению, мы долго не могли сделать этого, потому что тральщики, которые должны были очистить залив от мин, еще не появлялись на этом участке, и наш катер стоял у причала. Катер отчалил, но мы все-таки чувствовали себя, как на пороховой бочке. Все очень внимательно всматривались в мутную воду. Все обошлось благополучно, и мы пришвартовались к противоположному берегу. Начали спектакль при переполненном за-

ле. У летчиков была пауза в полетах. Было очень много летчиков, механиков, обслуживающего персонала.

И вот начался спектакль. Вдруг раздается сигнал воздушной тревоги: надо идти в укрытие. Зрители вскочили с мест. Но артист Воронов как раз в этот момент произносил фразу: «Эй, вы, испанские собаки, мы скорее отрубим себе левую руку, сохранив правую, чтобы защищать наших жен и детей...» Этот гневный взрыв его героя был настолько темпераментен, что публика осталась недвижима и, стоя, прослушала весь монолог. Потом все сели, и спектакль был без перерыва доигран до конца.

*Дежурные И. Туманов, Г. Александров, В. Канделаки, А. Аникиенко, А. Граве, Г. Бушуев, А. Мессерер
около бомбоубежища. 1941*

... 13 апреля 1943 года мы выехали на Юго-Западный фронт, в направлении города Старобельска.

По традиции фронтовой театр всегда должен показать свои работы в штабе командования фронта. И мы были направлены в штаб маршала Р.Я. Малиновского. Долго офицеры штаба не могли найти помещения, в котором мы могли бы играть. Наконец, в деревне Чернещина разыскали большую пятистенную избу. Пятую стену разобрали, и получился большой «зал». Играли мы «Осаду Лейдена». В первом ряду сидели маршал Малиновский и начальник штаба. За ними — генералы и офицеры штаба. Спектакль прошел... при полной тишине. Небольшое количество зрителей и ответственность окончательно подавили нас, и все те сцены, где обычно бывает реакция — оживление и смех в зрительном зале, вдруг шли здесь при гробовом молчании.

Мы зажали окончательное, у всех дрожали поджилки. Маршал Малиновский сидел буквально «перед носом», и мы слышали его дыхание. За весь спектакль он ни разу не улыбнулся и не изменил своего положения. Как сел на табурет, так и следил пристально за происходящим. Но иногда казалось, что он думал о чем-то другом, не имеющем отношения к спектаклю.

И все-таки оказалось, что наш первый ответственный спектакль прошел успешно.

В тот же день мы подряд сыграли еще два спектакля, которые смотрели уже офицеры и солдаты, прибывшие только что с передовой.

Таким образом, начало нашей работы на Юго-Западном фронте было положено, и мы, как говорят актеры, «прошли».

Назавтра командование послало нас в войска, расположенные ближе к линии фронта, где мы и приступили к интенсивной работе. Через день мы снова проезжали через деревню Чернещина. То, что мы увидели, потрясло нас до глубины души. Одно огромное дымящееся пепелище встретило нас там, где еще день назад стояла деревня. Нам сказали, что о

спектакле стало известно немцам, которые и разбомбили на другой день эту деревню, думая, что там находится командный пункт Юго-Западного фронта.

Р.Я. Малиновский издал приказ о том, чтобы все подразделения крупных частей посмотрели наш спектакль. И мы немедленно проделали путь в 100 километров к месту, где находился штаб генерала В.И. Чуйкова.

О Чуйкове мы уже слышали. Это был, как нам рассказывали, боевой и суровый генерал.

Приехав на место расположения штаба, мы ощутили обстановку очень тревожную и напряженную. Каждую минуту мог прозвучать сигнал воздушной тревоги. Нам сказали, что в радиусе двух километров расставлены зенитки, усилена воздушная оборона и что нам предстоит играть спектакли для всех командиров частей и подразделений, находящихся под командованием генерала Чуйкова.

Генерал Чуйков сидел хмурый, и нелегко было понять, нравится ему спектакль или нет.

По окончании он встал, встали и офицеры, мы стояли на сцене. Все молчали, и в этой томительной тишине он сказал: — Вы играете осаду. Хорошо играете. Но пора играть наступление!

Все громко зааплодировали. Поблагодарив нас, Чуйков вышел из клуба.

Мы потом долго обсуждали это короткое замечание Чуйкова. Мы уже чувствовали, что наступление близится и что нам пора думать о репертуаре, который бы отражал будущий этап войны — наступление...

... Эта мысль не покидала нас, и, возвращаясь в Москву, мы думали, что репертуар нужно обновить и строить с учетом наступательных действий армии, с учетом поднятия *наступательного* духа солдат.

В Москве мы очень интенсивно приступили к созданию нового репертуара. Была сделана концертная программа с учетом тех требований, которые нам предъявило Политуправление Красной Армии.

Концерт у военных моряков

Этим же летом 1943 года мы выехали в тылы обслуживать новые формирующиеся соединения. Мы и не подозревали тогда, что в таких мирных русских городах, как Владимир, Кострома, Иваново, тоже куется будущая Победа. Во Владимире мы играли много раз. В зрительном зале на наших спектаклях сидели молодые, свежие, еще не утомленные войной солдаты, только что прошедшие большую воинскую подготовку, настоящую школу ведения войны. Все были в новом обмундировании (уже не с петлицами, а с погонами), и это, казалось нам, еще более подтянуло воинов: мы, актеры, знаем, что такое внешний вид, костюм.

Наши поездки по тылам растянулись до глубокой осени, и было приятно сознавать, что своим искусством мы вселили в молодых солдат, которые еще не нюхали пороха, боевой наступательный дух, уверенность в Победе. Закончив поездки по тылам, мы в Москве готовились к поездкам в районы, освобожденные от немецких захватчиков...

... Наступил 1944 год. По всем фронтам Великой Отечественной войны шло наступление.

Во главе нашего театра, который влился во Фронтową московский драматический театр ВТО, встал известный кинорежиссер **Е. Дзиган**. Труппа пополнилась новыми артистами. Теперь театр значительно окреп. Актеры были опытными фронтовиками, умеющими работать в любых условиях. Дзиган приступил к репетициям сатирического обозрения в трех действиях по пьесе **М. Слободского** и **А. Раскина** «**Бравый солдат Швейк**». Премьера этого спектакля состоялась в Доме актера 1 августа 1944 года. Спектакль был острым, смешным, высмеивал немецко-фашистских захватчиков и показывал смекалку простого солдата Швейка. Естественно, мы рассчитывали, что в облике этого Швейка будущие наши зрители увидят смекалистого русского солдата.

Параллельно с этим спектаклем была подготовлена концертная программа в двух отделениях... С этой программой в

конце августа мы выехали в только что освобожденную Одессу. Одесса предстала перед нами далеко не такой, какой мы знали ее до войны.

В штабе 3-го Украинского фронта нам выделили две большие грузовые машины. На одной из них разместились артисты, на другой — декорации, костюмы и реквизит, и мы выехали ближе к переднему краю фронта, который проходил по Днестру. Было очень жарко и как-то необыкновенно тихо и спокойно. Чем ближе мы подъезжали к фронтовой полосе, тем удивительней было спокойствие. Никакого намека на войну. Казалось странным, что в нескольких километрах проходит линия фронта.

Расположились мы в каком-то разрушенном селе. Первое представление должно было состояться у солдат, которые находились на небольшом плацдарме на правом берегу Днестра. Ночью с предосторожностями нас переправили через реку, и под покровом темноты в огромной хате мы сыграли спектакль. Очень смеялись над плутоватым Швейком, который одурачивал немецких офицеров и генералов. Спектакль продолжался весело и оживленно, словно никакой войны рядом и не было. Атмосфера была самая мирная, самая непринужденная. После спектакля мы вернулись во второй эшелон на 20 километров глубже в тыл...

В один из ближайших дней ровно в 8 часов утра начался артиллерийский обстрел, в небо взлетали бесконечные эскадрильи самолетов, двигались танки, шла пехота. Началось генеральное наступление...

На другой день мы двинулись вслед за наступающими войсками. Войска шли так быстро, что мы, не останавливаясь целый день, никак не могли догнать их и только слышали далеко впереди на западе все удаляющийся и удаляющийся гул наступательных боев. По обочинам дороги валялись разбитые фашистские танки, орудия, грузовые машины и трупы немецких солдат.

Вскоре мы приехали в Измаил, и — нам показалось, что так может быть толь-

Актеры Комсомольско-молодежного театра ВТО

ко во сне! — пред нами предстал нетронутый город. Измаил не тронула война ни когда она шла на восток, ни когда она шла с востока на запад. Война обошла его стороной. Городок блистал в своей нарядной чистоте.

В Измаиле мы прожили пять дней, обслужили подходившие войска второго эшелона, дали представление для местного населения.

Войска стремительно двигались на запад, пересекли реку Прут, и мы вслед за войсками оказались на территории Румынии. Это была первая страна, которую освободила Советская Армия.

В румынском Галаце все гудело, шумело, толпы людей шли по улицам и возбужденно приветствовали Советскую Армию.

Когда мы остановились возле гостиницы, вокруг собралась огромная толпа любопытных. Узнав, что приехал фронтвой театр, который обслуживает войска Советской Армии, они были очень удивлены. Румыны не могли понять: войска ве-

дут тяжелые наступательные бои, а их обслуживает настоящий театр, который поспевает с такой же скоростью за армией.

Из Галаца дорога нас привела в город Браилов. Но мы не останавливались здесь. Мы спешили дальше, на Бухарест, и въехали туда в погожий солнечный день. Здесь предстояло сыграть спектакли не только для наших войск, но и для населения Бухареста. Мы были первым театром, первыми советскими артистами, которым предстояло показать советское искусство в столице Румынии. Мы показали бухарестским зрителям нашу концертную программу, второе отделение которой составлял водевиль «Беда от нежного сердца». Так как в Бухаресте было очень много русских эмигрантов, бежавших из России после Великой Октябрьской социалистической революции, то, естественно, их очень заинтересовало наше выступление. Зал театра «Аро» был переполнен. Первое отделение зрители принимали с некоторой настороженно-

стью. Мы сыграли инсценировку рассказа Чехова «Жених и папенька». Это им напомнило Россию, и необыкновенная тишина стояла в зрительном зале. Во втором отделении — «Беда от нежного сердца». Водевиль смешной, много музыки, танцев, и зрители принимали его бурно, смеялись и часто аплодировали.

Из Бухареста мы направились в Болгарию, переехав через Дунай, который был отнюдь не голубым, а мутно-желтым.

В городе Русе к нам присоединился писатель **Константин Симонов**, и в обществе местного мецената, большого любителя театра, мы сфотографировались у обелиска Освобождения.

В Русе был болгарский театр. Болгарские артисты побывали на наших спектаклях, но, к сожалению, их театр был временно закрыт. Нам было приятно узнать, что в их репертуаре были пьесы Островского и что вообще влияние русского и советского театра на болгарское театральное искусство было очень велико. Самым крупным театральным деятелем в Болгарии был **Н.О. Массалитинов**, брат знаменитой актрисы Малого театра **Варвары Осиповны Массалитиновой**. Массалитинов был верным учеником Станиславского и на болгарской сцене пропагандировал систему Станиславского и ставил спектакли в реалистической манере МХАТа.

Болгары очень тепло встречали нас, и так как наши языки очень похожи, то болгарский зритель мог легко воспринимать наши спектакли без переводчиков. Нам же было вдвойне приятно играть спектакли, так как по реакции мы чувствовали, что все воспринимается почти так же, как и советским зрителем.

Из Русе мы поехали в столицу Болгарии. София встретила нас очень радушно. В городе царил полный порядок, работали театры, музеи. Здесь мы сыграли спектакль для нашего командования, а потом обслужили войска, расквартированные в окрестностях города.

Жили мы теперь уже совсем не по-фронтовому. Это скорее походило на обычные

*Ю. Медведев на заседании
Совета ветеранов фронтовых театров ВТО*

мирные гастроли. Нас поселили в отеле «Болгария», он не пострадал ни от воздушных налетов, ни от уличных боев, которые в Софии прошли очень быстро, не принеся сколько-нибудь существенных разрушений. Играли мы спектакль в штабе фронта, который находился в Тырнове.

По окончании на сцену поднялся командующий фронтом маршал Толбухин, поблагодарил нас и сказал: «Ваше жизнерадостное искусство очень нужно нашим солдатам и офицерам, которым предстоит скоро закончить победой эту тяжелую войну». Эти слова были очень дорогой наградой.

Далее фронт двинулся в направлении Югославии и Австрии. Политуправление предложило нам возвращаться домой. И мы вскоре на машинах вернулись в Одессу.

Так закончилась наша последняя поездка в действующую армию.

В МАЕ 2005-го. ВСТРЕЧА С ХВОРОСТОВСКИМ

Давно это было. Со всей ответственностью могу сказать — такие авантюры проворачиваются лишь раз в жизни. Тем более когда ты представитель робкого десятка и психологически законопослушен. Поэтому, наверное, тогда я просто немножечко сошла с ума от мысли лицом к лицу увидеть **Дмитрия Хворостовского**. Но это неудивительно — от него все немножечко сходили с ума.

Шел 2005-й год. Я работала в журнале, когда нам на редакционную почту пришло приглашение от агентства «Турне» аккредитоваться на пресс-конференцию Дмитрия Хворостовского. Это была презентация нового проекта артиста, приуроченного к 60-летию Великой Победы, — «**Песни военных лет**», в рамках которого был запланирован гастрольный тур по городам России.

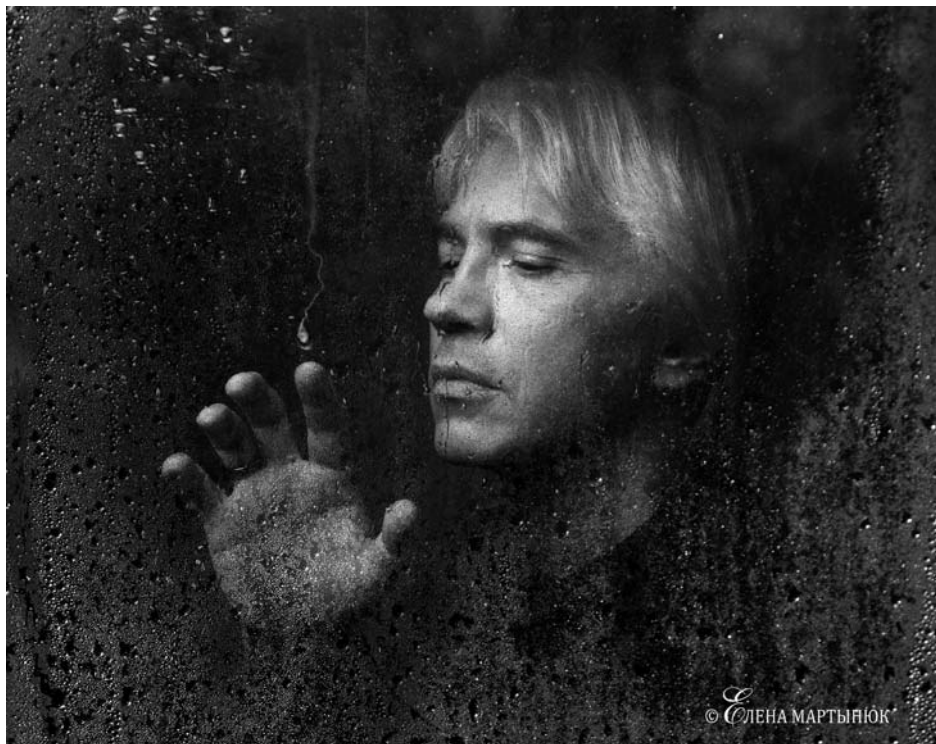
Наше издание не публиковало статьи об опере, эстраде или концертных событиях, материал о Хворостовском не мог появиться на страницах журнала, и я это прекрасно осознавала, но... Вместо того, чтобы проигнорировать письмо коллег, я, как Дениска из рассказов Драгунского, который в одном из них в состоянии аффекта подбежал к окну и выплеснул манную кашу на голову дяденьки, примерно так же плохо соображая, зачем я это делаю, подбежала к телефону, набрала номер агентства и аккредитовалась на пресс-конференцию, честно огласив название журнала.

Встреча проходила в головном офисе Сбербанка. Уже в тексте пресс-релиза грозно маячили воззвания взять с собой документ, удостоверяющий личность, и что-то внутри меня истерически шептало, что запись на аккредитацию — это еще не гарантия входа. С какой радости им пропускать журналиста

не пойми откуда и зачем? Девические коленки тряслись прилично. Зайдя в зеленые дебри устрашающей стеклянной громадины, я назвала свою фамилию и протянула паспорт. «Как? — просклонял мою родословную охранник. — Тут таких нет». Что и требовалось доказать. Я была готова развернуться и поплестись обратно, как побитый мушкетер, когда дяденька вдруг обрадовался: «Ааа! ...кенкина?». Я понимала, что он назвал совершенно другую фамилию, похожую на мою, понимала, что сейчас совершаю преступление, за которое, наверное, посадят в тюрьму, а может, даже вчинят сбербанковские штрафы, но... энергично закивала головой — и проникла в нутро чудо-фабрики из фильмов о Джеймсе Бонде. О, прости меня, неведомый коллега!

Как возник замысел проекта «Песни военных лет»? На деле все выглядело очень буднично. Дмитрий Хворостовский и **Константин Орбелян**, художественный руководитель и дирижер **Государственного академического камерного оркестра России**, только закончили запись «**Неаполитанских песен**». Сидели расслабившись, пытаюсь сбросить напряжение от только что проделанной работы. О будущем думать еще не хотелось. И неожиданно Орбелян произнес фразу: «Песни военных лет». Произнес как предложение, как программу. 24 часа потребовалось Дмитрию Хворостовскому, чтобы до конца прочувствовать сказанное. Через сутки он положил на стол листок бумаги, где были перечислены **30 песен**. К тому времени оба уже осознали, за какой проект они берутся: реализовать задуманное, им придется протянуть связь-память по виртуальному минному полю, чтобы, с одной стороны, обойти ловуш-

Дмитрий Хворостовский

ки лихой попсовости, а с другой — не впасть в ложную патетику.

В семейной биографии каждого из нас остался след той Войны. У каждой семьи — своя боль, своя история. Дед Дмитрия Хворостовского, человек, имевший «белый билет», несколько месяцев обивал пороги военкомата, пока, наконец, не уговорил начальство отправить его на фронт. Прибыв под Москву в составе частей из Сибири, он тотчас же попал на передовую. Первый бой стал для него последним. Бабушка Дмитрия впоследствии вышла замуж за кадрового военного, прошагавшего по многим дорогам Великой Отечественной. Он принес в дом награды, скрип кожаных ремней и неповторимый дух Победы. Они собирались всей семьей

за столом, пели песни войны, и маленькому Дмитрию было странно, почему у взрослых людей при этом на глазах — слезы.

У Константина Орбеляна была другая история. Дед его попал в мясорубку сталинских репрессий и был расстрелян как враг народа. Бабушка на долгие годы оказалась в ГУЛАГе, не зная ни о судьбе мужа, ни о судьбе своих детей. Один из них, отец будущего музыканта, был призван в армию, отправлен на передовую, принял участие в тяжелейших боях под Минском и, получив контузию, оказался в немецком плену. Как только представился случай, он совершил дерзкую попытку побега, но был пойман, избит и направлен в один из концлагерей на территории Германии.

Чудом ему удалось выжить. Когда войска союзников освободили территорию, где находился концлагерь, он оказался в зоне американских интересов. И снова странным образом распорядился случай. Для того, чтобы появиться на свет будущий музыкант, освобожденный союзниками пленник встречается здесь, вдали от Родины, свою возлюбленную, угнанную из Украины на работы в Германию. Волею судеб они оказываются в Америке, находят приют в Нью-Йорке, потом в Сан-Франциско, но каждый год в День Победы собираются за столом и поют те же песни, что пели и в доме у Хворостовских, и в домах миллионов соотечественников, находившихся по другую сторону «железного занавеса».

Таким образом, замысел песен Победы был проектом и личным, и прочувствованным, и рискованным.

... Когда пресса собралась в конференц-зале, появился Дмитрий Александрович вместе с Константином Орбеляном. Загорелый, белозубый, небольшого роста. Окинул собравшихся своей обезоруживающей улыбкой. Все расселись — и повисла огромная пауза. «Ну, чего вы смотрите-то... Вопросы задавайте», — произнес Хворостовский. Увы, горе нам, немощным: мы были все зачарованы им, как кролики удавом.

С тех пор, если мне удавалось достать билеты, я старалась послушать Хворостовского вживую. 6 февраля 2006 года в Москве состоялся его первый концерт из цикла «**Хворостовский и друзья**», в дуэте с чудесной **Рене Флеминг**. 30 сентября 2007 года прошел концерт «**К России с любовью**». 24 июня 2008 года снова Хворостовский приглашает друзей, в этот раз выступая с **Сондрой Радвановски**... Конечно, он был легендой. Подобной, как мне кажется, **Марио Ланца** — когда невероятной свободы голос соединился с невероятно харизматичной внешностью в одном че-

ловеке. Не имеет смысла писать о силе и красоте его таланта, о мощном голосе, о профессионализме, о катарсисе, который испытывали зрители. Он был легендой еще при жизни — и остался ею в памяти тех, кому посчастливилось бывать на его концертах.

Три года назад Дмитрия Александровича не стало. Кончина Хворостовского стала ударом для всей мировой общности. В одном из интервью на вопрос о заветной мечте он рассказал, что мечтает дать концерт при выключенном свете. Идея родилась еще в юности, когда Хворостовский пришел на концерт Святослава Рихтера в Красноярской филармонии. Маэстро играл в полной темноте, лишь лампа на рояле освещала ему ноты. Внезапный уход знаменитого певца будто стал осуществлением этой мечты — стал вечным «концертом в темноте». Свет звезды погас, но его голос продолжает звучать и при выключенном свете.

Сейчас, когда мы отпраздновали 75-летие Великой Победы, когда не смогли встретить праздник на Красной площади Кремля все вместе, а «переключили» знаменательную дату в режим «самоизоляция», ограничив масштаб торжества стенами наших домов, когда все мы находимся в ситуации, подобной военным действиям, оккупированные COVID-19, один из лучших проектов Дмитрия Хворостовского, с которого мы начали рассказ, — «Песни военных лет» — как никогда востребован и нужен. Праздник был, есть и будет при любой погоде и в каждом доме. В условиях изоляции записи военных песен в исполнении Хворостовского помогут каждому глубоко прочувствовать Победу, которая и теперь «будет за нами», радуя миром и весной.

Ольга ШКАРПЕТКИНА
Фото Елены МАРТЫНЮК

ГВАРДЕЕЦ ТОВСТОНОГОВСКОГО ПРИЗЫВА

Юрий Алексеевич Смирнов, артист оркестра АБДТ имени Г.А. Товстоногова, композитор, аранжировщик, автор-исполнитель собственных песен и романсов, родился 8 июня 1935 года в Ленинграде на Морском проспекте Крестовского острова. Мама и папа работали на фабрике «Красное знамя»: мама — ткачихой, а папа — слесарем-лекальщиком. Довоенное детство было счастливым. В доме часто бывали гости, играл патефон, пели, и Юрка, конечно, торчал у патефона, старался подпевать. В июне 1941-го ему исполнилось 6 лет.

Маленький Юрка запомнил трагический эпизод. Недалеко стояла церковь, на территории которой располагалась воинская часть, отец был в ней

автомехаником. В церковь попала бомба. Все было усыпано стеклами. Какой-то мужчина хотел поставить раму и упал со второго этажа на спину, на эти стекла...

8 сентября 1941 года началась блокада. Отец служил в воинской части под Тихвином и погиб в октябре 1941-го. Мама работала в госпитале. Юрку мама возила на санках в детский сад, порой на круглосуточное пребывание. Той зимой, под Новый год, у мамы украли карточки. Выжить в этих условиях было практически нереально. Что-то удавалось принести из госпиталя. Попытки уехать в эвакуацию с сыном маме не удались. Юрка вспоминал воздушные бои в небе прямо над своим детским садом...

Юрий Смирнов

Весной 1942 года им с мамой удалось переплыть Ладогу на противоположную сторону. С баржи они увидели песчаный берег с теплушками, ждущими эвакуируемых. Им очень повезло, потому что в следующее за ними судно попала бомба.

Погрузились в теплушки и поехали в Среднюю Азию, останавливаясь на каждом полустанке. Мама детские вещички меняла на продукты, чтобы прокормить сына. Жизнь обретала совершенно иные очертания. Добирались долго. Приехали в Киргизию, в Таласскую долину. Мама устроилась санитаркой в госпиталь. А девятилетний Юра пошел в первый класс. Потом они попали с безногим красноармейцем на Украину, в село Князгригорьевка. Там им выделили однокомнатную мазанку на отшибе. От беспросветного голода спасало кукурузное поле. Если бы не кукуруза — погибли бы. А еще Юра с ребятами ловил рыбешку в маленькой речке.

Они очень хотели вернуться в родной Ленинград. Мама делала разные попытки, но только в 1947 году сумела получить вызов, и они отправились домой. Оказалось, что их комната в коммунальной квартире дома барачного типа занята. Мама была вынуждена отправить Юру в Рыбинск к бабушке, а когда в 1948 году их жилье освободилось, забрала Юру в Ленинград. В этой комнате Юра прожил с мамой до 1961 года.

В 16 лет он закончил семилетку и пошел устраиваться на работу. Неожиданно у него обнаружили открытую форму туберкулеза, прооперировали и отправили в санаторий. Там и произошло событие, повлиявшее на дальнейшую судьбу Юрия Смирнова. У одного из пребывающих в санатории парней оказалась книга «Школа для шестиструнной гитары» Иванова-Крамскова. Юра самостоятельно выучил ноты, разобрался во всем и начал играть. Мама купила ему гитару за 9 рублей (по тем временам серьезная

Юрий Смирнов с мамой

сумма), и это стало счастьем. В 1955 году Юра поступил в знаменитую ленинградскую музыкальную школу имени Н.А. Римского-Корсакова по классу гитары. Здесь преподавали консерваторские педагоги, а среди учеников были те, кто стали впоследствии выдающимися музыкантами. Например, Елена Васильевна Образцова. В 1959 году Юра закончил школу, а его уже давно ждал эстрадный ансамбль «Я люблю вас». И начал молодой музыкант колесить по всей стране. С любовью и радостью он вспоминает теперь этот интересный период своей жизни.

Ю. Смирнов, Ю. Мироненко
в спектакле «История лошади»

Еще в музыкальной школе Юра познакомился с выдающимся педагогом Института сценических искусств Стронгилой Шабитаевной Ирталач, выступавшей на концертных площадках с песнями и романсами. Юра начал ей аккомпанировать и сотрудничал с Ирталач много лет.

В 1961 году после очередного турне с ансамблем «Я люблю вас» по югу СССР Юра вынужден был остаться дома из-за тяжелой болезни мамы. Тогда же начал преподавать игру на гитаре в ДК Первой Пятилетки. Одновременно театры Ленинграда стали приглашать Юрия Смирнова участвовать в спектаклях в качестве гитариста. Однажды гитарист БДТ им. М. Горького Геннадий Моченков предложил ему прийти вместо него работать в театр. Юра, не раздумывая, согласился.

11 мая 1964 года Юрий Смирнов был принят гитаристом в оркестр БДТ имени М. Горького. И с тех пор уже 56 лет он бесменный музыкант оркестра театра, выходящий на сцену в легендарных спектаклях **Г.А. Товстоногова «Мещане» М. Горького**, **«История лошади» Л.Н. Толстого**, **«Я, бабушка, Илико и Илларион» Н. Думбадзе**, **«Традиционный сбор» В. Розова**, **«Ханума» А. Цагарели**, **«Мачеха Саманишвили» Д. Клдиашвили**, **«Генрих IV» У. Шекспира**, **«Смерть Тарелкина» А.В. Сухово-Кобылина** и других.

Работая в БДТ, Юрий окончил оркестровое отделение **Ленинградского института культуры имени Н.К. Крупской**. Еще в юности начал сочинять песни и романсы на стихи М. Ю. Лермонтова, А. Ахматовой, Б. Пастернака, Н.А. Некрасова, Н. Рубцова и других. И сам исполнял их на эстраде. Ко многим спектаклям ленинградских театров, телевизионным постановкам и радиоспектаклям Ю.А. Смирновым написана музыка. На «Ленфильме» сняли художественный фильм **«Гойя»**, музыку к которому написал композитор **Ка-**

Шарж на Ю. Смирнова. Автор М. Минаев

ра-Караев. Ведущим инструментом была гитара, партию которой исполнил Юрий Смирнов.

Когда снимался фильм **«Белое солнце пустыни»**, в котором одну из главных ролей исполнял артист БДТ имени М. Горького **Павел Луспекаев**, Юрия Смирнова пригласил режиссер **Владимир Мотыль**, чтобы он просмотрел отснятый материал и саккомпанировал куплет на гитаре к романсу «Госпожа удача» Павлу Луспекаеву, с которым они были коллегами по театру.

Ю.А. Смирнов ведет активную концертную деятельность на разных площадках города. Принимает активное участие в шефских концертах БДТ имени Г.А. Товстоногова на заводах и фабриках, в ВМА, СТД и других организациях. Часто аккомпанирует на гитаре ведущим актерам театра во время их

Ю. Смирнов на концерте с Н. Усатовой

Ю. Смирнов в спектакле «Оптимистическая трагедия»

«История лошади». На сцене Ю. Смирнов, О. Басилашвили, Е. Лебедев, Ю. Мироненко

сольных вечеров. Если актеру было необходимо по роли играть на гитаре и петь, Юрий Алексеевич становился педагогом.

Юрий Смирнов — один из славной гвардии товстоноговцев, гордо и достойно несущих это великое имя.

ВСТУПЛЕНИЕ

*Легкий ветер с гор спустился,
Негой воздух наполнил.
Солнце встало. День родился.
Обновился целый мир.*

ЗУРНАЧИ

(музыкант, играющий на зурне)
К Кавказской сюите

*На базаре в Авлабаре
Персонажи Пифосмани...
Каждый хвалит свой товар,*

*И шумит, шумит базар.
Тут же музыка звучит —
То красавец Зурначи
Круглы щеки раздувает,
Звуки бабочкой порхают.
Зурначи второй за первым,
Словно тень, идет за ним.
Третий — это непременно
Барабаничик вместе с ним.
Нет, не гром над небесами,
То на доли барабана
Виртуозных ритмов пульс.
Словно с гор спустился дальних
Этот радостный союз.
И звучит над Авлабаром
Зурначи задорный глас.
И ему не прекословят,
А скорей послушно вторят
Реки, горы — весь Кавказ.*

Музыка и стихи Ю.А. Смирнова

Ирина ШИМБАРЕВИЧ

«ТАБЛИЧКА С ИМЕНАМИ ПОГИБШИХ — ВЕСЬ МОЙ КЛАСС»

Николай Сергеевич Лебедев не только народный артист России, ветеран **Театра имени Моссовета**, известный советский киноактер, но и один из последних представителей фронтового поколения 21–24 года рождения, мальчишек, которые так и не вернулись домой. Он прошел через все ужасы войны — фронт, фашистский плен, побеги. До недавнего времени, по страшному недоразумению, его имя значилось в списках погибших военнопленных концлагеря города Орел. Во время беседы с Николаем Сергеевичем приходит понимание, что правда о Великой Отечественной войне, без прикрас и эвфемизмов, необходима молодому поколению, чтобы знать нашу историю и прожить долгую и благополучную жизнь без войны.

— Николай Сергеевич, вы участвовали с первых дней в Великой Отечественной войне. С каким чувством вы встретили ее начало?

— Я был призван в армию еще до войны, в апреле 1941 года. Перед этим пришел к одной дальней родственнице попрощаться. И она дала мне иконку Николая Чудотворца. Когда мама собирала мне чемодан, она, понимая, что с иконкой комсомольцу ехать опасно, сказала — пускай она останется здесь, но святой будет помогать тебе. На-

Солдат Николай Лебедев

правили меня служить в стрелковый полк. То, что война грянет, я знал и написал об этом матери иносказательно, потому что все письма просматривали. Но, конечно, я и представить себе не мог, что война будет такой. Как и многие, я боялся, что она быстро закончится — и не я, а коммунист-антифашист Тельман займет Берлин. Когда мы вышли из Проскурова, сейчас это город Хмельницкий, мы бодро пели песню, где был такой припев: «Ждем вас в Берлине!» Стояли женщины и плакали. Они-то все понимали.

В начале войны немцы были похожи на викингов, они уже взяли пол Европы и презирали всех. Наши девчонки надевали тряпье и мазали лицо серой, чтобы их не насиловали. Только после Сталинграда немцы поняли, что воюют на равных. А потом и вовсе убедились, что мы их превосходим. Это было уже в Судетских горах. Я попал в лагерь, откуда не стал бежать, потому что в горной местности было сложно ориентироваться, и местные жители могли сдать пленного полиции. Да и как доказать потом, что не был во власовской армии? К тому же подходила Красная армия, а значит, наше освобождение было близко.

— Вы несколько раз попали в фашистский плен, вас отправляли на расстрел... Был ли момент, когда вы потеряли надежду?

— После очередного побега я решил идти через всю Украину в сторону Киева. Я прошел сто деревень, не меньше. Стоя-

Х/ф «Евдокия». В роли Евдокима. Киностудия им. М. Горького. 1961

ла осень, и лучше всего было ночевать на кладбище. Я обращался к местным жителям за хлебом, и они мне очень помогали. И вдруг впервые меня не тянет подходить к людям. Сел отдохнуть. И подумал — да ну это все к чертовой матери, пристрелили бы меня, наконец. На душе только усталость и безразличие. И вдруг едет машина, останавливается в метрах десяти-пятнадцати от меня. Я встал — стреляйте, мне уже плевать. Прошло минут пять. А потом машина резко повернулась и уехала. Тогда я начал фантазировать, о чем они там могли переговариваться — слушай, меня баба ждет, пристрелим его, и он будет тут валяться, кто его похоронит? Поехали, все равно он издохнет.

Еще был случай. Я переходил линию фронта и попал на допрос к немцу, который говорил на чистейшем русском языке. Еще до революции мой папа был кассиром в театре «Эрмитаж», основанном, так же, как и сам сад, по инициативе куп-

ца Щукина. Отец знал Александра Остужева и других театральных знаменитостей. Я приходил на открытую эстраду, там собирались с иголки одетые люди, нэпманы, я видел актера Андрея Абрикосова и военного летчика Анатолия Серова, первого мужа Валентины Серовой. Идут эти два удивительных красавца, русских богатыря, и зрители смотрят на них с восхищением, не подходят, не хватают, а только смотрят. Я очень жалею, что не рассказал об этом Серовой, мы с ней дружили. Так вот, немец, который меня допрашивал, как оказалось, до войны был артистом и приезжал на гастроли в театр «Эрмитаж». Я сказал, что знаком со многими артистами, назвал имена. Немец проникся ко мне симпатией и вместо расстрела отправил в концлагерь. Там я искал подходящий момент, чтобы убежать. И вот ко мне подходит парень, по моему, его звали Алешка, москвич. Называет свой адрес — Арбат, 17 или 19, сейчас

не помню. Я уже был стреляный воробей, а он только недавно попал в лагерь и тянулся ко мне. Можно, я с тобой побегу? Можно, какой разговор. Появляется полицай, какой-то большой начальник, нас с Алешей и еще несколько человек отводят в сторону. И начинает считать. Раз — пленного забирает второй полицай. Дошла очередь до моего товарища — отводят. Рядом с ним стоял дядька, его не тронули. Потом я. Немец поднял руку, и меня вдруг дико стало рвать, такая реакция организма. Я отскочил в сторону. Это меня спасло. Меня повели к пленному врачу. Я поднял рубашку, и он увидел, что все тело искусано вшами. Меня бросили в пустой сарай, где я пролежал дней десять, не меньше. Без еды и воды. Побывал на том свете. Было такое ощущение, что умиротворенно качаешься на волнах. А потом кто-то меня взял и вытащил. Я открыл глаза только в камере, попросил воды. Когда я очнулся, то увидел, как какой-то парень ел вшей со своей рубашки с голодухи. В этот момент в камеру входит мой товарищ Алеша, но уже в немецкой военной форме. Всех, на кого тогда показали, взяли во власовскую армию. Он принес мне кусок хлеба. Прошло сколько-то времени. Наступает Красная армия, немцы эвакуируются, а я не могу ходить, отнялись ноги от сыпного тифа. Естественно, чтобы не оставлять, меня могли бы просто-напросто пристрелить. Стояла зима, и какой-то солдат бросил меня в грузовик. Подходит ко мне Алеша, уже с винтовкой, конвоирует наших военных. Снова бросает мне кусок хлеба и одеяло. Получается, что он дважды спас мне жизнь. Я был голодный, никто меня, разумеется, не кормил. Думаю, он погиб, иначе бы нашел меня после войны.

— *От вас родные несколько лет не получали вестей...*

— Я снова попал в плен, до этого я уже один раз бежал. Мы сидим у окна, вечер, наши самолеты бомбят Белую Церковь. И вдруг я вижу, как немцы сбили наш самолет, летчик летит вниз, а вокруг него кружит сопровождающий. Сбитых летчиков,

«Виндзорские насмешницы». Форд — Н. Лебедев

их было человек семь, немцы поймали и на следующий день привели к нам. Они удивительно держались, в то время как мы были уже в какой-то степени сломлены — рваные, голодные, вшивые. А перед нами стояли удивительные красавцы. Обычно немцы, не говоря уже об украинских полицаях, снимали с пленных сапоги. А с них — нет. И тут один из летчиков поинтересовался у меня, не из Москвы ли я. Да, из Москвы. Обменялись адресами. Я сказал ему — Театр имени Моссовета, моя мама там работает кассиром. Так было проще, чем называть Брюсовский (Брюсов) переулок, дом 1Б. Так вот, мама мне потом рассказала, уже после войны, что, когда от меня два года не было вестей, к ней пришел молодой летчик. Их тогда взяли отдельно от нас и повезли в Германию. В Бе-

лоруссии их освободили партизаны. Поэтому моя мама к тому времени знала, что я попал в лагерь Белая Церковь, один из самых страшных, откуда мне все же удалось сбежать. Жаль, что я так и не спросил, как она восприняла эту новость... Помню ее реакцию, когда я демобилизовался и позвонил домой в 8 утра. Она уже знала, что я живой. Мама никогда не подходила к телефону, мы жили в коммунальной квартире, а тут сняла трубку она. Я прокричал: «Мама!» Она: «Ой!» Ну и дальше не могли наговориться. Если бы летчик остался жив, мы бы с ним встретились.

— *Вы не искали его?*

— Понимаете, у нас была тогда другая психология. Я очень сильно дружил в школе с одним мальчиком, Костей Рылеевым, потомком дворянского рода Рылеевых. У него были сестры, молодые девчонки, я уже заглядывался на них. Меня в 9 классе выгнали из школы. А он поступил в артиллерийскую школу. Когда я вернулся в Москву в 46 году, то пошел к Косте, узнать, как он, что с ним. Мне открыла дверь сестра. Молчит. Не было ни приветствий, ничего. Я прохожу в комнату. В глубине сидит женщина, его мать. Я здороваюсь. Она: «Зачем ты пришел? Мой сын убит, а ты живой!» Я что-то бормотал в ответ и спиной пятился к двери. После этого случая я никого уже не искал. Это было настолько страшно. Я убежден, что миллионы людей пропали без вести, и никто об их судьбе ничего не знает.

— *Люди проявляют себя с разных сторон, попадая в тяжелые, пограничные ситуации. Что нового вы узнали о человеке, пройдя через плен и многочисленные побеги?*

— Побег из плена нужно делать только одному. Если ты бежишь вдвоем, а он говорит — нет, давай лучше сюда, то все, конец. Мне встречались разные люди. Некоторые за кусок хлеба тебя могли продать. И это была не их вина, а бесчеловечная ситуация, когда люди доходили до сумасшествия. В лагере Белая Церковь немцы бросали окурки, и все сломя голову кидались поднимать... Понимаете, на войне нельзя разочаровываться в людях.

«Лиззи Мак-Кей». Лиззи — Л. Орлова, Сидней — Н. Лебедев

Это происходит в мирное время. А здесь мы равны. У тебя есть пистолет — и у меня. В бой мы идем вместе, и неизвестно, откуда прилетит пуля. Невольно станешь друзьями.

— *Как для вас закончилась война?*

— Окончание войны витало в воздухе. Смерть Гитлера 30 апреля, меня уже взяли в армию после освобождения из лагеря в Судетских горах. Потом была проверка СМЕРШа, допросы... Я служил в Капошваре, в Венгрии, и организовал там драмкружок. К нашим командирам приехали жены. Подходит ко мне замполит дивизии, майор, с просьбой взять его жену в драмкружок. У меня как раз под рукой была пьеска, мама прислала какие-

«Будни уголовного розыска». Комиссар милиции Николай Дмитриевич — Н. Лебедев

то журнальчики многотиражные. Мы начали репетировать с этой женщиной, намного его моложе, но никаких романтических мыслей у меня не было и не могло быть. Не дай Бог! После войны, плена. И тут во время репетиции появляется ее муж, мы с ним поговорили о том, о сем. На следующий день утром приходит ко мне вестовой, вызывают в штаб. Там говорят: «Ты демобилизуешься раньше, но с условием, что повезешь одну женщину с ребенком». Я должен был довести ее до нашей границы. Эта дама, приехав к мужу, закрутила романы со всеми офицерами. Мы проехали Венгрию, Румынию. В Одессе я посадил ее в поезд на Смоленск. Этот эпизод сыграл огромную роль в моей жизни. Я был демобилизован и смог поступить в Школу-студию МХАТ. Там

как раз начался дополнительный набор, и меня приняли.

— Каким было поколение советских людей, защитивших страну и мир от фашизма? Чем они отличаются от современной молодежи?

— Расскажу вам такую историю. Идет старик по переходу на станцию метро «Новокузнецкая», внезапно поскользнулся и упал. Мимо проходят сотни людей, и ни один человек не обратил на него внимание. Он кое-как встал, сел на скамейку, рядом целуется молодая парочка. Посидел и поковылял дальше. Вы спросите, а почему ты-то не помог? Так это был я. Сорок лет назад все бросились бы с вопросом — чем помочь? Возьмите лекарства, позвольте я вас провожу! Вот вам и разница. Такое равнодушие меня очень удивило. Посреди дороги лежит старик, а люди идут мимо и разговаривают.

— Какие фильмы, на ваш взгляд, правдивее отражают войну?

— Фильмы последних лет — это абсолютный бардак. Когда я вижу нарядную, накрашенную девушку с распущенными волосами в военном фильме, я сразу выключаю телевизор. Мне понравился только документальный фильм М. Ромма «Обыкновенный фашизм». Понимаете, человека, который прошел войну, ничем не удивишь. Война — это грязная, смертельно опасная работа, страшные потери. Это не радостные возгласы: «Ура! Мы победили!» Я больше всего этого боюсь. Мы были измученными, голодными. Вот это и есть война. Каждый год 9 мая я ухожу от шумных торжеств, люблю тишину.

— Какой вы помните довоенную Москву 20-х, 30-х годов, город своего детства?

— Мой дед был почетный дворянин, поставщик императорского двора. У него были лошади и у первого в Москве — автомобиля. Об этом рассказала мне тетя, мама ее устроила контролером в Театр имени Моссовета, когда та вышла на пенсию. Я вернулся с фронта домой, поступил в Школу-студию МХАТ. Как-то мы с тетей шли по Петровке, проходим рядом с угловым домом. Это дом, где я ро-

«Крошка Цахес». Кандида — Л. Волкова, Профессор — Н. Лебедев. Фото Е. Лапиной

дился, Петровка, 17. Он, кстати, уцелел. Дом принадлежал деду. Позади него стояла церковь, где меня крестили. Потом мы переехали во второй дом деда на Никитский бульвар, его уже нет. Не так давно я решил вспомнить места детства, пришел в английский ресторанчик в доме на Петровке. Мы жили на втором этаже. Сидит охранник, вижу, что напрягся. Я ему: «Вы не волнуйтесь, это дом моего деда, я здесь родился». Он опешил. Или это сумасшедший с ним разговаривает, либо человек вернулся с того света. Я-то думал, что ему будет интересно, начнет расспрашивать, а он молчит. Я махнул рукой и ушел. Как-то один телеканал готовил передачу, как мы с Людмилой Хитяевой, с которой снимались вместе в «Евдокии», встречаемся в Доме актера за чашечкой кофе. Видимо, фильм не получился, а жаль. Но я-то хотел, чтобы встреча состоялась в том ресторанчике в доме на Петровке.

Тетка водила меня и в кукольный театр, и в Третьяковскую галерею. Я учился в знаменитой школе №10 (110) в Мерзляковском переулке. В 60-е годы школа переехала, и в этом здании теперь находится Академический музыкальный колледж при Московской консерватории. В нашей школе учились дети политической и культурной элиты. Я видел Таню Есенину и был возмущен, почему она не обратила на меня внимание. Параллельно со мной учился один примечательный мальчик. Я — в «Б» классе, а он — в «А». Он ходил в белой рубашке и немного сутулился. Мы выскакивали на переменке, а он держался особняком. Это было не по-нашему. Через много лет я прочитал книгу «Воспоминания Андрея Сахарова», того самого мальчишки из параллельного класса. И он пишет о нашей школе, о легендарном Иване Кузьмиче Новикове, директоре, которого мы безумно боялись. В седьмом классе я понял, что хочу стать артистом. А

*«Крошка Цахес».
Канатоходец — Н. Лебедев.
Фото Е. Лапиной*

в математике, химии, физике я ничего не понимал. Я перешел в другую школу, филиал нашей. Родители, конечно, все время работали и не очень занимались моим образованием. Я часто приходил к маме в Театр имени МОСПС (Театр имени Моссовета). Мама работала кассиром, выплачивала актерам зарплаты, давала в долг до получки. Я был сыном всем известной Ксении Петровны.

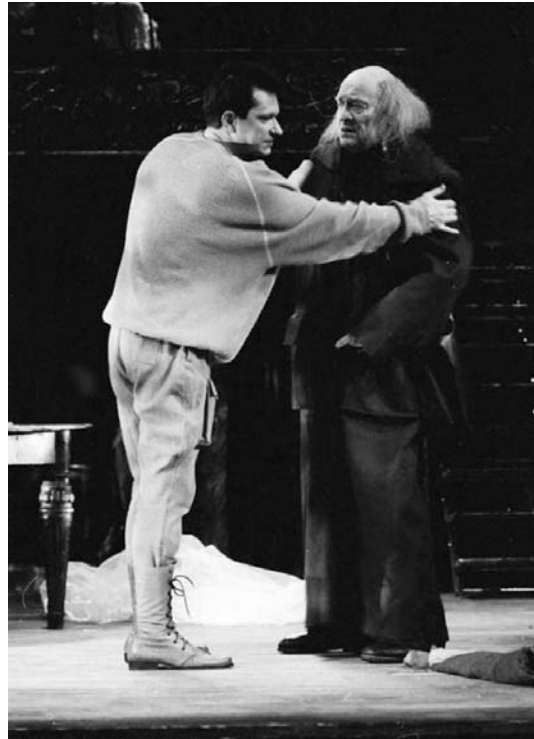
— *Вы росли за кулисами?*

— Именно так. Мне было 8 лет, второй класс. Я помню, мать сказала — выучишь уроки и приходи в театр. Уроки я не учил, но в театр приходил и общался с артистами и других театров, с Владимиром Зельдиным, видел его первые спектакли. Школу я чаще всего прогуливал, бегал на очередной сеанс «Путевки в жизнь» в кинотеатр «Унион» на площадь Никитские ворота, где сейчас находится Театр Марка Розовского. Отец в то время работал в Театре Корша, нынешнем Театре наций, и я бывал на спектаклях, а еще — в театре-студии Рубена Симонова.

У деда во дворе стояли конюшни. Интересная история, с ними связанная. Бабушка хранила бриллианты. Дядю арестовали, потому что у него была машина. Он учился в институте, и прошел слух, что на Киевском вокзале собираются люди, которые могут поехать за границу. Он развозил всех на своей машине, потому что общественный транспорт ходил редко.

— *Это 20-е годы?*

— Да. Очевидно, что арест был подготовлен Лубянской. Его как организатора отравили на десять лет в тюрьму. Бабушка ходила к Надежде Крупской, жене Ленина, и там еще была жена Горького Мария Андреева, они разбирали разные политические дела, как сейчас это делают правозащитники. Бабушка накануне своей смерти рассказала мне, что тогда же спрятала бриллианты в карете. А через неделю в доме прошел обыск, и кареты увезли. В Оружейной палате выставлено множество карет. И я думаю, а вдруг там есть и наша. Где-то еще лежат бриллиантики (*смеется*).

«Черная невеста, или Ромео и Жанетта». Люсьен — А. Ильин, Почтальон — Н. Лебедев

— *Почти что «Двенадцать стульев».*

— Вот напечатаете материал, и пойдет кто-то шуровать (*смеется*). Однажды я украл учительский журнал. У меня у одного стояли отметки «очень плохо». «Хорошо» у меня было только по литературе, географии, тригонометрии, потому что чертежи так или иначе связаны с декорациями. На уроках химии за все время я появился, наверное, только несколько раз.

Моя тетка Мария была замужем за Шутовым, сыном знаменитого купца. Он был страшный пьяница и быстро умер, иначе его бы наверняка арестовали. Ему присылали из Америки журналы с автомобильями. Потом я увидел у бабушки стопку этих журналов и пошел продавать их по 3 копейки на Никитский бульвар. Идет дед, взял меня молча за руку и повел

«Фома Опискин». Гаврила — Н. Лебедев, Фома Опискин — С. Юрский. Фото предоставлено театром им. Моссовета

домой. Я запомнил реакцию бабки на всю жизнь: «Почему тебя не уничтожили?» Она была в отчаянии, так испугалась за всех нас. Как ни странно, эта фраза много определила в моей судьбе.

— *Значит, вы с детства попали в критические для жизни ситуации?*

— Меня не перевели в 10 класс, исключили из школы. Что сказать матери? Я специально организовал скандал и пригрозил, что уйду из школы и начну работать. Через три дня я объявил, что так и сделал. Очень скоро угодил в московскую шпану. Моим товарищем был Виктор Апфельбаум. Его отец сидел при царе, и он же сидел при Сталине. Брат Виктора водил дружбу с уголовниками. Для меня это был совершенно неизвестный мир. Мы приходили в магазин, где работали знакомые ему женщины, выбирали, продавщица пробивала нам один товар, а остальные мы получали бесплатно. Нас называли фраерами, у каждого было по бритве. Пару лет назад я вдруг вспомнил слова песни, которую мы пели

под гитару: «Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха — все равно любимая отцветет черемухой». Есенин был очень популярен в то время. Конечно, пели «Мурку». Помню одну драку. Чужому жожаку наш гитарист разбил голову, а потом взял его под руку и повел к речке обмывать. Это уже джентльменство (*смеется*). Как раз в то время я учился на курсах — один год за два, чтобы получить образование за среднюю школу.

— *А уже через несколько лет большая часть ваших сверстников погибнет на войне.*

— Я родился в 1921 году. Вернулся один из ста. На здании школы находится памятник «Реквием. 1941 год» и табличка с именами погибших — весь мой класс.

— *После войны вы поступили в Школу-студию МХАТ. И студентов обучала манерам Елизавета Георгиевна Волконская, она из княжеского рода.*

— Да, это была очень интересная женщина, в ней чувствовалось дворянское происхождение. Таких сейчас нет. Много лет спустя после выпуска я позвонил ей,

хотел чем-то помочь. Она ко мне очень хорошо относилась. А тут ответила холодно, отстраненно. Похожая беседа у меня состоялась и с Татьяной Лиозновой, она плохо себя чувствовала, осталась одинокой. Я позвонил ей, мы проговорили минут сорок, и я все время ждал, что она предложит – Коля, приходи в гости, выпьем чаю. Но она ничего подобного не сказала. Со мной такое случилось три или четыре раза с разными людьми. Понимаете, человек уже уходит туда. Я очень боюсь этого состояния, когда внутренне обрезаешь все связи с внешним миром.

– Юрий Завадский пригласил вас в Театр имени Моссовета, в котором вы служите с 1950 года.

– Для меня Завадский остается главным учителем на всю жизнь. Он меня спас. Поскольку я был в плену, в Художественном театре меня не оставили. После Революции создавалось множество театральных студий. И Завадский вместе с Александром Сергеевичем Полем, который позже преподавал у нас литературу, организовал студию, кружок тамплиеров. Конечно, их всех посадили, и полностью реабилитировали только после смерти Завадского.

– Моссоветовские легенды: Л. Орлова, Р. Плятт, Ф. Раневская, В. Марецкая, А. Консовский, Г. Жжёнов, Л. Марков, М. Терехова, Г. Бортников и многие другие были вашими коллегами и партнерами. Была ли дружба между артистами? Или в отношениях всегда присутствует момент конкуренции?

– С Консовским мы очень дружили. Узнав о смерти моей матери, он сразу одолжил мне деньги на похороны, не дожидаясь просьбы. Меня это поразило. Дружба случается, но очень выборочно. Раневская общалась с Ией Саввиной. Но вообще между женщинами-актрисами редко встречается искренность. Конкуренция, любовные треугольники. Когда я получил звание «Народный артист РФ», мало кто меня поздравил. Надо сказать, что раньше, в молодости, товарищей у меня было много. Мы задер-

Николай Лебедев. Фото Бориса Каторгина

живались после спектаклей, устраивали разные капустники, на гастролях собирались в гостинице поиграть в карты. Сейчас уже все не так.

– Кинематографический успех в советское время несравним с нынешним. Актеры были настоящими кумирами. После фильмов «Нормандия-Неман» и «Евдокия» вас узнала вся страна. Что вас тогда спасло от звездной болезни?

– Звездная болезнь у меня была. Меня от нее излечили мать и Лев Кулиджанов. В 60-х я снимался в фильме «Синяя тетрадь» про Ленина. Я играл революционера Емельянова, и мне надо было в одном эпизоде косить. Бутафор замешкался, и я устроил ему скандал. Он побледнел, а сзади нас стоял Кулиджанов. Он

Николай Лебедев. Фото предоставлено театром им. Моссовета

повернул ко мне голову, не сказав ни одного слова, посмотрел на меня в упор, и я почувствовал такое презрение в его глазах, что все сразу понял. Это осталось на всю жизнь. А мать мне однажды сказала: «Опустись на землю». Тогда я стал здороваться со всеми уборщицами театра по несколько раз на дню.

— 15 декабря, в день вашего рождения, в Доме Кино состоялась премьера документального фильма «Николай Лебедев. Война без грима» режиссера Виталия Максимова. Какое главное послание, на ваш взгляд, несет этот фильм молодому поколению?

— Фильм очень хорошо приняли. В мое повествование Максимов включил документальные кадры о войне, — правильное решение. На премьеру пришли молодые военные, обсуждали картину. Зал

был большой. Я хотел со сцены сказать, но не решился: «Ребята в военной форме, встаньте, пожалуйста! То, что вы сегодня увидели в фильме, я в вашем возрасте пережил». Жалею, что не обратился к ним. А не так давно сказал сыну, он у меня инженер, занимается космосом: «Я готов жить на воде и хлебе, но чтобы моя армия была сильной, потому что я знаю, что такое война, и что такое чужой солдат на моей земле».

— Николай Сергеевич, поделитесь секретом, как несмотря ни на что сохранить оптимизм?

— Поэт Ваншенкин написал такие строки: «Я люблю тебя, жизнь. И надеюсь, что это взаимно!» Это мое кредо.

Беседовала Елена ОМЕЛИЧКИНА

АДИЛЬ ВЕЛИМЕЕВ, «СЫН БДТ»

Адиль Мунирович Велимеев, заслуженный работник культуры РСФСР, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством 1 и 2 степеней», ордена Почета, лауреат премии «Признание», **заведующий машинно-декорационной частью АБДТ им. Г.А. Товстоногова**, родился в Ленинграде на Васильевском острове, в коммунальном подвале на углу Среднего проспекта и Съездовской линии 5 июня 1939 года. Адиль был долгожданным третьим ребенком в семье. Папа работал в комиссионном магазине, мама была домохозяйкой и занималась воспитанием детей.

Когда началась Великая Отечественная война, Адилю исполнилось два года. После начала войны отец был арестован и осужден по трем статьям. Военный трибунал приговорил его к расстрелу. Мама осталась с тремя детьми на руках и бабушкой.

8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда. Первой умерла бабушка. Потом старший брат Адиля. Ему было 9 лет. За братом умерла юלתняя сестра. Адиль остался вдвоем с мамой. С тревогой и волнением она оставляла маленького ребенка и шла к Неве за водой и отovarивать хлебные карточки. По рассказам родственников, живших на 16-й линии Васильевского Острова, они пришли навестить маму с сыном и увидели страшную картину: на кровати лежит умершая мама, а рядом сидит зареванный малыш Адиль... Родственники забрали мальчика к себе.

В этой квартире жила одинокая пожилая женщина Аминя, взявшая к себе Адиля. На барже они прорвались через Ладожское озеро на материк. Немцы страшно бомбили баржу, но они уцелели. Так и попали в Сибирь. Аминя узнала, что родственники Адиля живут в Нижегородской области, нашла их и просила решить судьбу мальчика, боясь из-за

своего преклонного возраста не пристроить вовремя ребенка. Она привезла его в село Большое Рыбушкино Нижегородской области, сказав, что спасла его от смерти и выполнила свой долг. Там жила жена брата отца Адиля, который воевал в действующей армии. В этом селе во время войны открыли детский дом, и Сяйда решила отдать Адиля туда, потому что у нее было трое своих детей. Она написала на фронт мужу письмо, в котором сообщила, что из блокадного

Адиль Велимеев

А. Велимеев (на руках у мамы) со своей семьей

Ленинграда привезли его племянника, который сейчас находится в детском доме. Дядя Анвяр написал в ответ: «Если вернусь живым, в первый же день возьму Адиля к нам в семью. Одним больше, одним меньше — все мои родные!» Господь уберег Анвяра, он вернулся с войны без единой царапины. Как и обещал, сразу забрал Адиля из детского дома.

С 1945 по 1959 год Адиль воспитывался в семье дяди. Она стала него по-настоящему родной, он называл тетю и дядю мамой и папой. После войны у приемных родителей родилось еще четверо детей. Семья была очень дружная, креп-

кая. Адиль рассказывает, что такой любви никогда в жизни не встречал. Сегодня у него четыре брата и две сестры, которых он считает родными.

Адиль мечтал вернуться в родной Ленинград, и уехал туда в 1959 году. Поначалу не мог куда-то устроиться, но помог случай. К родственникам, где он остановился, пришла женщина, работавшая в БДТ им. М. Горького портнихой. Ее попросили помочь устроить Адиля в театр хоть на какую-то должность. Она привела парня в БДТ, и его взяли рабочим сцены. Это счастливое событие произошло 17 мая 1959 года.

Если есть выражение «сын полка», то Адиль в театре называют «сыном БДТ». Без прописки, с десятилеткой, Адиль был принят на работу — и театр не промахнулся! Зарплата была крошечная, жить негде, и поначалу он ночевал в самом театре, где оказался свободный угол. Но вскоре ему выделили кровать в общежитии. С тех пор Адиль — «хозяин сцены», как его назвал главный художник театра **Эдуард Кочергин**.

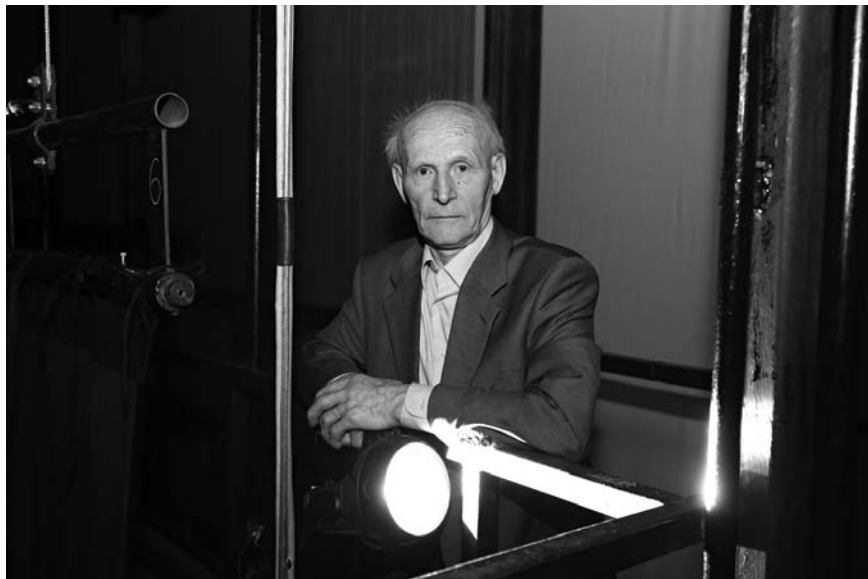
Театр дал ему образование и воспитание, сделал Адиль Велмеева выдающимся профессионалом, которого знают завпосты не только всех театров страны, но и мира. Адиль знал легендарных **Полицеймако, Копеляна, Луспекаева, Смоктуновского, Лебедева, Борисова... С Кириллом Лавровым, Мари-**

ей Призван-Соколовой, Всеволодом Кузнецовым они стали близкими друзьями. И когда в театре не могли сразу найти Кирилла Юрьевича, знали — надо взглянуть к Велмееву — Лавров наверняка там! Велмееву принадлежат афоризмы вроде: «Драму на балет не меняю» (когда его переманивали в Большой театр) или: «Артисты заняты только в своих спектаклях, а я — во всех»...

Георгий Александрович Товстоногов рассказывал на юбилее Велмеева, как он увидел Адиль в кулисе на сцене во время спектакля «**Лиса и виноград**»: тот стоял, рыдал и вытирал кулаком слезы, сопереживая Эзопу. Эзоп-Полицеймако произносил: «Где тут пропасть для свободных людей?!» — и шел на казнь. Адиль, деревенский мальчишка, решил,

А. Велмеев у здания БДТ

Адил Велимеев

что все по-настоящему и слезы текли ручьем... Он задал вопрос Георгию Александровичу: «Как же так, Георгий Александрович, такая прекрасная женщина хочет его спасти, а он все равно выбирает смерть?!» «Вот такие люди нужны мне в нашей команде! Только такие, мыслящие и сопереживающие! Только такие неравнодушные!» — говорил Товстоногов о Велимееве, сделавшем, начиная с «**Варваров**», все спектакли с Мастером.

Г.А. Товстоногов до конца дней своих ценил А. Велимеева. Был спокоен, видя его на сцене и в зале во время репетиций, ласково обращался к нему со словами: «Адик, дорогой, а давайте сделаем вот так!..»

Машинно-декорационный цех БДТ имени Г.А. Товстоногова под руководством Велимеева славится на всю страну и действует так слаженно и профессионально, что люди приходят посмотреть на их работу при подготовке к спектаклям с не меньшим интересом, чем на сами постановки. Эдуард Кочергин то ли в шутку, то ли всерьез даже предложил продавать билеты для желающих наблю-

дать за этой магией. Для того чтобы понимать всю сложность работы машинно-декорационного цеха, приведу в пример лишь пару деталей: каждый спектакль — это декорации на два контейнера по 58 кубических метров каждый. Самые большие декорации сегодня — к постановкам **А. Могуچهо «Три толстяка»** и «**Губернатор**» и к спектаклю **В. Рыжакова «Война и мир»**. Команда А. Велимеева справляется с этим блестяще.

Эдуард Кочергин в своей книге «Записки планшетной крысы» написал, что старинный титул «Планшетная крыса», которым в царское время награждались самые опытные, талантливые и, как раньше говорили, хитрые работники, не только актеры, но и работники постановочной части, если бы возродился сегодня, то первым должен быть вручен именно Адилу Велимееву — подлинному хозяину сцены, «достигшему в ремесле предельных высот, открывшему «свою Америку» и открывавшему ее другим, то есть имеющему право учить».

Ирина ШИМБАРЕВИЧ

ГОРЬКИЙ, СТРАСТНЫЙ, НЕЗАБЫВАЕМЫЙ

Большой юбилей Великой Победы Тамбовский государственный академический драматический театр решил встречать не бравурным маршем, не развеселым мюзиклом, а пронзительным жестоким романсом о судьбах покалеченных войной девочек. Спектакль «Апрельский романс», несмотря на столь романтическое название, настоящая драма. Так сразу и четко определили жанр и автор, новосибирский драматург **Дмитрий Рябов**, и режиссер-постановщик спектакля **Максим Кальсин**.

Как давно уже было сказано: «у войны не женское лицо». Но, тем не менее, на фронтах Великой Отечественной войны сражались сотни тысяч советских девушек и женщин. Сколько их не вернулось домой, сколько искалечили пули и снаряды, конечно, можно было бы и посчитать. Но что сухие цифры. Сегодня они, к сожалению, мало кого трогают. А вот образы, ко-

торые воплотили на сцене Тамбовской драмы режиссер и актрисы нового спектакля, за полтора часа так переворачивают душу, что навряд ли их забудешь.

Пьесу «Апрельский романс» предложил поставить к юбилею актер **Сергей Ильин**. Новосибирский поэт и драматург Дмитрий Рябов работает в литературном журнале «Сибирские огни». Его драматические произведения уже ставились на сценах различных российских городов. Но «Апрельский романс» написан всего года два назад и еще не вошел в репертуар ни одного театра. Так что воплощение пьесы на тамбовской сцене, это и российская премьера.

Делясь впечатлениями о пьесе, Сергей Ильин сказал: «Сегодня на военную тему снято немало сериалов, поставлено спектаклей, но это в основном «стрелялки». А душевных картин и постановок крайне мало. Особенно на тему «женщина и война». Пьеса «Апрельский романс» меня и при-

Клюева — А. Коршунова, Ложкин — В. Шолохов, Виноградова — М. Образцова, Ривкина — А. Мандрикова

Виноградова — М. Образцова, Ключева — А. Коршунова

влекла тем, что она о человечности. Моя бабушка прошла всю войну, но никогда не рассказывала о ней. Не любила вспоминать те страшные дни. Но мы должны знать о них. И, на мой взгляд, пьеса Рябова очень достойно раскрывает эту тему».

И здесь нельзя с ним не согласиться. В пьесе есть что играть. Произведение драматурга даже при прочтении оказывает сильное эмоциональное воздействие. Герои не шаблонные, а полнокровные персонажи, которым сопереживаешь. А когда они предстают таковыми на сцене, когда режиссер и артисты вдохнули в них жизнь, эффект сопричастности зрителей становится еще более явственным. Ведь чувствуем же мы 9 Мая, что это наша Победа, что это наш, личный праздник. Вот и всем создателям спектакля удалось заронить в сердца зрителей ощущение, что герои «Апрельского романа» близкие, чуть ли не родные им люди.

Режиссер Максим Кальсин с волнением относится к теме войны, и особенно, к жен-

щинам на войне. «Ни в одной стране, — говорит он, — женщины не призывались на фронт. А в рядах Красной Армии их воевало свыше 800 тысяч. Они были медсестрами и снайперами, летчицами и танкистами. Советский Союз смог в годы войны перевести все на тотальные военные рельсы. Фашистский рейх и хотел того же, но ничего не получилось. А наши люди еще и в тылу работали ударно по 16 часов. И основная нагрузка там опять же легла на плечи женщин. Беспримерен подвиг женщин-медицинских работников и на фронте, и в тылу. Им мы и посвящаем свою работу».

На программке к спектаклю и выведены слова «Василисе Родионовне Кальсиной и всем женщинам, сражавшимся и победившим в Великой Отечественной войне, посвящается».

Действие «Апрельского романа» разворачивается накануне Победы в далеком тыловом сибирском эвакогоспитале 1239-бис. И это еще одна причина, почему Тамбовский театр взялся за пьесу Рябова. Всю вой-

Ложкин — В. Шолохов, Хромов — С. Ильин

Ривкина — А. Мандрикова, Хромов — С. Ильин

Виноградова — М. Образцова, Клюева — А. Коршунова

ну Тамбовщина была большой госпитальной территорией. Здесь действовали десятки эвакуогоспиталей. Специально для премьеры «Апрельского романса» в фойе драматического театра была развернута экспозиция «Госпитальный Тамбов», которую подготовила хранитель истории театра **Эльвира Степанова**. Фотографии, рисунки и документы для нее из своих фондов предоставили областной краеведческий музей, музей истории медицины, мемориальный Дом-музей архиепископа Луки.

Большая часть выставки, погружающая зрителей в атмосферу госпитального города, основана на материалах дневника **Вячеслава Гроздова**, сына главного хирурга Тамбовских эвакуогоспиталей **Тихона Гроздова**. Тихон Митрофанович много сделал для становления хирургической школы в трудные годы войны. Его научные работы военного времени по оперативному вмешательству при осложнениях огнестрельных ран таза вошли в учебники отечественной хирургии как образец глубокого и оригинального исследования данной проблемы.

Но самое удивительное, что и по складу своего характера, и по поступкам в то непростое для страны время, он очень напоминает главного героя «Апрельского романса» Алексея Хромова (**Сергей Ильин**). Это был волевой, принципиальный руководитель, не боящийся идти на конфликт с начальством ради дела, ради своих больных. Но, в то же время, это умный и чуткий человек, прекрасно представляющий нелегкую послевоенную судьбу своих подопечных. Таким Хромова играет и Сергей Ильин. «А как жить? — отвечает Хромов на вопрос инструктора Ложкина. — Сейчас для всех одно важно — победа, а потом каждый свое вспомнит. У того — семья, у того — убили, у кого руки-ноги, а кто полный ампутант... Им до смерти война будет сниться. А человеку должно сниться счастье».

Не морализуя, постепенно Хромову-Ильину удается рвущегося на фронт молоденького инструктора ЛФК Ложкина (**Вячеслав Шолохов**) поставить на истинно предназначенный ему путь врача-лечебника не только тел, но и душ. Ибо, как убежден Хромов, «чтоб страна жила, надо дома строить и

Ривкина — А. Мандрикова

хлеб растить. И люди нужны без ненависти! Такие, как вы, кого не отравила еще война эта поганая...»

А вот раненых девчонок из госпиталя — 23-летнего снайпера Раю Ривкину (**Александра Мандрикова**), 24-летнего санинструктора Лиду Ключеву (**Александра Коршунова**), 18-летнюю прожектористку Тонию Виноградову (**Екатерина Буй, Марина Образцова**), 25-летнюю переводчицу Ольгу Шрайнер (**Кристина Гречанникова**) эта ненависть к врагу прямо-таки душит. Да так, что, не долечившись, они рвутся обратно на фронт. Потому что понимают, что война скоро закончится, а каждая, по собственному убеждению, не завершила свое воинское дело.

Непримиримая, вызывающая, бравурно дерзкая, но, когда требуют обстоятельства, такая отзывчивая Ривкина-Мандрикова. Бесшабашная, яркая, с перепадами эмоций и чувств, вся нараспашку Ключева-Коршунова. Чувствительная, но принципиальная, нежная, с ломкой психикой Виноградова-Буй. Стойкая, рассудительная, умная, умеющая сдерживать чувства Шрайнер-Гречанникова. Все актрисы очень трепетно по-

дошли к своим образам. Они постарались прочувствовать и донести до зрителей личную историю и драму каждой из девушек.

С такими страшно искалеченными телами, с несостоявшейся или состоявшейся, но потерянной любовью, их героини остаются гордыми и отважными. И у зрителей то и дело наворачиваются на глазах слезы. И скребет на душе: до чего же гадка и несправедлива война, творение низких чувств некоторых человекообразных особей, которых-то и людьми назвать язык не поворачивается.

Сложившемуся в спектакле удачному актерскому ансамблю удалось донести главный посыл авторов спектакля: нет ничего более несправедливого, чем время, когда женщина, которую надо защищать, идет сама защищать, когда она — созидательница — вынуждена стать разрушительницей. Но есть в финале несколько маленьких и светлых надежд-лучиков, которые все же укрепляют и героев, и сидящих в зале зрителей в мысли, что жить и любить надо всегда и не смотря ни на что.

Мargarита МАТЮШИНА
Фото Александра УСТИНОВА

«ПОКА СЕРДЦА ДЛЯ ЧЕСТИ ЖИВЫ...»

Премьере спектакля «Завтра была война» по одноименной повести **Бориса Васильева** Белгородский государственный академический драматический театр имени **М.С. Щепкина** посвятил 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Казалось бы, юбилейной дате приличествуют героика, патетика, эпический размах, а здесь — лирическая повесть в двух действиях (как обозначен жанр спектакля в театральной программке) из жизни старшекласников предвоенной поры. Но именно разговор с молодými зрителями об их ровесниках, ушедших из школьных классов на войну, был принципиально важен для автора инсценировки, режиссера-постановщика **Андрея Зотова** и заслуженного артиста РФ, художественного руководителя постановки, главного режиссера театра **Виталия Бгавина**.

«От нашего класса у меня остались воспоминания и одна фотография. Групповой портрет с классным руководителем в центре, девочками вокруг и мальчиками по краям. Фотография поблекла, а поскольку фотограф старательно наводил на преподавателя, то края, смазанные еще при съемке, сейчас окончательно расплылись; иногда мне кажется, что расплылись они потому, что мальчики нашего класса давно отошли в небытие, так и не успев повзрослеть, и черты их растворило время». Этими пронзительными строками **Бориса Васильева**, озвученными **Андреем Зотовым**, начинается спектакль. И, наблюдая неуклюжую ребячью возню перед фотоаппаратом, глядя на смешливые рожицы учеников 9б класса, слыша их веселый гомон, мы с интересом начинаем всматриваться в юношей и девушек, пытаемся понять, что сформировало это поко-

Сцена из спектакля

Вика Люберецкая – Н. Чувашова, Зина Коваленко – Е. Максютя

ление советских людей — самоотверженное, жертвенное и героическое.

Инсценировка Андрея Зотова выхватывает из фабулы повести «Завтра была война» основные действенные факты, а режиссерски спектакль построен так, будто на первосентябрьской фотографии «все явственней, все резче» начинают проступать черты каждого участника съемки. У каждого из них будет момент истины, в котором эти черты остро проявятся. Каждый совершит нравственный выбор между дружбой и предательством, правдой и ложью, принципами и приспособленчеством, честью и бесчестьем.

Отвечая на вечные вопросы, адресованные жизнью «юношам, обдумывающим житье», герои спектакля встретятся с благородством и несправедливостью, научатся отличать веру от фанатизма, испытают первую трагическую потерю — уход из жизни одноклассницы, почувствуют себя взрослыми людьми, ответственными за свои поступки, за судьбы близких людей и за судьбу Родины.

Какое рыцарственное служение прекрасным дамам-одноклассницам, мушкетерскую готовность встать «один за всех и все за одного» обнаруживают обыкновенные советские мальчишки: прямой и простодушный Артем Шефер (**Илья Кузьмин**), аристократически тонкий, нервный Жора Ландыс (**Руслан Желудков**), жизнерадостный спортсмен Паша Остапчук (**Евгений Голуб**)! В смешном и нелепом увальне, незадачливом «Эдисоне»-изобретателе Вальке Александрове, точно и ярко сыгранном **Борисом Милашенко**, рождается настоящий мужчина с обостренным чувством собственного достоинства. И битый Шефером за прогулку с Зиной Дегтярев (**Александр Сторожев**), казавшийся таким самоуверенным, циничным и нагловатым, вдруг с искренней мальчишеской радостью объявляет об освобождении Люберецкого.

Впрочем, и девчонки из 9б не уступают своим мальчишкам в «боевых качествах».

Вика Люберецкая – Н. Чувашова, Искра Полякова – Н. Ткаченко

Тоненькая, хрупкая Леночка Бокова (**Вероника Константинова**), мечтающая о сцене, отчаянно и дерзко рвется поколотить Зиночку за предполагаемое предательство. А Зина Коваленко, в роли которой так органична, искренна и очаровательна **Екатерина Максютя**, остро переживает пробуждающуюся в себе женственность и толком не знает, что делать с ней. Но и в этой легкомысленной, ветреной «милой дурашке» после серьезных испытаний созревает самостоятельная личность, требующая к себе уважения.

В центре сценического действия – история дружбы Искры Поляковой (**Наталья Ткаченко**) и Вики Люберецкой (**Наталья Чувашова**). Их отношения начинаются с забавного соперничества двух ярких, нестандартных девушек из очень разных семей. Лишь только Искра в порыве вдохновения прочтет «Послушайте!» Маяковского, с королевским достоинством на авансцену выйдет Вика со стихотворением Есенина. И следом столкновение: Вика

требует от Искры договорить оборванную на полуслове колкость в свой адрес. Выразительная в своей простоте сцена, когда девушки стоят по разным концам праздничного стола, испытывая друг друга напряженным молчанием, становится важным пунктом в развитии отношений Вики и Искры, их постепенном сближении, движении друг к другу двух цельных натур.

Наталья Чувашова вначале играет Вика Люберецкую немного избалованной, высокомерной, уверенной в неизбежности положения «папиной принцессы». Но постепенно актриса ведет свою героиню к естественной простоте, непосредственности, искренности и доверительности в отношениях с подругами. Спокойное достоинство покидает Вика только после ареста Люберецкого, главного инженера авиазавода. Но уже в разговоре с классной руководительницей, убеждающей ее отречься от отца, девушка вновь обретает внутреннюю силу. Наталья Чувашова пронзительно хороша в

Саша Стамескин – В. Дорогин, Искра Полякова – Н. Ткаченко

последней сцене, когда Вика прощается с ничего не подозревающими одноклассниками в лесу – мягкий печальный взгляд словно пытается задержать все, что любила, грустью по несбывшейся любви наполнена тихая просьба к Жорке: «Поцелуй меня, Ландыш... Обними меня покрепче...», спокойной убежденностью окрашены последние слова, обращенные к Искре: «Ты не волнуйся, все будет как надо».

«Нельзя предавать отцов. Нельзя, иначе мы убьем сами себя, своих детей, свое будущее. Мы разорвем мир надвое, мы выроем пропасть между прошлым и настоящим, мы нарушим связь поколений, потому что нет на свете страшнее предательства, чем предательство своего отца», – слова Вики из прощального письма приведут Искру Полякову к окончательному пониманию, что мир не делится на черное и белое, что в действительности он сложнее, чем описан в школьных учебниках, что правда, справедливость, вера

в человека нуждаются не в декларировании, а в действенном отстаивании.

Наталью Ткаченко в роли Искры, пожалуй, можно назвать открытием спектакля «Завтра была война». Молодая актриса с убедительной психологической достоверностью проживает историю личностного становления своей героини. Прямая, честная максималистка Искра, дочь комиссара Гражданской войны, выглядит немного смешной, когда менторским тоном поучает простодушную Зиночку, мечтающую стать не летчицей, не парашютисткой, не стахановкой, а женщиной, что значит игрушкой в руках мужчины. И когда, словно по писаному, тарабанит в ответ Вике, что Есенин – это упадочнический поэт, и когда с пафосом заявляет, что честь – это дворянское понятие, и советские люди его не признают. При этом сама не понимает, что именно этим «устаревшим» понятием, усвоенным на уроках русской литературы, продиктованы все ее смелые, благородные поступки. Наталья Ткаченко точно ак-

Сцена из спектакля. В роли Люберецкого (справа) – С. Купчиев

центрирует изменения, которые происходят в душе Искры: как задумчиво растеряна она после разговора с Люберецким о вере в человека, как внутренне собрана и тверда в разговоре с «классной» Валендрой, как деловита и заботлива по отношению к Вике после ареста отца, как мучительно переживает свою неуверенность в невиновности Люберецкого и как решительно отстаивает невиновность дочери подозреваемого в измене Родине, как жестко останавливает мать, ремнем пытающуюся выбить из нее те качества, которые сама и воспитала. И какой милой, наивной, чистой девочкой, грезящей ровно о том же, в чем упрекала Зину и Вику, предстает Искра, когда ее впервые – в щечку! – целует Саша Стамескин...

Интересно и сложно играет Стамескина **Владимир Дорогин**. Рано повзрослевший, серьезный мужичок, он всеми силами хочет вырваться в другую среду, пото-

му что у него есть мечта и есть талант. Это все через умение хорошо рисовать самолеты разглядела в нем неистовая Искра и влюбилась в придуманный образ. Владимир Дорогин не рисует Сашку подлецом и трусом, нет. В его исполнении это просто очень благоразумный, осторожный молодой человек, любящий Искру, стремящийся уберечь ее от самой себя – но любящий слишком ревниво, слишком эгоистично, слишком обывательски. «Промолчи», – вот его принцип жизни, с которым Искра несовместима. И судьба будущего директора авиазавода, лауреата и депутата Александра Авдеевича Стамескина вырисовывается в полном соответствии с известными строчками Александра Галича:

*«Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгинули смолоду...
А молчальники выжили в начальники.
Потому что молчание – золото».*

Ромахин, директор школы – С. Штатнов

И все же, несмотря на тревожный подтекст событий, острый драматизм конфликта, трагическую гибель одноклассницы, юношеский мир спектакля режиссер все-таки рисует чистым и светлым — словно прозрачные и теплые дни первоначальной осени. Художник-постановщик **Марина Шепорнева** подчеркивает этот лирический лейтмотив в сценографии: осень заглядывает в большие окна классной комнаты и заливает ярким светом все пространство сцены, разбрасывает кленовые листья на пути влюбленных, укрывает друзей под золотой сенью леса, таинственно подсвечивает в сумерках стволы и ветви деревьев. А в музыкальном оформлении спектакля (**Руслан Родионов** и **Игорь Слюсаренко**) светлое, игривое, романтически приподнятое ретро, иллюстрирующее динамику школьных сцен, остро оттеняет проникновенный лиризм музыкальной темы Вики Люберецкой.

Иным показан взрослый мир спектакля. Поколение отцов хорошо понимает, в какое сложное время выпало взрослеть их детям. В словах интеллигента Люберецкого (**Сергей Купчичев**) о презумпции невинности чувствуется итог его тяжелых размышлений, тревога потерять человеческое в человеке. В суровости товарища Поляковой (**Анна Лего**) к дочери прочитывается простое материнское стремление подстелить ей соломки, а в попытке защитить Люберецкого, товарища по Гражданской, — следование долгу и кодексу чести боевого братства. В нежном отношении к детворе директора школы Ромахина (**Сергей Штатнов**) угадывается желание, видимо, бездетного бывшего рыцаря Первой Конной дать молодым то, чего было лишено его поколение.

Удивительно, а, впрочем, закономерно, что Люберецкий, Полякова, Ромахин, прошедшие через горнило Граж-

Валентина Андроновна – А. Халиуллина, Искра Полякова – Н. Ткаченко

данской войны, а значит, через кровь, жестокость и смерть, сохранили в себе человечность и веру в человека. А неожиданно молодая, немногим старше своих учеников, классный руководитель Валентина Андроновна или Валендра (**Айгуль Халиуллина**) этой веры лишена. Актриса создает образ почти религиозной фанатички – жесткой, убежденной в своей правоте, готовой карать отступников истинной, по ее мнению, веры. В ней трудно заподозрить мелочный карьеризм – нет, она пишет доносы не для того, чтобы занять место директора, а потому что искренне считает вредными методы воспитания Ромахина. Но после смерти Вики и неповиновения класса, кажется, и Валендра начинает сомневаться в собственной непогрешимости: отвернувшись к классной доске, она украдкой вытирает слезы...

В финале, после радостного восклицания Зиночки Коваленко, обещающей, что 1941 год обязательно будет счастливым, зазвучат раскаты взрывов, голос Левитана, звуки сирен и, наконец, победные залпы. И мы узнаем, как сложились судьбы ребят из 9б класса. Несколько судеб, сопряженных с судьбой всего поколения, – самоотверженного, жертвенного, героического. Поколения юношей и девушек, выросших в не самые простые времена, но читавших в детстве нужные книги, умевших дружить, любить и мечтать, готовых, «пока сердца для чести живы», отдать благородный и благодарный долг Отчизне. Святое советское поколение...

Наталья ПОЧЕРНИНА
Фото Натальи ЗОТОВОЙ

«ПОТОМУ ЧТО МЫ ПИЛОТЫ...»

Послевоенный фильм-комедия «Небесный тихоход» о трех нелюбящих друг друга летчиках-истребителях, в котором прозвучали замечательные песни **В. Соловьева-Седого**, заставляет нас и сегодня вспомнить эту удивительную историю. Майор Булочкин, капитан Кайсаров и старший лейтенант Туча заключили святой мужской союз: отменить любовь до конца войны. Волею военной судьбы Василий Булочкин попадает в женскую эскадрилью ночных бомбардировщиков «У-2», где бесстрашного пилота ждут нелегкие испытания, причем не только в бою. Один за другим боевые друзья нарушают клятву. Во имя любви, конечно. Как выясняется, она не только не меша-

ет, а наоборот, помогает преодолевать все непростые ситуации.

По воспоминаниям друзей композитора, Соловьев-Седой мечтал увидеть столь полюбившийся зрителям фильм не только на экране, но и на театральной сцене. Идею воплотил в жизнь его ученик **Марк Самойлов**, написавший оригинальную музыку, которая передает атмосферу того времени, сохраняя традиции фронтовых песен, с которыми шли в бой и побеждали. Авторами либретто тогда стали **Алексей Яковлев** и поэт **Вячеслав Вербин**.

Десять сезонов с неизменными аншлагами «Небесный тихоход» Марка Самойлова шел на сцене **Нижегородского Камерного музыкального**

Старший лейтенант Туча — С. Попов, капитан Кайсаров — С. Меликов, майор Булочкин — В. Бурцев

Старший лейтенант Светлова — Д. Тюрина, капитан Кайсаров — С. Меликов

театра имени **Владимира Степанова**. Спустя пять лет нижегородцы решили вернуться к этой веселой, динамичной музыкальной комедии. Но это не возобновление давнего спектакля, а совершенно новая его версия: сохранив основные сюжетные линии, стихи поэта Вячеслава Вербина, пьесу написал художественный руководитель театра, заслуженный артист России **Сергей Миндрин**. Он же воссоздал на сцене КМТ музыкальную историю о трех друзьях летчиках и женской эскадрилье ночных бомбардировщиков «У-2», посвятив спектакль **75-летию Великой Победы**. Кроме Сергея Миндрина, в художественно-постановочную группу вошли сценограф **Борис Шлямин** (он же совместно с **Ириной Шевчук** создал эскизы костюмов), балетмейстер, заслуженный работник культуры Рос-

сии **Геннадий Кондратьев**, музыкальный руководитель **Борис Схиртладзе**. Оригинальным сувениром для зрителей стала копия ноябрьского номера газеты «Пионерская правда» за 1944 год (по либретто в этом издании работает главная героиня — журналистка Валя Петрова) о боевых действиях Красной Армии, громившей гитлеровцев уже за пределами границ СССР.

Новый «Небесный тихоход» начинается с пролога, когда молодежь в парке возле скульптуры традиционного советского символа — девушки с веслом, танцует под мирным небом, еще не зная, что вот-вот начнется война. Используя кинематографический прием монтажа, режиссер переносит зрителей на передовую: воздушный бой, и раненый майор Булочкин оказывается в госпитале. События развиваются динамич-

Старший лейтенант Туча — С. Попов, Журналистка Петрова — О. Бакулина

но под яркую и незабываемую музыку Марка Самойлова и двух песен Соловьева-Седого.

В спектакле наряду с именитыми мастерами сцены занято молодое поколение артистов, заслуживших признание публики и различные региональные театральные награды. Майора Булочкина сыграл **Владислав Бурцев**, лауреат премии «Нижегородская жемчужина». Верных друзей комэска — капитана Кайсарова и старшего лейтенанта Тучу **Сапармырат Меликов** и **Сергей Попов**: артисты органично передали в характерах своих героев комедийные, лирические и драматические оттенки.

Среди летчиц женской эскадрильи нужно отметить точное попадание в роль у **Дарьи Тюриной** и **Екатерины Шистеровой**. Их героини, два старших лейтенанта — Светлова и Кутузова,

смелые и отважные при выполнении боевых заданий, в обычной жизни — заводилы и запевалы. А Кутузова, не лишенная чувства юмора, даже позволяет себе подшучивать, и над кем? Над летчиком-истребителем Тучей! Одну из самых драматических сцен, когда не вернулся на базу с боевого вылета капитан Кайсаров, Дарья Тюрина (ее героиня — подруга капитана) представляет с неподдельной искренностью и проникновением.

Органична в роли журналистки Валентины Петровой молодая актриса **Ольга Бакулина**. Хрупкая, очаровательная, наивно-восторженная репортер газеты «Пионерская правда», она испытывает на себе все ужасы военных реалий.

Антипода комэска Булочкина, гротескный образ немецкого воздушного аса барона фон Клюге воплотил **Артем**

Сцена из спектакля

Брехов. В стилистике художественной сатиры, как на карикатурах виднейших мастеров советской политической графики, легендарных Кукрыниксов, представлена его свита; точно угадана эпоха: враги лихо маршируют под звуки популярной в Германии в довоенные и военные годы мелодии «Роза мунде».

Нижегородский «Небесный тихоход» завершается эпилогом в том же довоенном парке. Сменив военную форму на яркие наряды, молодежь ликует, празднуя победу. В спектакле нет взрывов и выстрелов: только музыка, танцы и, конечно же, любовь. Никто в зале не останется равнодушным: зрители подпевают бодрым и задорным мелодиям прошлых

лет. В самом деле, разве удержишься, когда на сцене зазвучит «Пора в путь дорогу» или: «Потому, потому что мы pilots!»

Премьера Камерного музыкального театра стала подарком для зрителей, это дань памяти героям Великой Отечественной войны, павшим и живым, которые находили в себе мужество не только противостоять врагу, но и сохранять в своих сердцах Веру, Надежду, Любовь.

Владимир ШЛЫКОВ

Фото Александра КВАРТНИКОВА

КТО ЖЕ ТЁРКИН?

В Московском драматическом театре под руководством Армена Джигарханяна задолго готовились к знаковой дате в истории нашей страны — 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Еще в ноябре 2019 года на Малой сцене театра состоялась премьера спектакля-фантазии «**Василий Тёркин**» по мотивам одноименной поэмы Александра Твардовского.

«Какая свобода, меткость, точность во всем», — так отзывался о бессмертном произведении Иван Бунин, — главный поэтический учитель юности Александра Трифоновича.

«Книга про бойца» была задумана еще в 1939 году, во время русско-финской войны, где Твардовский находился в качестве военного корреспондента. Тёркин стал сатирическим героем небольших стихотворений-фельетонов, написанных для газеты. Лишь во время Великой Отечественной, в 1942 году, после участия в самых кровопролитных сражениях автор начал работу над поэмой. Начальный период отступления, Битва на Волге, переправа че-

рез Днепр, взятие Берлина — именно эти реальные события легли в основу «Василия Тёркина». СобираТЕЛЬНЫЙ образ героя, — веселого, неунывающего бойца, вселял надежду в тысячи людей, придавал им сил и мужества. В него верили, на него старались быть похожими. Кто знает, может этот факт стал неотъемлемой частью того, что зовется русским характером, — вместе с неустранимостью, храбростью, стойкостью. И обязательно с юмором и оптимизмом, верой в справедливость и в сокрушительную Победу над врагом.

Легкий, похожий на русские народные частушки, запоминающийся слог сделал поэму любимой и часто цитируемой. Любимой советский школьник знал наизусть целые главы.

И даже несмотря на противоречивые события последних лет, сейчас, в XXI веке, любой уважающий себя человек продолжит наизусть после «переправа, переправа» — незабываемые, точные — «...берег левый, берег правый...» или «страшный бой идет, кровавый, смертный бой не ради славы, ради жизни на земле». И

«Василий Тёркин». Сцена из спектакля

«Василий Тёркин». Сцены из спектакля

«Василий
Тёркин».
Сцена
из спектакля

сразу ком в горле, потому что невозможно иначе. Вероятно, это именно то, что зовется генетической памятью.

Подвиг простого русского солдата на фронтовых дорогах, в непроходимых лесах, на бескрайних полях не отпускает, напоминает о себе фильмами, песнями, многочисленными поисковыми отрядами. Они до сих пор находят в земле останки пропавших безымянных бойцов. Мы не так далеко ушли от тех сороковых. И очень страшно и больно, что мир до сих пор ходит рядом с такой же большой бедой...

Когда-то казалось, что все солдаты Великой Отечественной — это взрослые и серьезные люди, которые защищали и спасали свою Родину от жестокого врага, а сейчас как-то удивительно неожиданно многим стало понятно, что тогда там, на фронтах нашей бескрайней страны, горели в танках, тонули в болотах, разлетались на куски от взрывов снарядов совсем еще молодые ребята, почти дети, которые бесстрашно шли в свои «крестовые походы» и погибли за родных и близких, за дальнейшую жизнь на земле. Именно эта мысль постоянно крутилась в голове во время спектак-

ля «Василий Тёркин». Режиссер **Андрей Крупник** очень точно уловил настроение великой поэмы. Он не стал назначать одного артиста на роль героя. **Иван Алексеев, Евгений Марков, Тимур Тихомиров, Богдан Илларионов** и, единственный самый старший, **Эдуард Двинских** очень точно воссоздали тот самый собирательный образ неунывающего солдата-героя. Тёркин здесь — и командир, и рядовой, и даже генерал с забавными усами, словно слетающими с лица вместе с курительной трубкой.

Одетые в одинаковые шинели-плащи, артисты сцену за сценой разыгрывают знаменитые главы поэмы. Вот они все вместе спорят про Сабантуй, а вот уже один из них в гостях у стариков помогает точить старую пилу, другой сражается с «сытым, бритым, береженным» немцем, третий, замерзая «на постели снеговой», разговаривает с самой Смертью. В спектакле этот образ очень убедительно сыгран **Ольгой Кузиной**. Это действующее лицо всегда рядом — холодное, высокомерное, безразличное. Ей всё равно кого забирать — русского, немца, старого или молодого. Она с тупым упорством будто выполняет некий

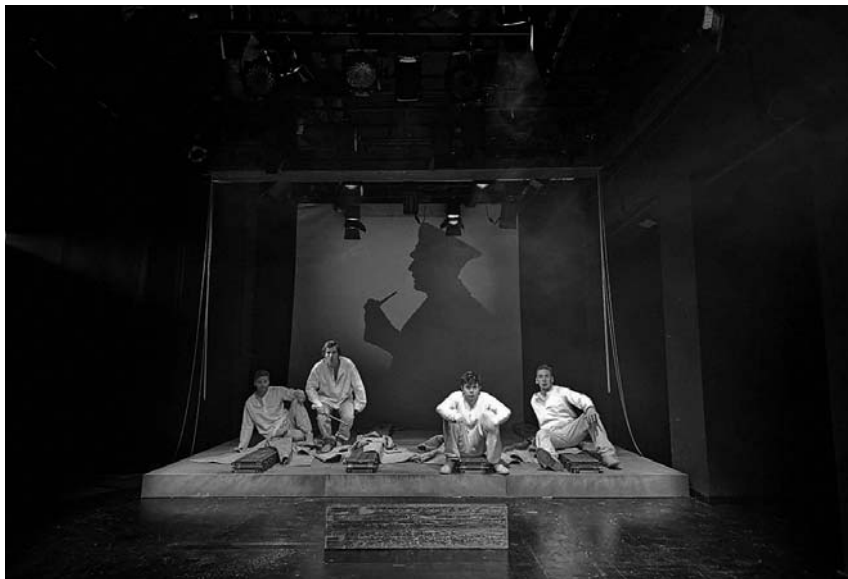

Смерть — О. Кузина

страшный план по поставке душ в Царство мертвых. Немного смутил наряд этой демонической женщины. Внешне очень похожий на национальный женский костюм одной из братских республик, он вводит в замешательство. Художник спектакля **Алина Алимова** задумала воспроизвести персонаж в образе славянской Богини Зимы и Смерти Морены. Идея хорошая, но есть некоторые сомнения относительно знаний рядового столичного зрителя — соотнесет ли он Смерть, будем честными, с мало кому знакомым славянским божеством?

На протяжении спектакля больше всего возникло вопросов именно к художни-

ку, — и по мелочи, и на предмет оформления сценического пространства. Сцена театра очень небольшая, если не сказать маленькая, и на ней попытались уместить слишком много элементов декораций. Художник соорудил некий конструктор, складывающийся в зависимости от сцены в разные фигуры-строения. Это и ящики для оружия, и что-то похожее на противотанковые ежи, и сам танк, и переправа, и стол, и койка в госпитале, и лавка в бане, и распятие, и самолет. Пожалуй, сцена с самолетом по силе эмоционального воздействия самая мощная в спектакле. Режиссер ярко визуализировал своеобраз-

«Василий Тёркин». Сцена из спектакля

ную метафору Смерти, летящей на самолете и расстреливающей бойцов.

Спектакль получился очень выразительным, легким, подвижным (балетмейстер **Илона Фоменко**) и музыкальным благодаря еще и женским образам. **Анна Ефремова**, **Ольга Дзусова**, **Мария Железнова**, **Инна Лясковец** «разбавляют» солдатское мужское братство своей нежностью и чистотой. Одетые в белые сорочки, они всегда рядом, мелодичными песнями и распевами отбивают каждую сцену и вносят особое настроение в ход спектакля. Получилось органично и... справедливо. Женщины всегда были рядом — и на фронте, и в госпиталях, даже незримым своим присутствием помогали мужьям, отцам и братьям преодолевать все страшные невзгоды той жестокой войны. Александр Трифонович Твардовский именно с женой делился самыми тревожными мыслями и чувствами. Именно ей присылал с фронта десятки треугольников-писем, полных размышлений о жизни и войне... «...Пока что я должен находить в себе силы для ободряющего слова, — пишет он Марии Илларионовне в октябре 41-го, —

это слово, которое либо заключенной в нем доброй шуткой, либо душевностью своей согревает чуть-чуть, расшевеливает то инертное, тягостное безразличие, которое незаметно уживается в сознании усталого от боев и тягот человека. А каких слов он стоит, этот человек!»

Вера в человека, в простого солдата, в его стойкость и мужество, восхищение неожиданными подвигами день за днем вдохновляли поэта на такое масштабное произведение. Миллионы современников Твардовского, а теперь и их потомки, продолжают снова и снова изучать «Василия Тёркина», — примерять на себя, дотягиваться до него и восхищаться его внешней простотой и неисчерпаемой глубиной. И так тепло становится на душе, что совсем молодое поколение современных творцов — режиссеров, артистов, — очень хорошо понимают, про кого и для кого написаны эти «метки» и «точные» строчки, но важнее всего, что они это всем сердцем чувствуют.

Евгения РАЗДИРОВА
Фото предоставлены театром

«... И АЗ ВОЗДАМ»

Московский областной театр драмы и комедии (Ногинск) поставил спектакль «**Фальшивая нота**» **Дидье Карона**, французского драматурга, актера, возглавляющего один из старейших парижских театров «Мишель» (перевод **Ирины Прохоровой** и **Александра Браиловского**). Режиссера **Тимофея Спивака** (художественный руководитель постановки **Елена Цыплакова**, художник **Елена Пиотровская**, музыкальное оформление **Ангелины Срыпных**) не смутило, что пьеса, написанная в 2017 году, уже в следующем появилась на сцене Вахтан-

говского театра в режиссуре Римаса Туминаса, а сыграли ее Алексей Гуськов и Геннадий Хазанов. И сумел представить несколько иной взгляд на почти детективную историю, ставшую основой «Фальшивой ноты».

Всего два персонажа — человек из прошлого, некто Динкель (**Виктор Башинский**), и известный дирижер Миллер (**Владимир Ташлыков**), устремленный в будущее, приглашенный возглавить Берлинский оркестр вместо прославленного на весь мир Герберта фон Карояна. Тимофей Спивак, не акцентируя нарочито, сразу дает зрителю понять,

Динкель — В. Башинский, Миллер — В. Ташлыков

Динкель — В. Башинский, Миллер — В. Ташлыков

что эти два персонажа не совпадают во времени и пространстве: Динкель, старомодно одетый, под видом восторженного слушателя пробравшийся в гримерку Миллера за вожденным автографом, суетливый, с повадками шута. И надменный, хорошо знающий себе цену дирижер, раздраженный тем, как играл сегодня его оркестр, и всеми помыслами устремленный к недалекой карьере в Берлине.

Постепенно Динкель начинает вести себя все более и более навязчиво — в его словах, жестах, уходах и неожиданных возвращениях мы начинаем ощущать нарастающую угрозу для Миллера. Режиссер интересно выстроил действие таким образом, что зрители чувствуют это значительно раньше дирижера. Владимир Ташлыков скрупулезно и точно отыгрывает целую гамму

переходящих одно в другое состояний: недоумения, удовлетворения лестью невольного собеседника-поклонника, самодовольство, напыщенность, усталость от концерта, искреннего непонимания, что же понадобилось от него этому странному человеку.

Виктор Башинский ведет свою линию, соблюдая загадочность, перемешанную с откровенным шутовством; издевку, слегка замаскированную нарочитым восхищением; едва-едва прочерчивая ту реальную угрозу, которую он принес в эту комнату.

Угрозу разрушения души, прихода к покаянию человека немолодого, состоявшегося в жизни и в профессии, довольного собой и окружающим миром, который он воспринимает явно свысока, чуть презрительно, с легкой насмешкой.

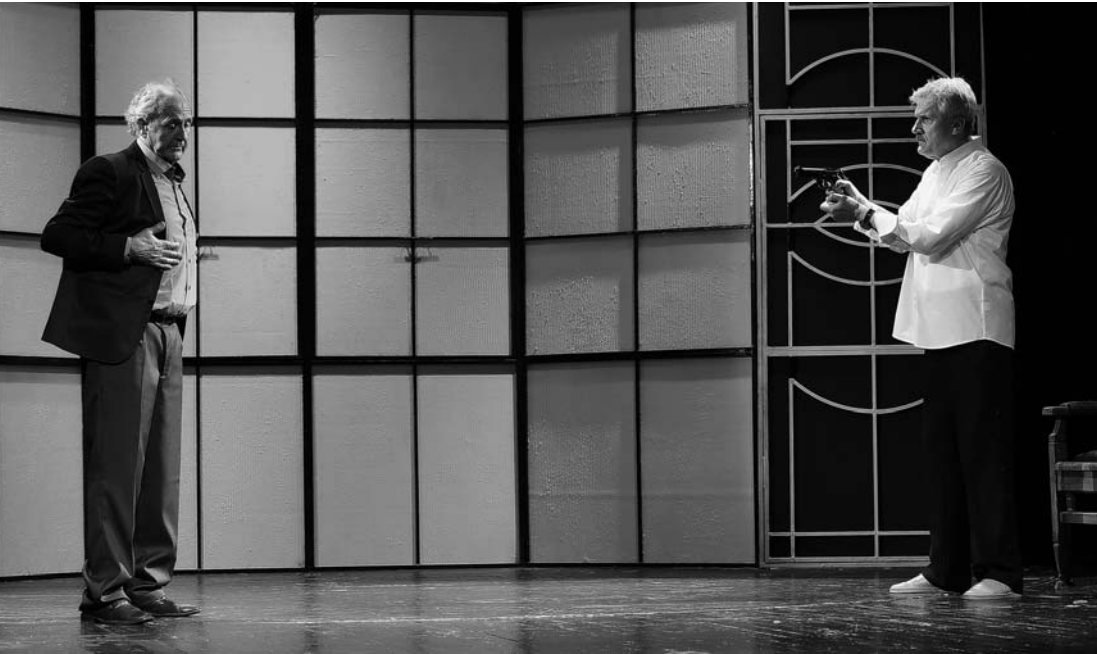
Динкель — В. Башинский, Миллер — В. Ташлыков

... Прошли десятилетия после окончания Второй мировой войны, но для Динкеля, освобожденного из концлагеря, где погиб его отец, в его обожженной раз и навсегда памяти по-прежнему живут те страшные минуты. Отец, музыкант-любитель был убит за одну фальшивую ноту в «Маленькой ночной серенаде» Моцарта, расстрелян таким же, как он, мальчишкой, сыном эсэсовца, испугавшегося, что отец примет его за слабака, если он не сможет выстрелить. Все десятилетия Динкель не может освободиться от пережитого ужаса и вместе с женой собирает досье на Миллера. Теперь он знает о дирижере все — едва ли не каждую минуту его жизни, но лишь одного не ведает.

Того, что Миллер не играет в забывчивость, не прикидывается человеком, утратившим память. С ним про-

изошло то, что обрело в психологии понятие «вытеснение», иными словами, устранение из сознания нежелательных содержаний и связанных с ним переживаний. Это не естественная «забывчивость», а настоящее, хотя и не осознанное человеком до конца неприятие для сознания определенных моментов жизни, поступков, чаще прочего несовместимых с моральными принципами.

Уехав в Швейцарию, сменив фамилию, переживший потрясение мальчишка из гитлер-югенд приложил, вероятнее всего, немало усилий, чтобы навсегда забыть не только совершенное им убийство, но и все ужасы Освенцима, которым стал свидетелем. И это удалось ему настолько, что оставшаяся на всю жизнь любимой «Маленькая ночная серенада» Моцарта ни о чем решительно не напоминает ему.

Динкель — В. Башинский, Миллер — В. Ташлыков

Владимир Ташлыков создает тип человека, не просто пережившего «вытеснение», но и вытеснивший вместе с памятью живую человеческую душу.

Они не поймут друг друга, эти люди, один из которых живет лишь памятью, а другой невероятным волевым усилием стер ее в себе, но настанет в их отношениях, построенных режиссером почти по принципу моцартовского шедевра, как ночная не песня, но плач — плач об утраченном и для одного, и для другого навсегда. И отзовется в двух вопросах, на которые не может быть ответа: «Чего ты добьешься, убив меня?» — спросит в отчаянии перед наведенным на него револьвером Миллер. «А чего добились вы, убив ни в чем неповинного человека?» — отвечает Динкель, и в словах этих уже не звучит та ненависть, что привела его в гримерку.

Потому что он освободился от памяти, не дававшей сна и покоя десятилетиями, до той поры, пока не пробудил в человеке, убившем его отца, ту далекую юность, забытую Миллером, казалося, навсегда. И в финальном крике дирижера, разбрасывающего по полу оставленное ему Динкелем досье: «Ненавижу!..», куда отчетливее слышится ненависть к себе самому, посмевшему забыть.

Раскаяние окажется страшнее вытеснения, трагичнее и острее. Потому что пришло слишком поздно.

Но — пришло. В этом и заключен главный посыл режиссера и артистов в зрительный зал. Чтобы поняли смысл слов «...и аз воздам».

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ
Фото предоставлены театром

МНОГО ДОРОГ, МНОГО...

*Много дорог, много,
А не хватает дорог,
А если есть, слава богу,
То где-то –
Не дай бог.*

Иосиф Уткин

Театральный фестиваль «**Нам дороги эти позабыть нельзя**», посвященный 75-летию Победы, на сегодняшний день, по понятным причинам не завершился. Но впечатления, которыми хотелось бы поделиться, есть.

Как сегодня ставить спектакли и снимать фильмы о войне? Я бесконечно пересматриваю свои любимые карти-

ны «Жди меня», «Два бойца», «Однажды ночью», но это другое, из детства. А вот сегодня как ставить и снимать — как?

Режиссер **Сергей Яшин** и художник **Елена Качалаева** показали со студентами II курса **ГИТИСа** «**Звездопад**» по прозе **Виктора Астафьева** на сцене Учебного театра в Гнездниковском.

Замкнутое, пропитанное кровью и

«Звездопад». Фото с официальной страницы курса С. Яшина в VK

смертью пространство, военный госпиталь, 1942 год. Искалеченные руки, ноги, головы. На сцене много страдания. Много натуралистических подробностей, но они не шокируют и не отвлекают, а прямо и сильно работают на атмосферу спектакля, его нерв, его мысль.

Не знаю, о чем говорил режиссер-педагог Сергей Яшин со своими студентами, но в душевной отдаче, которая исходит от каждого из них, независимо от того, большая роль или маленькая, — в этой безоглядной душевной отдаче, которая захватывает зрительный зал, слышался, ощутился вдруг мучительный и тревожный вопрос: а если бы со мной, с вами — вот так? Вопрос, обращенный к самим себе и к сверст-

никам в зале.

Нормальные будни — будни военные, тяжкие, страшные, о которых писал фронтовик Астафьев, — это ведь все равно жизнь, с общими кризисами и исходами, только разных накалов и пределов, в том числе таких, за которыми наступает расчеловечение.

Стремительно короткие сценические новеллы пронзительно сыграны.

Солдат, навсегда потрясенный тем, как он впервые убил человека. Особист, мучительно размышляющий, как сохранить на его работе правду и совесть. Женщина — главврач, матом орущая на своих осатаневших от боли и безысходности, вышедших из-под контроля «ранбольных». И одновременно делающая для них все, все, все, что только можно и сверх того...

«Звездапад». Фото с официальной страницы курса С. Яшина в VK

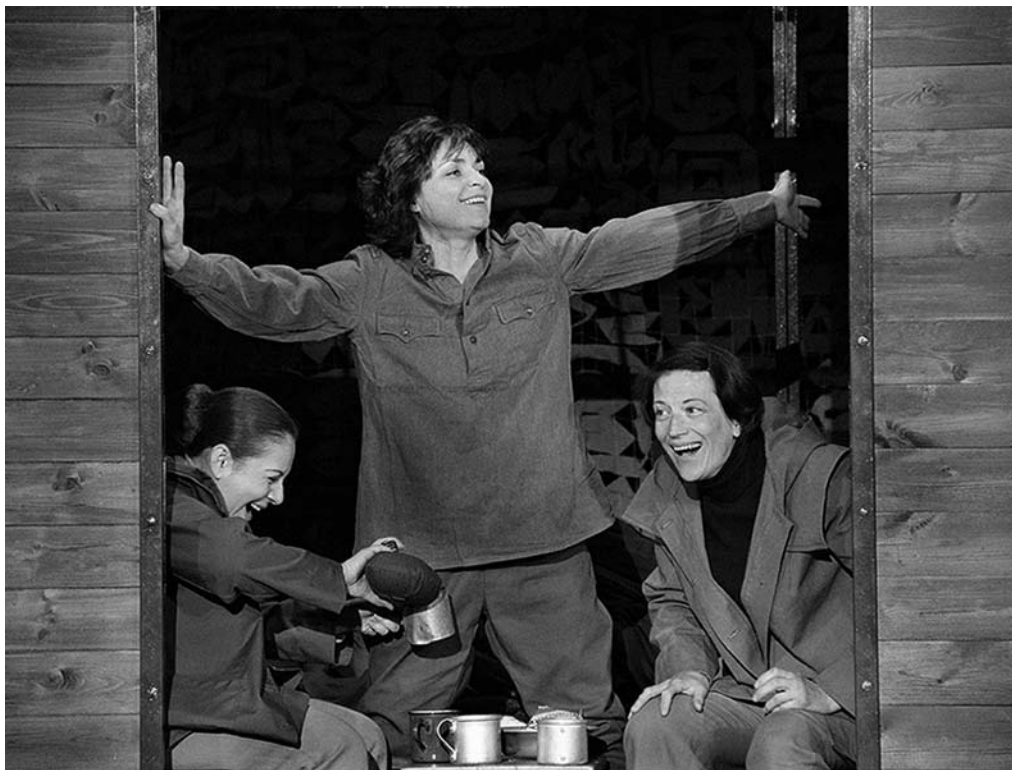

«Фронтовичка». Мотоциклист Илья — Д. Сокольников, Марина Петровна Небылица — И. Товологина

«Фронтовичка». Алексей — Е. Гречнев, Марина Петровна Небылица — И. Товологина

«Фронтовичка». Марина Петровна Небылица — И. Тологолина, Ленка — Е. Кузнецова, Танюха — Ю. Барабаш

Спектакль, как и проза Астафьева, показывает те бездны, провалы, из которых человек должен выкарабкиваться сам. В спектакле есть расчеловечивающие обстоятельства, но нет ни процесса, ни результата расчеловечения. В нем нет плохих людей и «отрицательных героев».

Есть сохранившиеся, выжившие, отчаянные. Есть человеческое содружество. Есть любовь — «пограндиознее онегинской любви». Не забудешь широко распахнувших глаз девочки-медсестры, устремленных на избранника, выздоравливающего солдата. Единственно-го из всех. Ее единственного. Но и той медсестры, что, занятая любовными утехами, не пришла на помощь умира-

ющему, не забудешь тоже. Хотя она и не появляется на сцене. Студенты-актеры, многому уже научившиеся, приоткрыли нам свои души, и зрительный зал отозвался им с благодарностью.

«Звездопад» Сергея Яшина и Елены Качалаевой сделает честь любой столичной сцене. Кроме сцены, кроме театра Сергея Яшина. Потому что театра у него нет. Театра его лишили, между прочем, по ходу каких-то несурзных игр в запредельно высоких сферах. Игр, которые уже навредили отечественной культуре много и разнообразно, и еще — в несомненности — отзовутся, скажутся.

Наша театральная общественность умеет быть солидарной, вот только

«Фронтовичка». Сцена из спектакля

смушает иногда, что солидарность эта какая-то... выборочная. Драма Сергея Яшина оказывается сегодня за ее пределами. Не знаю уж — почему.

Только он вот не сломался. Выстоял.

Спектакль «Фронтовичка» по пьесе **Анны Батуриной** представлен **Новомосковским театром**, а Новомосковский — это филиал **Тульского театра драмы**. Художественный руководитель общий — **Дмитрий Краснов**, он же постановщик спектакля, о котором пойдет речь.

Маша Небылица, по молодости лет, до войны ничему не успела научиться, а, пройдя фронт, научилась тому, что есть враги, которых надо убивать, и есть свои, которые всегда подставят плечо, будут верны.

*Я не дам свою родину вывезти
За флотор чужеземных морей.
Я стреляю, и нет справедливее
Справедливости пули моей.*

Это — Михаил Светлов. Я цитирую здесь комсомольских поэтов-романтиков, потому что настрой, тон спектакля Дмитрия Краснова совпадает с настроением и тоном этой поэзии — для меня, по крайней мере.

Романтический спектакль, в котором много печали.

И дорог — много, гораздо больше, чем казалось Маше, когда она покидала свое фронтовое братство. Да, собственно, одна дорога мыслилась — в мирную счастливую жизнь.

А вышло — не совсем так. Здоровые мужики не всегда выдерживали подобные беспощадные сломы жизненного

«Фронтовичка». Сцена из спектакля

уклада. Что же говорить о женщине, особенно о совсем молодой женщине, для которой опыт войны — единственный опыт.

Ирина Товологина играет медленное, постепенное становление человеческой личности, которое — ну, да — состоялось, но состоялось для других целей и обстоятельств. Играет с душевным пониманием и сочувствием.

Маша умеет воевать с фашистскими танками, но как быть с соседкой, которая с самого начала тебя возненавидела, приревновав к своему мужику. И как быть со своими, которые, оказывается, могут отступиться. И это особенно больно, потому что ожидала от них всего, только не этого. Но «Фронтовичка» — спектакль не о разочарованиях и потерях. Это спектакль о том, как человек, оказавшийся на жесто-

ком распутье, сберегает себя, душу, веру. Учится видеть окружающих, суть, иногда скрытую плотной завесой повседневноности. Одна из лучших сцен спектакля — когда люди, казалось, враждебно к Маше настроенные, встают на ее защиту. Видя, что она вот-вот сорвется, не вынесет предательства любимого человека.

Здесь уверенно сказалось еще одно достоинство спектакля. Умение быть рядом с партнерами, а не самим по себе.

Много дорог разных, и людей разных. Надо найти свою, надо найти своих. Не заплутаться и не запутаться. В мирное ли время, в военное ли.

Два спектакля о войне, которые отправляют свое послание в сегодняшний зрительный зал. Тем и интересны.

Константин ЩЕРБАКОВ

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР ПО ДУШАМ...

*Люди должны душами разговаривать,
а если не получается —
то что языками трепаться?*

Алексей Дударев

Юбилей Великой Победы Арзамасский театр драмы встретил премьерной постановкой главного режиссера театра, заслуженного артиста Карелии Амана Кулиева по пьесе Алексея Дударева «Рядовые», — спектакля о человеке и войне. Это очень актуальная тема для каждого из нас. Меня эта работа театра заставила вспомнить своего деда, который погиб в 25 лет 6 августа 1942 года в селе Новоустиново и похоронен в брат-

ской могиле. Стрелковая дивизия, в которой он служил, принимала участие в наступательной операции под Ржевом. Судя по военным документам, советских солдат каждый час обстреливали вражеские самолеты и атаковали немецкие танки. Только в 1980-е годы было установлено, где дед похоронен.

Наверное, в памяти каждого был родной человек, которого у него отняла война. Именно поэтому зал драмтеатра был полон задолго до начала спектакля.

Буштец — М. Быстров, Дугин — С. Столяков

«Рядовые». Сцена из спектакля

Ведь эта тема, о судьбах наших отцов, дедов и прадедов, о человеческой растерянности перед той жизнью, которая ожидала их на войне и после победы, не может не волновать.

Все началось совершенно необычно. В абсолютной темноте в свете луча прожектора режиссер проникновенно прочитал стихотворение **Давида Самойлова «Сороковые, роковые...»** И вот открывается занавес, гремят взрывы и на глазах зрителей умирает раненый солдат. Песни **Булата Окуджавы** словно сплетают в единый клубок все эпизоды спектакля и создают особое настроение. Оно меняется вместе с вибрациями тихого голоса Окуджавы. Его песни звучат как-то очень светло, по-доброму, напоминающая о возвышенных чувствах, на которые человек способен даже в аду войны.

Пьеса Алексея Дударева «Рядовые» не относится к числу зрелищ, к которым привыкла современная публика. Действие происходит в последние дни войны в немецком городке недалеко от Берлина. Дударев написал эту пьесу к 40-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне, но актуальность ее только возрастает с прошедшими десятилетиями. Получился почти исповедальный, временами нервный, даже беспощадный разговор о великой жертвенности, о внутреннем «аде». Известно, что Алексей Дударев, когда писал свои пьесы, погружался в характер каждого персонажа, проживал чужие жизни. Вероятно, так срабатывало его актерское прошлое и натура, возвращающая на белорусских деревенских просторах, щедро политых кровью в период войны. Важно,

что и актеры Арзамасского театра драмы эту дударевскую эмоциональность почувствовали и даже заметно приумножили.

На сцене разрушенный костел. Повсюду ящики со снарядами (художник **Александр Кузнецов**). Все сцены боев обыграны, в основном, при помощи света и звука. Кулиеву важнее показать то, что происходит в короткие передышки между боями, когда герои говорят о себе, о том, что пришлось пережить, и о том, что их ждет впереди. Перед зрителем проходят разные люди с такими непохожими жизненными историями. Но в одном они, безусловно, схожи: для каждого из них война — это тяжелое испытание, «внутренний ад». У одних она отняла семью, у других — веру, у третьих — человечность и чувство сострадания.

Однако их всех страшит даже не сама война, а то, как они будут жить после нее. Самые обычные человеческие ценности в условиях войны трансформируются: ранее важное и значимое становится неважным и обесценивается. Даже любовь на войне — только мгновенное воспоминание из прошлой счастливой жизни. Для них нет будущего, а есть лишь одно настоящее, переполненное болью, страданием и страхом.

Война не пощадила никого. Из этих, таких разных и таких похожих судеб и складывается общая картина человеческого горя, крепко связавшего всех.

Спектакль получился удивительно сердечным и трогательным, почти исповедальным, именно потому, что актеры ничего не играют, а по-настоящему живут на сцене. Это сразу чувствуют зрители, которые не стесняются своих слез уже с первого акта, потрясенные увиденным и услышанным. На какое-то время вообще забываешь, что ты в театре, а на сцене не реальные солдаты, а артисты. Перед нами самоотверженный и потрясающий актерский состав театра.

Ведут спектакль пять рядовых. Во-первых, это совсем еще ребенок, мальчишка, который только что призван на фронт и которого все называют Одуванчиком (**Дмитрий Пивоваров**). Он совершенно по-детски переживает, что прошел совсем мало сражений и у него нет медали. Дмитрия Пивоварова украшает не только молодость, но и умение понять своего героя, который «вылеплен почти ювелирно»: с тонким юмором и огромной нежностью.

Его пытается уберечь от пуль бывший партизан Дервоед (**Юрий Рослов**). Душевная боль (на его глазах убили жену Марию и сына Василька), которую он не может в себе заглушить, то и дело прорывается в воспоминаниях. Он поседел от ужаса, видя из засады, как фашисты издеваются над его семьей, но не мог поднять головы и выстрелить, потому что нес в штаб важные результаты разведки, от которых зависели судьбы многих других людей. Свой военный долг Дервоед выполнил, но удовлетворения это не принесло. Ему давно не страшна война, потому что он умер тогда, в той разведке. Он молит о прощении, но сам себя простить не может: воспоминания причиняют ему мучительные страдания. Все, что делает Юрий Рослов на сцене, проникновенно и чрезвычайно эмоционально, чем вызывает живой отклик у зрителей. Трогает именно бесхитростная простота и глубокая искренность его героя.

Третий рядовой — человек истинно верующий. Матвей Соляник (**Михаил Польдяев**) с первых и до последних дней войны уверен, что любая человеческая жизнь бесценна, и человека, каким бы он ни был, даже если перед тобой враг, убивать нельзя. Соляник постоянно повторяет Божью заповедь «Не убий!» В эти последние дни войны сослуживцы узнают, что он и от пуль не прятался, но и во врагов не стрелял. Идя сдавать оружие, Соляник

*Дервояд – Ю. Рослов,
Дугин – С. Столяков*

Дервояд – Ю. Рослов, Одуванчик – Д. Пивоваров

был смертельно ранен осколком снаряда. Перед смертью он просил у товарищей прощения, но остался верен себе в том, что человека убивать нельзя. Михаил Польшаев очень глубоко чувствует своего героя. Все, что он делает и говорит на сцене, звучит без малейшего оттенка фальши.

Динамику и драматизм первоудействию спектакля придает игра **Михаила Быстрова**, которому досталась роль рядового Буштеца, до предела ожесточенного войной. Он попал на фронт прямо с собственной свадьбы, этот бескомпромиссный, кажется, жестокий, но одновременно очень ранимый человек. Михаил Быстров – совершенно универсальный и безумно обаятельный артист, способный вызывать са-

мые противоречивые эмоции у зрителя. В нем столько темперамента и пластичности, что невольно начинаешь бояться его так, как его боится и сторонится Одуванчик.

Объединяет таких разных людей командир отделения – старшина Дугин (**Сергей Столяков**). К каждому он ищет свой особый подход. Он всегда знает, что и как надо сказать своим товарищам по оружию. Ранение лишило Дугина возможности иметь детей, поэтому он сам на себя написал похоронку и отправил жене Вере (**Елена Керзина**). Сергей Столяков открыл в этом герое внутреннюю интеллигентность и благородство. Внешне грубоватый, но наделенный огромным внутренним обаянием, он ненавязчиво заботится о

«Рядовые». Сцена из спектакля

своих солдатах и оберегает их. Кажется, он рожден именно для мирной жизни, война абсолютно противоположна складу его характера, его темпераменту. Дугин становится смысловым центром второго действия спектакля.

Я никогда не видела Сергея Столякова таким, каким он предстает в «Рядовых»: сдержанным, твердым, мужественным, глубоким. В финале старшина Дугин нелепо погибает от пули немецкого глухонемого мальчишки-солдата (**Артем Марышев**), которого хотел накормить хлебом.

Нельзя не отметить игру начинающего артиста **Ивана Пухова**, исполняющего роль молодого и горячего лейтенанта, пытающегося вывести Дугина «на чистую воду», предполагая, что

тот, когда писал похоронку жене, планировал побег во вражеский лагерь.

Еще одна проблема пьесы Дударева — это женщина и война. Особой лирической нотой проходят через первое действие спектакля отношения между медсестрой Лидой (**Еленой Быстровой**) и Леней Одуванчиком. Она, еще совсем юная девушка, мечтает о семье, которую у нее отняла война, безумно хочет иметь детей, потому что основное предназначение женщины — быть матерью. Ее трогательная забота об Одуванчике заставляет сопереживать. Она, такая хрупкая и нежная, спасет раненых бойцов и искренне успокаивает Леню, мечтая после войны уехать с ним туда, где очень тихо. *«Все скоро кончится... И будет тихо-тихо на земле...»*

И я буду твоей сестрой... И матерью... Мы поедем куда-нибудь далеко, где много-много тишины... И будем вспоминать только наше детство, наших мам, как нас принимали в пионеры, школу, каникулы... И никогда-никогда не вспомним войну...», — говорит Лида.

Есть всего одна сцена встречи Дугина с женой Верой, которая не верила в то, что он погиб, и, несмотря на полученную похоронку, его ждала и искала. Точно расставленными акцентами, даже тембром голоса, живой мимикой, образ Веры, созданный Еленой Керзиной, вызывает отклик в сердцах зрителей.

Очень живыми получились персонажи спасенных из концлагеря женщин, младшей Люськи (**Елена Марышева**) и пожилой бабки Насты (**Елена Стреб-**

кова), игра которых была до боли прочувствована актрисами.

Дервгод говорит потрясающие слова: *«Не наша с тобой это война, Сергей... Не мы ее вынесли, а они... бабы наши... В их слезах и в их крови Гитлер проклятый захлебнулся... В их душах правда вечная... И любовь... Не мы им, а они нам простить должны... За ужас, который пережили... За страх и слезы невинные, за смерть и муки, которые мы не смогли на себя взять... За то, что мы убиваем, а они рожают».*

Этот спектакль режиссер Аман Кулиев посвятил всем арзамасцам, которые воевали. После увиденного на сцене хочется просто молчать...

Елена ВАЛЕЕВА

Издано при поддержке
Министерства культуры РФ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 10

№ 9-229/2020

Журнал «Страстной бульвар, 10» / Учредитель Союз Театральных деятелей РФ / Главный редактор Наталья Старосельская / Редакторы Елена Глебова, Евгения Раздирова, Анастасия Ефремова / Дизайнер Людмила Сорокина / Адрес редакции: Россия, 107031 Москва, Страстной бульвар, 10 / Телефон / факс 8 (495) 650 3089 / E-mail 6503089@mail.ru / Журнал зарегистрирован Государственным комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации журнала «Страстной бульвар, 10» № 016382 от 18 июля 1997 года / Перепечатка и воспроизведение полностью или частично текстов только с письменного разрешения / Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов / Редакция оставляет за собой право не рецензировать присланные тексты и не отвечать авторам © Все права защищены / Периодичность 10 выпусков в год / Тираж 600 экз.

ИНЫЕ БЕРЕГА

журнал о русской культуре за рубежом

Ежеквартальный журнал для всех,
кто интересуется культурой

Проект Союза театральных деятелей
Российской Федерации

НОВЫЙ ВЫПУСК №2(50) 2019

Предыдущие номера
журнала вы можете
приобрести по адресу:

107031 Москва, Стрстной бульвар, 10/34, стр. 1,
(495) 650-30-89, strast10@stdrf.ru

ГОТОВИТСЯ К ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 10

В РОССИИ

«Моя жена — лгунья» в Арзамасском драматическом театре

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

«Два берега одной Победы» в Государственном академическом русском драматическом театре им. А.С. Пушкина, Республика Саха (Якутия)

ПОРТРЕТ ТЕАТРА

100-летие Краснодарского академического театра драмы им. М. Горького

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ

Евгений Овсянников (Севастополь)

ВСПОМИНАЯ

Людмилу Рошкован (Москва)

www.strast10.ru

Адрес редакции: Россия, 107031, Москва, Страстной бульвар, 10
Телефон/факс: 8 (495) 650 3089, E-mail: 6503089@mail.ru